

АННА ОДУВАЛОВА

ТЕМНОЕ ПРОШЛОЕ НАСТИГНЕТ ТЕБЯ
ДАЖЕ ПОД ПАЛЯЩИМ СОЛНЦЕМ

ДАР БОГОВ

ЭЛИТА ГОРСКЕИРА

Annotation

В третьей книге цикла «Дар» Анны Одуваловой читателя ждут:
Заключительная часть истории о братьях-близнецах и девушке –
мастере боевого искусства цеуньши.

Захватывающий микс детектива и романтики.

Тонкая психология и магнетические герои.

Атмосфера курортного острова.

Неожиданный интригующий финал с намеком на продолжение
любимого читателями цикла «Элита Горскейра».

- [Одувалова А.](#)

-

-

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Эпилог](#)

-

Одувалова А. Элита Горскейра. Дар богов

© Одувалова А.С., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

МАГИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ

ЭЛИТНОЕ ФЭНТЕЗИ

АННЫ ОДУВАЛОВОЙ

Элита Горскейра.
Моя сводная ведьма

Элита Горскейра.
Мой сводный некромант

Элита Горскейра.
Проклятый дар

Элита Горскейра.
Невыносимый дар

Элита Горскейра.
Дар богов

АННА ОДУВАЛОВА

ДАР БОГОВ

ЭЛИТА ГОРСКЕЙРА

МОСКВА

Глава 1

– Каро! Идем танцевать! Такой ночи больше не будет! – кричит Мара и машет мне рукой с танцпола, но я отрицательно мотаю головой.

Мы в «Облаках». Я стою на верхнем ярусе с бокалом шампанского и смотрю на людей, которые за четыре года обучения стали мне родными. Я постепенно стала своей и для колледжа, и для мажоров, которые в нем учатся. Это до сих пор странно. Странно настолько, что я не хотела идти на вечеринку, посвященную окончанию обучения.

Но мне подарили платье, и впервые в своей жизни я в белом. Оно дорогое, красивое и идеально сидит. Преступление – его не выгулять. А еще сегодня для нас поют «Ангелы».

Точнее, мои друзья считают, что «Ангелы» поют для них.

На самом же деле все немного не так.

И я не иду танцевать, потому что слушаю мелодию, пробирающую до глубины души. Мне кажется, парни стали петь лучше. Хотя в одно время ходили слухи, что группа распалась. Концертов не было почти год, но потом ребята вернулись – еще более недоступные, притягательные и красивые. Золото и серебро крыльев, маски, скрывающие лица, и чарующие мелодии. Их слава росла постоянно.

Когда один из «ангелов» делает шаг вперед со сцены, замирает сердце, потому что шагает он в никуда, в воздух. Но его подхватывает белое и пушистое облако, которых тут много. На них даже плавают ВИП-столики. Человека оно точно выдержит.

Раскинутые крылья за спиной, чарующий голос, и золотая роза в руках. Парень, который приближается ко мне, нереален. Он действительно ангел, и по сути, и по имени. Эндж. Тот, кто был со мной последние два года, тот, кто вытащил из бездны отчаяния. Он единственный, с кем получается быть принцессой, потому что он готов положить к моим ногам мир.

– Ты сегодня восхитительна, Каро, – говорит он и протягивает мне розу.

Невольно улыбаюсь. Я очень долго не могла этого сделать. Одно время думала, что улыбаться я разучилась.

Энджел приложил титанические усилия, чтобы завоевать меня, но чем дальше, тем больше я понимаю, что сдалась не зря.

Парень протягивает мне руку в золотой перчатке, и я под бурные овации делаю шаг к нему на облако. Сильные руки сжимают талию, а искаженный артефактом голос шепчет на ухо:

– Я придумал тебе лучший подарок к выпуску.

– И какой же? – спрашиваю я.

– Ты всегда хотела побывать в Монарко, – говорит он. – Нас ждут две незабываемые недели. Ты, я и море. Ты счастлива?

– Да, – шепчу я.

Я и правда мечтала побывать в Монарко. Только вот парень рядом должен был быть другим. Та история хоть и осталась в прошлом, но до сих пор отзывается болью в груди. И каждый раз очень сложно сдержать слезы. Хорошо, что сейчас они могут сойти за слезы счастья.

Дар

– Вир! Давай быстрее! И резче. Что значит – не могу? Пытайся!

Светловолосый мальчишка со злыми, заполненными слезами глазами в пятый раз неуверенно забирается на доску для стихийного серфа. У Вира магия воздуха – идеально для этого вида спорта – и экзоскелет, поддерживающий левую руку и плечо. Он-то, по мнению пацана, и портит дело.

Вир упал со второго этажа три года назад. Руку удалось собрать только на магический скелет – здесь, в Монарко, живут лучшие артефакторы, истинные. Парню повезло, но он так не считает и злится на судьбу. Как злился я. Иногда наша злость идет оттого, что нам никто не показал альтернативу, а сами мы увидеть ее не можем. Моя задача – показать, в том числе и на своем примере.

Эти дети, соленый воздух и стихийный серф – все, что осталось в моей жизни. Мое искупление. Каждый пацан или девчонка в моей секции так или иначе пострадали. У кого-то травмы душевные, у кого-то – физические. Впрочем, я знаю по себе. Экзоскелет на постоянной –

это тоже травма душевная. Моя цель – не дать им совершить те ошибки, которые совершил я.

– Элина! – рычу я, отвлекаясь от мыслей и бросая взгляд в море. – Поворачивай! Ты очень далеко!

Черноволосая нахалка, кажется, не слышит меня, поэтому я бросаюсь в волны за ней и вытаскиваю на берег с твердым намерением задать трепку.

Ругань она не воспринимает. Лицо превращается в злую маску, и мне кажется, я ору на пальму. Такое же бессмысленное занятие.

– Ты невозможна! – ругаюсь я.

– Скучный и старый! – фыркает она, а я невольно усмехаюсь.

Да уж, когда тебе пятнадцать, все, кто старше шестнадцати, кажутся старыми. А я в свои почти двадцать три вообще древний мамонт.

Как же она похожа на Каро... Замкнутая, злая и сильная. Когда вырастет, будет красивая. Пока же просто хорошенькая, если, конечно, этот эпитет применим к черту с косичкой. Элина, как и Каро, сирота. Но если Каро воспитывал шэх, то Элина на воспитании у бабушки. И это заставляет меня относиться к девочке с особенной нежностью.

У Элины тоже был брат-близнец, как и у меня. Но потеряла она его раньше и не по своей вине. Два года назад родители и близнец Элины Теа разбились. Элине на память о трагедии достался экзоскелет на ногу, который она вряд ли когда-нибудь снимет.

У нее нет моих сил и дополнительного источника магии. После случившейся трагедии я изучил очень много источников и понял. Я бы никогда не справился сам. Бабушка, шэх и я – мы ошибались. Всегда нужна жертва, своих сил не хватает. Даже созданный накопитель не сработает – именно поэтому так мало прецедентов. А те, кто смог стать с экзоскелетом единым целым, встречаются крайне редко. Они пожертвовали кем-то, чтобы стать здоровыми. Или неосознанно, как я, или четко зная, на что идут. Кем-то, у кого была такая же магия, как у них. Родителями или братьями, реже – детьми.

Это страшно. И возможность передвигаться без боли этого не стоит, потому что, оказывается, душа болит намного сильнее.

Мне жаль, что я слишком торопился жить. Настолько, что обрек на смерть самого близкого человека. Я никогда не смогу искупить эту вину. В тот день погибнуть должен был я, а не Кит.

Впрочем, я бы остался жить. Да, в виде искалеченного овоща, который даже в новый экзоскелет запихнуть бы не вышло. Но это была бы разумная плата за самонадеянность. А так я жив, а вот Кит?.. Кита нет, как и бабушки.

Мирс Валери сказала, что просто пришло ее время. Но я знал, это время сократил я. Сначала смертью Кита, а потом своим отъездом.

Я даже на похоронах не был. Думаю, все посчитали, что я полный мудак, но по факту я просто находился в таком месте, которое позволило мне переосмыслить свою жизнь, принять случившееся и осознать, куда двигаться дальше. Я не мог покинуть его в течение года. Таково было условие. И то, что я не смог проститься с бабушкой – еще один мой крест.

Занятие на берегу заканчивается. На пляже начинают собираться родители. Передав им детей, я медленно бреду по кромке воды к своему дому. Точнее, к тому месту, которое я привык называть домом. Это маленькое бунгало на самом берегу, гамак, подвешенный между двумя пальмами, и припаркованная рядом старая оса. Передвигаться по острову на магмобиле бессмысленно.

Я не взял ни копейки из причитающегося мне наследства. Считаю, что недостойн. Может быть, когда-нибудь я придумаю, как им распорядиться, но пока меня вполне устраивает крыша над головой, закаты и соленый бриз. Когда в душе выжженная пустота, мирское перестает иметь значение.

Ты ешь, чтобы не ослабнуть, спишь, потому что этого требует организм. Кровать и простая еда – все остальное неважно. Ну и гамак – моя единственная слабость. В миг, когда монарканское солнце падает в воду, я чувствую себя почти счастливым.

Каро

Комната вокруг меня пылает. Горят шторы и кровать. Мои руки тоже в огне. Это страшно, это мучительно страшно, но я не кричу. Просто не могу выдавить из себя ни звука. Боли не чувствую, только решимость. Мне нужно спастись.

К окнам не подойдешь. Несусь в ванную и открываю краны, а пламя спешит за мной, пожирая все на своем пути. Если не сбегу, оно

поглотит меня целиком.

Запрыгиваю в ванну и с головой погружаюсь в воду. Подсознательно понимаю: только так могу спастись от бушующего вокруг пожара. Если хватит воздуха в легких. Но я в этом не уверена. Голова кружится, дыхания не хватает.

– Каро, да чтоб тебя! – Голос прорывается откуда-то издалека, словно из другого мира. И сначала пугает, а потом я начинаю по чуть-чуть приходить в себя.

Меня подхватывают под руки и тянут вверх из холодной воды. Мне плохо, в легких вода, поэтому я задыхаюсь, кашляю, пытаюсь получить доступ к кислороду.

– Ну все же! Я думал, все закончилось!

Откашлявшись, судорожно хватаю ртом воздух. Зуб не попадает на зуб, голова кружится, а дыхание с хрипом вырывается из легких.

Мне холодно, меня трясет.

Энджел помогает выбраться из наполненной ванны. Вода уже переливается через бортик на пол, снова будут претензии от соседей снизу. Эта мысль мелькает неожиданно, устанавливая связь с реальностью и окончательно убеждая меня, что все случившееся – сон. Очередной дурацкий сон, мешающий жить.

Я в тонкой промокшей ночной сорочке, с волос капает вода... И, как всегда, после кошмаров я плохо соображаю.

– Что на этот раз? – ласково спрашивает Энджел и тащит меня в комнату, прижимая к себе.

Его сердце бьется размеренно, движения плавные и неторопливые. От парня исходит абсолютное спокойствие, которое передается и мне. Я ценю его именно за то, что он может уравновесить меня. Иногда кажется, что Энджел слишком отстранен и не способен переживать полную гамму эмоций, но для меня это плюс. Не хочу качелей. Эндж – нерушимая скала, за которую я цепляюсь после своих кошмаров.

Вода течет на пол, на самого парня, и вряд ли ему приятно, но он сгружает меня на кровать и вытирает огромным махровым полотенцем. Заворачивает в плед и отлучается на пять минут на кухню, чтобы сделать чай. Привычный ритуал.

Кошмары начались у меня сразу после смерти Кита, но если у нормальных людей они со временем прекращаются, то у меня – нет.

Все начало выходить из-под контроля примерно через год после трагических событий. За несколько недель до знакомства с Энджелом я первый раз начала ходить во сне. Это был мой способ противостоять кошмарам. Мой организм решил именно так. Потом кошмары стали более реалистичными, всегда связанными с огнем, а мои действия – все более опасными для меня и для окружающих.

Я была в панике, и только сильный маг-менталист, с которым Энджел свел меня гораздо позже, пояснил, почему так происходит. Такова реакция моего организма на стресс. Не только болезненное расставание с Даром и смерть его брата, но и тяжелое детство, слезка маньяка во взрослом возрасте. Просто в определенный момент мой дар начал работать против меня. Именно он заставляет верить в то, что кошмары реальны.

Психотерапия помогла. Ну, я так думала. Последний кошмар был три месяца назад, и, честно сказать, я надеялась, что поборола этот ужас. И вот теперь снова сижу растерянная и пью горячий чай с каплей коньяка и магией, который сделал Энджел.

Как всегда после кошмара, чувствую себя несчастной и потерянной.

Энджел обнимает меня и говорит, что все будет хорошо.

– Хочешь, спою? – спрашивает он, устроив подбородок у меня на макушке.

И я киваю, глотая слезы.

Энджел начинает петь. Тихо, только для меня. В его голосе нет хрустальных колокольчиков – они для сцены. Голос низкий, бархатный и волнующий. Энджел на сцене и рядом со мной – это совершенно разные... даже не люди. Существа.

У него медные волосы, смуглая ровная кожа и яркие голубые глаза. Я бы хотела, чтобы глаза были другие. Например, зеленые. Ему бы пошло. И он не напоминал бы мне про прошлую, сломавшую меня любовь.

Спать ложиться смысла нет, через два часа нам в любом случае вставать. Нас ждет путешествие в Монарко. Поэтому мы перемещаемся на кухню, где сонный Энджел с растрепанными волосами и в одних низко сидящих на бедрах брюках варит кофе. В старинной турке, которая совершенно не подходит к его современной кухне в одном из пентхаусов нового района Горскейра.

Не хочу думать, что по соседству квартира Дара. Раньше я надеялась, что непременно как-нибудь встречу его. Но потом поняла: нет. Дар вычеркнул меня из своей жизни. А значит, мне нужно сделать то же самое.

Я научилась бороться с кошмарами и жить практически нормальной жизнью. Делать вид, будто сны ровным счетом ничего не значат. Маска на лицо, макияж, капелька любимых духов за уши – и я готова к приключениям. И даже думаю о предстоящем отпуске с приятным волнением, выкинув из головы минувшую ночь как нечто незначительное.

Сегодня мой выбор – облегающее платье без рукавов золотисто-бежевого цвета, практически в тон моего загара, босоножки на каблук и шляпа с большими полями. Посмотрев в зеркало, я с трудом нахожу в отражении ту дерзкую девочку, которая поступила в элитный колледж магии по гранту.

За последние годы я тесно сдружилась с Марой, а когда начала выходить в свет с Энджелом, стала более женственной. Не могу сказать, плохо это или хорошо. Определенно мягкость мне к лицу. Я уже не бью за косой взгляд, я умею держать себя в руках и наслаждаться красивыми вещами. И жадными взглядами.

Наверное, я просто выросла.

Я все еще опасна, но не бесконтрольно. Спортивную карьеру я закончила в этом году. Это не прихоть, просто получила своего золотого феникса на тогу, заняла титул, к которому шла столько лет, и поняла, что мне больше некуда стремиться. Все вершины покорены.

Нет, цеуньши по-прежнему занимает огромное место в моей жизни. Без тренировок я не могу. Иногда я помогаю шэху и тренирую мелочь. Но тренирую только последний год. После того как из-за Дара в нашем зале погиб его брат-близнец, отношения с шэхом стали холоднее.

Мне кажется, он так и не простил меня. Точнее, он никогда не ставил произошедшее мне в вину, но это я была причиной поступка Дара. Это я была причиной того, почему шэх изменил своим правилам и начал тренировать адреналинщика. Возможно, простить он не мог не меня, а себя. Не разгадал, не предусмотрел. Но к детям он не подпускал меня долго. Мотивировал свое решение тем, что я все еще нестабильна.

Возвращение маньяка и трагедия с Даром действительно подкосили меня. И только благодаря Энджелу я начала понемногу возвращаться к жизни.

Сейчас учеба закончена, и мне нужно определиться, каким будет мой дальнейший путь. У меня есть несколько предложений, но ко всем не лежит душа.

Меня зовет Мара. В команду ее отца нужны менталисты, а менталисты с навыками боя – вообще на вес золота. Это денежно, престижно, но не мое.

Меня готов принять шэх. Да, официально и в свой клуб. Пожалуй, это мне по душе, но там я всегда буду его тенью. Этот выбор самый очевидный, но бесперспективный и, наверное, скучный.

Меня зовет Энджел, хочет, чтобы я помогала ему. Расписание, графики, гастроли. Быть с ним рядом круто, но быть его тенью... Нет, я не хочу становиться ничьей тенью. Как хорошо, что впереди еще две недели, за которые я могу сделать выбор, потому что пока я в растерянности.

На окраину города к огромному современному терминалу нас отвозит водитель на дорогом, но безликом черном магмобиле. Мы минуем обычную шумную очередь и входим через отдельную дверь. Здесь маггайды свободны, и мы можем перенестись практически мгновенно, так как записаны на определенное время.

Оформление документов занимает не более пятнадцати минут, и мы проходим через молочную дымку магического лифта в удобную кабинку. Тут два кресла, пристяжные ремни. В помещении гаснет свет, и Эндж берет меня за руку, помня, что замкнутые помещения и темнота вызывают у меня панику. Но правда в том, что огня сейчас я боюсь больше.

Короткое помутнение сознания, накатившая тошнота, миг свободного падения – и свет вокруг нас зажигается уже в Монарко.

Когда выхожу, голова немного кружится, а в мышцах слабость. Мне кажется, это не такая большая плата за мгновенную транспортировку на несколько тысяч километров. Тут даже воздух другой. Пахнущий солнцем, морем и пряностями.

Глава 2

Монарко – рай на земле. Песчаные пляжи, расслабленные люди, зелень. Тут такое яркое небо и ослепляющее солнце, что картинка вокруг кажется нереальной, особенно для человека, который всю жизнь провел в окрестностях унылого серого Горскейра, с его вечными туманами, дождями и низкими, скрывающими солнце тучами.

– Ну, как тебе?

Мы с Энджелом выходим из маггайда, взявшись за руки. На душе спокойно, словно все мои кошмары и душевные травмы остались за границей перехода в Горскейре.

На Энджеле солнечные очки. Легкий ветер треплет его яркие медные волосы, которые не мешало бы подстричь. Мой Ангел – красивый. И мне непонятно, почему на выступлениях он всегда прячется под маской. Мне кажется, это преступление – прятать такое лицо. Впрочем, в этом есть определенный смысл. Не скрывай он свою личность так тщательно, сейчас мы вряд ли бы могли отдыхать, не опасаясь толп поклонников.

– Я влюблена в это место! – признаюсь, оглядываясь по сторонам.

Сзади двое мужчин в униформе несут наш багаж, и мне хочется пищать от восторга, потому что наши вещи пакуют в обтекаемый открытый магмобиль красного цвета. Он словно создан специально для Энджела.

– Мы поедем на этом?

– Для лучшей девушки – лучшие решения! – белозубо улыбается он.

Это моя первая поездка на магмобиле с открытым верхом. В Горскейре постоянно дождь, и ради редких солнечных и теплых дней даже самые богатые люди не покупают себе игрушки, подобные этой. В нашем климате это бессмысленная трата денег.

Зато в Монарко такой автомобиль более чем уместен. Прыгаю на переднее сиденье, на миг забыв, что теперь я взрослая и почти леди. Мне не пристало перемахивать через дверь, но я не могу не позволить себе эту маленькую шалость. Здесь все располагает!

Энджел смеется и качает головой, но мой подвиг не повторяет. Спокойно открывает дверь и садится за кристалл управления. Мы мчимся сначала по трассе, а потом по золотистому пляжу в сторону горизонта, где-то там нас ждет арендованная Энджелом вилла.

Монарко – остров, и он относительно небольшой. Здесь почти нет местных, только отдыхающие и обслуживающий персонал. Ну и люди, которые проходят сложную реабилитацию после травм. Те, у кого на это хватает денег. Монарко всегда славился своими артефакторами и нетрадиционной медициной.

Мы минуем пансионаты, красивые ухоженные аллеи и попадаем в небольшой город. Защищенная территория. Отмытые до блеска улицы.

Это город-курорт для богачей. Дорогие виллы, несколько реабилитационных центров и домики поменьше, в которых живет персонал. Они расположены на отдалении от пляжа, за исключением нескольких на самом берегу.

Создается впечатление, что эти строения возникли тут намного раньше, чем сам город-курорт, поэтому сейчас домики смотрятся немного неуместно, словно выдернутые из другой реальности.

Наша вилла, которую Энджел арендовал на две недели, находится почти сразу за ними, дальше по пляжу. Тоже небольшая, но современная, со своим бассейном и верандой, уходящей в море. С собственным заходом и панорамными окнами.

Рай. Если бы я представляла, что где-то на земле есть такое место, мечтала бы о нем всю жизнь. А сейчас просто распахиваю панорамные окна и выхожу на веранду, вдыхая морской воздух. Смотрю вдаль на волны и одинокого серфингиста где-то на горизонте. Силуэт постоянно скрывается в волнах, а потом сверкающая магией доска снова оказывается на гребне.

– Увидела что-то интересное? – спрашивает Энджел, подходя ко мне со спины и обнимая за талию.

– Думаю, хочу я попробовать или нет? – показываю в сторону смельчака, покоряющего волны.

– А почему бы и нет? – спрашивает он. – Мне кажется, у тебя все получится. Здесь нужно умение держать баланс, магия и хорошая физическая форма.

Сегодня особенно хороший день. Солнце не жарит слишком сильно, ветер не швыряет в лицо пригоршни песка. Детей я распустил, индивидуальных тренировок нет, и берег полностью в моем распоряжении. Есть несколько отдыхающих, которые лениво валяются в шезлонгах. Как минимум трое из них пришли полюбоваться на меня на доске.

Богатые мамочки с детьми. Обеспеченные мужья отправили свои вторые половинки отдыхать и набираться сил и здоровья в Монарко, не подозревая, как именно дамы предпочитают развлекаться. А может быть, и подозревая.

Такое встречается сплошь и рядом. В высшем свете договорные браки – норма. Главное – соблюсти приличия и чистоту крови, а в остальном каждый живет так, как хочет. Вот и развлекаются скучающие аристократки, как могут.

У каждой есть личная вилла, собственный заход в море, бассейн и прочие блага цивилизации, которые мне кажутся излишними в раю. Но на личном пляже определенно сложнее встретить накачанного загорелого магсерфера.

Не то чтобы я тут один такой красавчик, но обычно все собираются на этом пляже. Просто сегодня штиль. Для меня, как для мага-стихийника, это не проблема. Лед и огонь – опасное сочетание.

И трагичное. Брата нет вот уже почти четыре года, а его магия осталась. Это не магия ветра, но создать волну мне под силу. А остальным – нет, поэтому из компании взрослых, любящих постоять на гребне волны, я сегодня один. И это кайфово.

Скидываю рубашку. Оставшийся экзоскелет выступает только на руке, как вечное напоминание о том, чего мне стоило освобождение. Я дорожу этой своей частью, хотя, пожалуй, сейчас моих сил хватило бы на то, чтобы от нее избавиться.

Но я не буду. Это не позволяет забыть о том, что никогда нельзя идти к своей цели напролом. Всегда нужно помнить о цене и не дергаться, если не готов ее заплатить.

Спину обжигает жадный взгляд. Для тридцатилетних скучающих аристократок я – нищий мальчик, которого прикольно снять. То, что я не реагирую на их призывы, раздражает дамочек еще больше.

Только вот они видят лишь оболочку, не догадываясь, что первые девятнадцать лет своей жизни я провел в их среде. Знаю, что такое пресыщенность, меня не заманишь сиянием бриллиантов, я вижу усилия бьютимагов, а еще в моем сердце навсегда она — дерзкая, наглая, сильная и... не моя. Все остальные с ней не сравнятся, а значит... смысл?

Только вот мы — слишком убийственное сочетание. Нам нельзя быть вместе, а я в принципе не имею права быть счастливым.

Вскакиваю на доску и с порывом ветра взлетаю на волну. Тут я чувствую себя свободным и беспечным, как раньше. Ну, насколько это возможно.

В воде провожу около часа. Мышцы болят, тело пощипывает от соли, а волосы стали жесткими и свисают на глаза солеными сосульками. Моя кожа давно стала бронзовой, загар на пропитанное потом и солью тело ложится моментально.

Забираю доску и рубашку и направляюсь в сторону своего бунгало — назвать домик виллой язык не поворачивается. Прохожу мимо двух молодых женщин на шезлонгах. Знакомые лица. Они тут уже около месяца. Оливия и вроде бы Клэр. Не помню. Их дети — мальчик и девочка лет шести — играют тут же, под соломенным зонтиком.

— Дар! — зовет Оливия низким, с хрипотцой, голосом.

Красивая. Чем-то похожа на повзрослевшую версию Каро. Черные блестящие волосы, идеальная фигура с красивыми изгибами и голодный взгляд.

Вот взгляд на Каро совсем не похож.

Останавливаюсь и смотрю ровно, с вежливой улыбкой.

— А что нужно, чтобы взять у тебя индивидуальный урок? — спрашивает она. Ее поза, взгляд, улыбка — все это не оставляет сомнений в ее истинных намерениях.

Пожимаю плечами и уклончиво отвечаю, скорее набивая себе цену, нежели категорично отказывая:

— Как правило, я занимаюсь с детьми.

— А в исключительно случае?

— В исключительном случае можно.

Почему нет? Деньги нужны. Я принципиально живу только на то, что заработаю. Вот такое смирение души и тела. Прими я наследство,

мог бы купить половину острова. На другую не то чтобы денег не хватило бы, просто там уже все выкуплено желающими. Они не продадут.

– Отлично! – Она кивает с видом победительницы. – Приходи тогда вечером...

– Вечером на магсерфе не катаются, – хмыкаю я, старательно игнорируя намеки.

– У нас сегодня большая вечеринка, можно отдохнуть на берегу...

– У меня и так весь день – отдых на берегу.

– Хорошее вино, хорошая компания... Заодно обсудим стоимость индивидуальных занятий... – продолжает она невозмутимо.

Знает себе цену. Уверенная и цепкая. Неинтересно. Но вечеринка? Индивидуальные занятия... почему бы и нет? Я очень давно никуда не выбирался.

Каро

Мир прекрасен, убеждаюсь я, накупавшись в теплом море и устроившись на шезлонге. Солнце обжигает кожу, но я не боюсь сгореть. Мне слишком хорошо, и я верю в зелье Энджела от загара. Я не помню, когда в последний раз была настолько расслабленной, когда напряжение уходит из каждой мышцы. Растекаюсь киселем, и это блаженное состояние. Почему раньше никто не сказал, что после тяжелого тренировочного сезона надо ехать сюда? «Потому что у тебя не было на это денег, Каро», – отвечаю сама себе очевидную вещь.

– Чего желаешь вечером? – спрашивает он, устраиваясь на соседнем шезлонге и протягивая мне стакан свежавыжатого грейпфрутового сока.

Все как я люблю. Холодный, с горчинкой. Освежающий.

– Мне так хорошо, что хочется просто лежать тут и смотреть на волны и закат, – признаюсь я, лениво потягивая через трубочку сок. – Просто не верю, что может быть лучше.

– Да ладно! – Энджел, который хорошо успел изучить меня за два с половиной года нашего знакомства, хмыкает. – Тебе же через час станет скучно.

– Твоя правда, – вздохнув, соглашаюсь я. – Какие предложения?

– Ну... – Парень пожимает загорелыми накачанными плечами. – На закат лучше любоваться с набережной. Со смотровой площадки открывается лучший вид в Монарко. Бескрайнее море, скалы вдалеке, парусники...

– Звучит заманчиво, – тяну я, с сожалением отмечая, что сок как-то очень быстро закончился.

– А еще там есть несколько ресторанов над водой. Морские гады, холодное белое вино... романтическая обстановка.

– Ты не ангел, – усмехаюсь я. – Демон-искуситель. Конечно, я согласна! Когда надо быть готовой? Белое вино, романтика и закат! Этот день просто не может стать лучше!

– Время на нашей стороне, – лениво отзывается он. – Лежи, наслаждайся моментом. А как спадет жара, предлагаю прогуляться.

Вот чего у Энджела не отнять, так это того, что он умеет предугадывать мои желания и организовывать развлечения. Идеальный парень, идеальная жизнь – о чем еще можно мечтать?

Разве что о настоящей любви.

Но я считаю, что она дается раз в жизни, и у меня она уже была. Это во-первых. А во-вторых... любовь приносит боль, а я устала от боли. Я хочу рассветов на берегу моря, вкусных ужинов, неспешных прогулок и покоя в душе. А если Монарко с его неповторимой природой, чарующей расслабленностью и ощущением вечной сиесты позволит избавиться от преследующих меня кошмаров, возможно, получится почувствовать себя по-настоящему счастливой.

Для вечерней прогулки я выбираю легкое платье на тонких бретелях. Приглушенный цвет капучино чуть темнее моей кожи. Легкий материал приятно скользит по коже и приносит ощущение свободы. На улице достаточно жарко, поэтому волосы я забираю в высокий хвост. Немного подумав, заплетаю витую косу и закрепляю волосы на конце стальным наконечником.

Раньше я постоянно носила такую прическу, но в последнее время отказалась от нее, предпочитая распущенные. Слово избавление от маньяка позволило снять некий блок. Я полюбила свои волосы и даже начала их завивать. С кудрями получалось создать более легкий образ.

Но сегодня мне хотелось строгости. Обнаженные плечи и спина делают меня достаточно женственной вне зависимости от прически.

Энджел уже ждет меня. На нем свободный льняной костюм. Парень совершенно расслаблен. Волосы в беспорядке. Половину лица скрывают солнечные очки, на губах едва заметная ленивая улыбка, а золотое колечко серьги в ухе делает образ дерзким.

– Готова? – спрашивает он, и я киваю, приняв протянутую мне руку.

Наша вилла выходит на узкую аллею, над которой склоняются высокие деревья. Ядовито-розовые цветы смотрятся на них неестественно. Слишком яркие и крупные, с приятным, но тяжелым ароматом, который теперь вечно будет ассоциироваться у меня с этим райским островом.

– А они вообще настоящие? – спрашиваю я, удивленно задирая голову. Монарко слишком яркий, чтобы быть настоящим. Я привыкла к приглушенным оттенкам Горскейра, и здесь теряюсь от буйства красок. А вот Энджел идеально вписывается в местный колорит. Парень смуглый и с огненной шевелюрой.

– Конечно, настоящие. Что за вопросы, Каро? – Он подпрыгивает и, сорвав цветок, втыкает мне в волосы. – А тебе идет.

Охотно верю, яркий экзотический цветок должен хорошо смотреться в черных волосах. Взявшись за руки, мы медленно бредем по тенистой аллее и сворачиваем на длинный променада, идущий вдоль моря.

Уже вечереет. Закаты на море стремительные. Вот только солнце алело над горизонтом и окрашивало воду в розовый, а сейчас город уже накрывает ночь. Не успеваешь насладиться коротким миготом, как на смену жаре приходит бархатный вечер. С чернильным небом и шумом моря, которое сливается с бездной неба и звездами. Смотришь вдаль и не понимаешь, какие из них сияют на небе, а какие отражаются в воде.

Опираюсь локтями на заборчик набережной и подставляю лицо ветру. Соленый бриз приносит частички моря, которые солью оседают на коже.

– Проголодалась? – спрашивает Эндж, остановившись рядом.

– Не особенно, – отвечаю я. Я вообще отношусь к еде равнодушно, особенно если ее можно заменить яркими впечатлениями. – Может, еще погуляем?

И мы продолжаем путь по набережной, на которой с каждым мигом становится все больше и больше народа.

– Этот остров никогда не спит, – говорит Эндж. – Здесь круглосуточные клубы, рестораны... Бесконечный поток развлечений на любой вкус и кошелек.

– Это тебе по нраву? – интересуюсь я.

– Когда-то было да. Сейчас... Наверное, прикольно за этим наблюдать.

– Со своего шезлонга? – понимающе усмехаюсь я.

– Именно, – соглашается парень, словно несколько смутившись.

Это мило.

Мелькнувшая впереди фигура кажется знакомой. Высокая женщина лет тридцати с небольшим.

– Каро? – удивленно восклицает она. – Каро Девелин?! Вот уж не ожидала тебя тут увидеть!

– Мирс Фирсон! – Я искренне улыбаюсь. Ее сын Мишель два года занимается цеуньши у шэха. Я часто веду у них занятия. Приятная семья, приятный ребенок. К сожалению, чемпионом ему не стать, но там и нет таких запросов. Пацан занимается для удовольствия и поддержания физической формы.

Мы обмениваемся последними новостями. Я узнаю, что в Монарко у них своя вилла, и они с сыном приезжают сюда на все лето. Собственно, поэтому Мишель и пропускает тренировки.

– А у нас сегодня большая вечеринка, – делится мирс Фирсон.

Я силюсь вспомнить ее имя, но не могу. Возможно, потому что и не знала его.

– На самом деле на острове, несмотря на разнообразие развлечений, не хватает возможности просто пересечься с друзьями. А ведь тут много отдыхающих из Горскейра. Поэтому каждую пятницу мы проводим открытую пати на своей вилле, тут недалеко. Приходите.

– А вы? – Я удивленно смотрю на женщину, которая сама игнорирует собственную вечеринку.

– Понимаю, как глупо это выглядит! – со смехом замечает она. – Но дети – такие дети! Мишель и Тина – дочь моей подруги Оливии – ночуют сегодня на их вилле. И все было отлично, пока Мишель не решил, что няня не годится для сопровождения. Отвести его

к подруге должна я. И непременно по набережной! Вот, возвращаюсь к себе. Присоединяйтесь. У нас всегда весело!

– Даже не знаю... – говорю я сомнением. Присутствие на чужой вечеринке не кажется мне уместным.

– А почему бы и нет? – произносит Энджел.

Под напором этих двоих я соглашаюсь. В конце концов, мы на отдыхе. Вечеринка на вилле у моря – отличное завершение первого дня на райском острове.

Дар

Выгоняю осу. Здесь я «летаю», как пенсионер. Парни, с которыми я познакомился, когда восстанавливал навыки магсерфа, ржут. Они не знают мою историю. Я бы вообще не сел на этот транспорт, но внезапно оказалось, что магмобиль я себе позволить не могу, а в наследство лезть мучительно больно. Да и ездить на магмобиле по острову смысла нет. Разве что брать с открытым верхом. Какая-то часть меня, которую я тщательно подавляю, воспринимает эту идею с восторгом – но нет, я сам выбрал путь аскезы, никаких навороченных магмобилей.

Да, любой маг-менталист, специализирующийся на работе с различным посттравматом, скажет, что я просто наказываю себя за смерть брата. Лишаю себя дорогих вещей, привычного комфорта и заставляю не жить, а существовать. Может быть. Но что, если это единственный способ хоть как-то искупить свою вину?

Кит мертв, а мне радоваться? Тратить деньги из наследства, которое в два раза больше, чем должно было быть? Ни в чем себе не отказывать и жить на полную катушку, так, как хотел? Seriously? Может быть, и Каро вернуть? Это мечта, которую я никогда не позволю себе реализовать.

Я здоров, у меня магия и потенциал, уровень которого страшно проверять. Огонь и лед в одном организме. У меня куча денег и неограниченные перспективы, и цена у всего этого – жизнь брата. Поэтому с роскошной жизнью покончено. И с разрушительным кайфом, который приносит скорость, – тоже. Теперь старенькая оса – лишь средство передвижения. Единственный экстрим в моей жизни –

это магсерф. Маленькая поблажка, потому что магсерф – это не только мой кайф, но и инструмент, который позволяет ставить на ноги детей.

До места проведения вечеринки можно дойти пешком. Тут все недалеко, но оса – это законный способ не пить. А мне явно будут предлагать. Ну и на осе быстрее. Не хочу пробираться через заполненную туристами набережную.

На мне шорты чуть ниже колена – не самые чистые, с обтрепанным низом. И свободная льняная рубашка. Та, которая становится мятой практически сразу, как ее наденешь. Рукава закатаны до локтя, на шее – простой серебряный медальон. Расплавленное кольцо брата. Единственное украшение, которое я себе позволяю.

Я четко понимаю, как буду смотреться на пафосной вечеринке скучающих аристократов. И мне все равно. Возможно, это отрезвит слишком активную дамочку. Должна же она понять, что тренер по магсерфу не годится даже для мимолетной интрижки.

Иногда я думаю, что буду делать, если однажды на одной из таких вечеринок встречу кого-то из своих хороших знакомых. Зовут меня не скажу что регулярно, но раз в пару месяцев точно. И я не знаю ответа на этот вопрос. Возможно, просто сделаю вид, что они обознались и мы не знакомы, а может быть, как ни в чем не бывало выпью пару бокалов виски. В конце концов, богатый наследник с тяжелой судьбой имеет право на любой закидон.

Но пока мне не хотелось бы таких встреч. Слухи разносятся по острову слишком быстро. А мне тут живет хорошо и спокойно. Я не хочу пускать прошлое в этот мир.

Приезжаю на виллу, расположенную у самой кромки воды, часа через полтора после начала. Веселье на выходящей в море террасе уже в самом разгаре.

Это лучшая стратегия. Всем уже все равно, кто ты и кто тебя позвал. Проще слиться с толпой. Ну а тот, кто пригласил, найдет меня сам. И даст все, чего я хочу. А я хочу денег за индивидуальные уроки. Вот такие непритязательные желания у одного из самых богатых холостяков Горскейра.

Идея принять приглашение на вечеринку – определенно отличная. Здесь все организовано по высшему разряду. Это не студенческая пьянка на минималках, когда родители уехали и оставили в распоряжении целый дом, тут все по-взрослому. Огромный дом, цветы в вазах, подсветка, небольшой танцующий фонтан во дворе. Официанты, изысканные закуски, много зон для отдыха и неспешно прогуливающиеся по огромной открытой террасе гости.

Шумит прибой, луна – яркая и крупная – рисует на поблескивающих волнах серебристую дорожку, а морской бриз освежает.

Играет тихая музыка: какая-то местная группа. Мне нравится, а Энджел морщится. Композиция не удовлетворяет его взыскательный вкус, но парень тактично молчит.

Подхватываем два бокала с игристым с подноса официанта и подходим к ограде террасы. По пути перекидываемся с собравшимися гостями ничего не значащими фразами. Все, как и мы, отдыхающие. Некоторые тут на несколько дней – это в основном солидные мужчины, а кто-то (чаще всего их жены и дети) проводит в Монарко весь сезон. Таких на этой вечеринке большинство. Вырвавшиеся из наскучившего быта обеспеченные домохозяйки.

Поэтому и разговоры такие. Про отдых, экскурсии, рестораны и местные вина. Про так заинтересовавший меня магсерф. Мирс Фирсон, которую, оказывается, зовут Клэр (к счастью, я слышу ее имя раньше, чем попадаю в неловкую ситуацию), знакомит нас со своей подругой – Оливией.

– Оливия у нас фант магсерфа, – с непонятной мне усмешкой замечает Клэр.

Ситуацию чуть проясняет их третья подруга.

– Точнее, магсерферов, – хихикает она. – Она может подсказать, у кого тут лучшие индивидуальные тренировки.

– У лучшего я еще уроки не брала, – отрезает Оливия.

Она красивая, холеная и пытается поддержать образ аристократки на отдыхе. Идеальная укладка, шпильки, безупречный макияж...

Пьяненькие подруги рушат тщательно создаваемый образ, и ее это злит, хотя Оливия очень хорошо держится. Улыбается, пытается уйти от неприятного ей разговора, но с такими подругами это нереально.

Беседа снова и снова сворачивает на магсерф и горячих магсерферов. Мне даже неловко, потому что я пришла сюда с Энджелом.

Правда, парень очень быстро и плавно переходит к компании мужчин. Опыт, полученный на светских тусовках. Поэтому женские темы продолжаются, становясь все более откровенными. И, кажется, меня единственную магсерф интересует исключительно как спорт.

– Так у кого тут можно потренироваться? – спрашиваю я. Другого источника информации, кроме трех озабоченных, скучающих на отдыхе подружек, у меня пока нет.

– Ну-у... не знаю, – жеманно тянет Оливия. – Он не берет индивидуалов. И вообще предпочитает заниматься с детьми.

– Ой, не жадничай, Оливия. Посмотри, с каким красавчиком приехала Каро. Энджел богат и хорош собой. Кому нужен твой нищий магсерфер... Кстати, о нищих магсерферах... Вон он.

Я автоматически поворачиваюсь туда, куда указывает подружка Оливии, и единственное, что могу сказать:

– Это он-то нищий?!

Потому что вижу перед собой Дара. Да, он выглядит очень непривычно. Так, словно спал под пальмой последние три года. Причем в тех же джинсах, в которых уехал из Горскейра, просто они стали короче.

Но это все равно Дар. Я не понимаю, что произошло, и теперь просто замираю, как изваяние. Сбежать? Поздороваться? Сделать вид, будто не узнала? На его лице – ни единой эмоции. Еще бы! Он выкинул меня из своей жизни еще несколько лет назад.

– А что тебя удивляет, Каро? – с вызовом спрашивает Дар, засунув руки в карманы и останавливаясь в нескольких шагах от меня.

И словно не было этих трех с лишним лет. Я моментально вспоминаю его энергетику, его запах. Дыхание перехватывает от слишком острых чувств.

– В этой жизни все может измениться в один миг. Тебе ли не знать?

Сглатываю, думая, как сбежать. Эта встреча настолько неожиданная, что я не понимаю, как реагировать. Я представляла ее сотни раз. Мечтала, прогоняла в голове разговор... Но по факту оказалась совершенно не готова. Единственное, чего мне сейчас хочется, – исчезнуть отсюда. Язык прилипает к небу, и все, что я могу

сейчас, – это испуганно таращиться на парня, подмечая малейшие изменения.

Волосы длиннее, чем были, почти достигают плеч. Сейчас лучше заметно, что они выются. Под монарканским солнцем выгорели практически добела. Плечи стали шире, загар темнее, а экзоскелет остался только на одной руке. Как браслет, обвивает запястье и скрывается под закатанным до плеча рукавом рубашки.

– Вы что, знакомы? – с недоверием уточняет Оливия, указывая зажатым в руке бокалом сначала на Дара, потом на меня, и избавляя меня от необходимости реагировать на фразу Дара.

– Да, мы с Каро учились вместе. Недолго. Потом я вынужден был уехать, – нехотя поясняет парень.

Он неотрывно смотрит мне в глаза.

– Но... – потрясенно бормочет Клэр. – Каро заканчивала горскейрский колледж магии.

– Ну и что? – Дар безразлично пожимает плечами. – Что именно тебя удивляет?

– Ты такой одаренный или такой богатый? – выталкивает из себя Оливия, и парень холодно улыбается.

– Одаренная у нас Каро. Спортсменка, красавица... Как видите, она закончила колледж и приехала отдыхать в Монарко. А я уже почти четыре года катаюсь на доске... Для этого не нужно быть одаренным.

– То есть деньги? – не сдается Клэр, видимо, пытаюсь сопоставить факты.

Сложно узнать внука мис Валери в этом загорелом, накачанном парне в заношенных дешевых шмотках. Да и дамочки, расспрашивающие парня, вряд ли вхожи в тот круг. Они явно попроще.

– Ты что, из элиты Горскейра? Я узнавала, сколько стоит год обучения. Мы не потянем, даже если начнем копить сейчас, а у меня ребенку пять.

– Был. Когда-то.

– Но что случилось? Не думал, что элита бывает бывшей. Золотая ложка во рту и семейные деньги.

– Плохо себя вел. Иногда, когда плохо себя ведешь, лишаешься всего, что имеешь, – говорит Дар, обращаясь, кажется, к Оливии.

Она улавливает намек и отступает, невольно потеряв кольцо на пальце. Ее подружки тоже понимают, о чем речь, и прячут смешки

в бокалах с игристым.

Дар же продолжает как ни в чем не бывало:

– Ну так кто хотел брать индивидуальные уроки?

– Каро? – полувопросительно-полуутвердительно говорит Оливия, а я клянусь себе за то, что вообще завела этот разговор.

– Пожалуй... я пас, – произношу севшим голосом и ловлю холодную, вызывающую улыбку парня.

Он знал, что ответ будет таким, и считает меня трусихой. А я просто не понимаю, зачем ковыряться в старой ране. Я долго хотела поговорить с Даром, все объяснить... Но он четыре года катался на доске. Это его выбор, его способ справиться с болью. Так зачем ворошить прошлое?

– Но почему нет? Если вы знакомы? Отличный же вариант, Каро! Ты хотела. Соглашайся!

Рядом со мной оказывается Энджел. Он обнимает со спины и кладет голову мне на плечо.

Взгляд Дара становится чернильным.

– Действительно, почему нет, Каро?

Пауза, тягучая и долгая. Хочется передернуть плечами, чтобы прогнать это неприятное ощущение. Неужели Энджел не чувствует повисшего в воздухе напряжения?

– Знаешь, – приходит в себя Оливия. – Я тоже, пожалуй, возьму у тебя несколько уроков.

– Прости, Лив. – Дар поджимает плечами и обезоруживающе улыбается, но в ее сторону даже не смотрит. – Я не беру больше одного индивидуала. Каро тебя опередила.

Оливия бросает на меня такой ненавидящий взгляд, что реально становится не по себе.

Зачем он вообще это делает? Впрочем, это же Дар. Он всегда не ведает, что творит. А уж Дар в стрессе – это вообще стихийное бедствие.

Мой приезд, да еще и с парнем, для него определенно стресс. За то недолгое время, что мы были вместе, я тоже успела неплохо его изучить.

Меня словно ударили кулаком в солнечное сплетение. Каро последняя, кого я рассчитывал увидеть на этой вечеринке. Мне везет. Я замечаю девушку на открытой веранде до того, как захожу в дом. Не знаю, как бы себя повел, если бы просто столкнулся с ней нос к носу. А так у меня есть время осознать.

Брожу вокруг виллы около получаса, прежде чем решаюсь зайти. Несколько раз практически решаю вернуться домой, но потом понимаю: если она здесь, встречи не избежать. Не сегодня, так завтра. Что Каро вообще забыла в Монарко? Я привык считать остров своим убежищем, где никто и ничто из моего прошлого не могло меня потревожить.

Тем более Каро.

Поняв, что она не одна, неожиданно чувствую приступ жгучей ревности. Парень, с которым она заявила на вечеринку, яркий, наглый и смотрит на нее с восторгом. Он напоминает меня даже не четырехлетней давности, а того, которого я практически не помню. Когда не было экзоскелета, но был жив Кит.

Наверное, я вырос бы таким, если бы моя жизнь сложилась иначе.

И Каро с ним. Я ее понимаю. Легкость, деньги и драйв. Я сам уехал, я сам поставил точку в наших отношениях (точнее, разорвал по живому), но все равно больно.

И я злюсь. Иррационально кажется, что девушка специально явилась на мою территорию, чтобы сделать еще больнее. Бред. Я прекрасно это понимаю, но все равно не могу ничего с собой поделать.

Я хранил в сердце ее образ, я наказывал себя, запрещая быть счастливым, но каждый раз, когда я думал: «А что, если... Что, если я все же имею право жить так, как хочу?» – всегда в этих несбыточных мечтах со мной была она.

Наверное, это и позволяло держаться на плаву. Сейчас же все рухнуло. Даже если я позволю себе быть счастливым, ее у меня никогда не будет. А значит, не будет и счастья.

Каро, в отличие от меня, смогла все забыть и пережить. Она всегда была сильной. Сильнее меня, сильнее всех. Может, стоит последовать ее примеру? Только, в отличие от нее, я не способен забыть ни ее, ни трагедию. Да и с кем забывать? С Оливией? От одной мысли начинает тошнить.

Смотрю на Каро. Красивая. Очень красивая. В ней появилась соблазнительная томность уверенной в себе женщины, обласканной мужчиной и жизнью. Сейчас же в ее глазах даже не страх. Ужас.

Неужели это единственное чувство, которое я вызываю? Она боится меня или того, что ее рыжий парень узнает о нас? Появляется иррациональное желание вывалить все, что между нами стоит, в публичное поле, но я не настолько мудака. И мне самому больно, поэтому держу прошлое в себе.

Разговариваю на автомате. Зачем-то соглашаюсь давать Каро уроки по магсерфу, и ее парень даже не против этой идеи. Видимо, я переборщил с аскезой. Он даже не воспринимает меня как конкурента. Или так сильно доверяет ей? Я бы доверял. Или нет?

Мне сложно проверить. Я бы доверял, если бы был им, но, когда я встречался с Каро, ненавидел себя за беспомощность. Считал ущербным. И сейчас считаю. Значит, дело не в экзоскелете.

На автомате отказываю Оливии. Мне противно. Вышла замуж? Родила ребенка? Не вешайся за молодых простых парней в надежде получить то, чего тебе недодает богатый муж. Думаю, это правильно.

Вижу, как жадно вспыхивают ее глаза, когда она понимает, что я не такой нищий, каким она меня видела. Это для меня слишком. Извинившись, я выхожу.

Веду себя эмоционально и глупо. Но если я не суну голову под холодную воду, то не выдержу и просто закинусь алкоголем. Не пил четыре года. Боюсь даже представить, что произойдет, если на сцену выйдет алкогольный Дар. Точно не хочу выпускать его в этих обстоятельствах. Мне на этом острове еще жить. Еще тренировать детей этих людей. Поэтому только голову под кран, и не иначе. Теперь я не мажорчик, которому позволено все. Я пример для подражания. Хотя бы для кого-то.

Набираю в туалете холодную воду в ладони и опускаю туда лицо. А потом слышу за спиной дрогнувший голос:

— Дар, нам надо поговорить.

Каро. Она совсем крышей поехала, если приперлась за мной в туалет? Она вообще понимает, что тут мы одни, и я совершенно не уверен, что смогу себя контролировать? И совершенно точно не уверен, что хочу.

Я, наверное, сошла с ума, раз иду за своим наваждением, едва Энджела отвлекает какой-то серьезный седовласый господин. Бросаю вежливую фразу про жару и необходимость освежиться, ставлю бокал с недопитым игристым на поднос и выхожу с террасы, не выпуская из поля зрения широкую спину в светлой рубашке.

Дар красив. Сейчас он раздался в плечах, загорел. Видно, много времени проводит на свежем воздухе и солнце. Гибкое тело повзрослевшего, уверенного в себе хищника.

Мне немного жаль того порывистого бескомпромиссного мальчишку, в которого я без памяти влюбилась. Но этот Дар завораживает меня не меньше, чем его более знакомая версия. Я приехала не одна, я счастлива с Энджелом, но остаться на террасе – выше моих сил. Мне нужно поставить точку. Убедиться, что «мы» остались в прошлом.

В голове туман, я как под действием наркоты. Сердце стучит в груди. Мне нужно на свежий воздух, проветриться, а лучше – вернуться домой. В безопасность. И совершенно точно дом и безопасность находятся за пределами Монарко, оккупированного этим невообразимым, укравшим мое сердце парнем. Уехать отсюда и больше никогда не возвращаться на райский остров – единственное правильное решение.

Но когда я поступала правильно?

Мы друг для друга – погибель, болезненная страсть, давно оставшаяся в прошлом. Энджел – мой маяк. С ним хорошо, спокойно и комфортно. Мне нужно держаться за него и не отходить ни на шаг. А не превращаться в долбаного сталкера, следуя за красивым, пропитанным солнцем парнем, который исполнил свою мечту, заплатив за нее слишком большую цену.

Он меня ненавидит.

Он меня прогонит.

Он считает меня виноватой во всем...

Но я все равно иду за ним, даже не пытаюсь найти для себя оправдание.

Дверь в санузел приоткрыта. Дар стоит, упираясь руками в мраморную столешницу у раковины. Голова опущена. Наша

встреча – шок не только для меня.

Светлая льняная рубашка натянута на плечах. Материал настолько тонкий, что немного просвечивает, рукава закатаны до локтя. И одно предплечье по-прежнему обвивает экзоскелет. Интересно, почему Дар не убрал его? Сейчас ему это под силу, я знаю.

Вряд ли я когда-нибудь решусь задать этот вопрос.

Стоять и наблюдать за Даром как-то неловко, и я выдаю совершенно формальную фразу. Глупее придумать просто нельзя, но у меня в голове – ни одной связной мысли.

– Дар, нам надо поговорить.

Парень на секунду замирает, а потом медленно поворачивается. Я чувствую, что сердце начинает долбиться в ребра в бешеном ритме.

Сейчас я не могу разгадать Дара. На лице – восковая маска отрешенности. Я знаю, насколько хорошо он умеет прятать чувства. И так же знаю, какой пожар может бушевать в его душе, спрятанный под напускным безразличием. Мы оба мастерски играем придуманные роли.

– Мне следовало догадаться, что ты тут, – чуть более осознанно говорю я. – На этом острове. Ты ведь всегда бредил им... Если бы я знала, то не приехала бы. Я не искала встречи с тобой. Уже нет.

Он внимательно разглядывает меня, словно в первый раз видит. Холодный пронзительный взгляд, хищная улыбка на красивых губах и хриплый шепот:

– Каро, я ведь сказал тебе не попадаться мне на глаза. Знаешь почему?

Он замирает в двух шагах от меня и ждет ответа. Совершенный хищник, от красоты которого перехватывает дыхание. А у меня язык прилипает к небу. На миг мне становится невыносимо страшно. Потому что через глаза Дара на меня смотрит бездна. Выжженная пустыня, которая осталась в душе парня после смерти брата.

Глава 3

– Потому что ты винишь меня? – Я даже не знаю, это вопрос или утверждение. – Во всем.

От этих двух коротких, царапающих горло фраз во рту пересыхает. Я жалею, что оставила бокал с вином на подносе официанта. Я и забыла, что такое общение с Даром. Качели, перехваченное дыхание... Падение и боль – лишь вопрос времени.

– Нет, Каро, – отвечает Дар едва слышно. – Потому что ты предала мое доверие. Тогда Кит пришел сам. Он не мог не прийти, а я не остановился. Я не мог остановиться, но ты... Ты могла позволить мне сделать выбор. Да, он был ошибочный, да, я за него заплатил бы. Но согласишься, за неправильный выбор должен платить тот, кто его сделал. А ты не позволила мне даже такую малость. Потому что ты всегда и все хочешь контролировать.

– Нет. Ты не прав. – Я качаю головой, сглатывая слезы. – Просто я тоже не могла поступить иначе.

– Возможно, но после этого... – Дар закусывает губу и прямо смотрит мне в глаза. В этот момент он потрясающе красив. Смуглая кожа, напряженные скулы, падающие на щеки тени от ресниц. – Я не могу любить тебя.

– Я знаю, – шепчу тихо, чувствуя, как сердце сжимает холодная рука.

Дар не ненавидит меня, не винит в случившемся, почему же мне так больно? Должно стать проще, но не становится.

– Нет, Каро, не знаешь, – жестко говорит он, и делает шаг навстречу, заставляя меня пятиться к стене.

В глазах парня лед и сбивающая с ног сексуальность. Воздух между нами дрожит от напряжения.

– Я не могу любить тебя, но и отпустить тоже не могу. Мы просто снова разрушим друг друга. Именно поэтому я уехал. Я уехал, чтобы наши разрушительные чувства не уничтожили все вокруг. Из-за того что я был буквально помешан на тебе и хотел стать для тебя всем, погиб Кит. Я уверен, что из-за этого умерла и бабушка. Моя болезненная потребность... она никуда не исчезла. Но если раньше из-

за любви к тебе я мог стать хорошим, то сейчас... Сейчас я просто хочу тобой обладать.

– Нет... – Я мотаю головой, сильнее вжимаясь в стену. – Все в прошлом.

– Это тебе так кажется. Пока. Но дело в том... – Плавное кошачье движение, в результате которого я оказываюсь распята на стене. Его руки касаются холодного кафеля у меня возле головы, а тело практически прижимается к моему. – Ты моя. До сих пор моя. А я больше не способен относиться к тебе с бережностью. Я умею только ломать. Все, до чего дотянусь.

– Ты не сможешь меня сломать, Дар... – жестко говорю я, выдыхая и пытаюсь вспомнить, что я боец. – Ты же знаешь, что я могу дать отпор.

– Посмотрим? – хрипло спрашивает он, и у меня подгибаются колени.

Я не уверена, что готова к этому.

– Игра началась, Каро. Ты ведь любишь игры?

– Ты знаешь, что нет.

Я качаю головой. Играли мной в этой жизни жестко, и кому, как не Дару, об этом знать.

Но он лишь усмехается.

– Ты – маленькая запутавшаяся врушка. Не стоило тебе попадаться мне на глаза. Сам я не стал бы тебя искать, но раз ты пришла сама...

– Я пришла просто...

– А это уже неважно, Каро. Мы оба сломанные, мы оба можем чувствовать только через боль, мы оба не сможем остановиться. И ты это знаешь, иначе уже бежала бы отсюда прочь со своим глянцевым мальчиком. Но ты здесь, со мной, потому что такая же, как я. Ты же помнишь, что адреналинщиков и зельевиков излечить нельзя.

Я замираю и даже не дышу. Сердце стучит в ушах, мне плохо. Я боюсь, что эта злая и усовершенствованная версия Дара, который так был мне дорог, попытается меня поцеловать, и это меня разрушит. Убьет все хорошее, что было между нами.

Наверное, в глубине души я все еще люблю его. Не этого красивого, здорового и злого парня, а того, которого я знала раньше. Смотреть на него сейчас, совмещать два образа... это мучительно. Мы

зря встретились. Я только начала думать, что могу все забыть и стать счастливой.

Дар зло и жадно смотрит на меня.

– Ты ведь знаешь, что я могу постоять за себя? – спрашиваю я, ненавидя себя за то, что у меня срывается голос.

– Знаю. – Он наклоняется низко к моему лицу. – Но сейчас меня нельзя так просто уложить на лопатки.

– Поэтому ты решил воспользоваться своей силой? – с вызовом спрашиваю я, а в глазах Дара разгорается огонь.

Магия Кита. Это нереально. И красиво, и страшно.

– Ты знаешь, Каро, я никогда не считал наши отношения ошибкой. Мы делали ошибки, – делает ударение Дар. – Я делал ошибки. Но я реально любил. Болезненно, разрушительно, но любил. Но сейчас... мне реально жаль, что я встретил тебя. Мне казалось, что ты успела изучить меня лучше. Мне не нужна сила, чтобы завоевать женщину, и я не собирался применять ее в отношении тебя. А была ли ты вообще? Может, ты просто мой сон, в реальность которого я на миг поверил, когда увидел тебя на веранде? Но сон – это сон, он не может стать реальностью.

Дар опускает руки и отступает, а я чувствую, как меня душат рыдания. Парень даже не смотрит на меня, он просто уходит. Закрыв руками лицо, я просто стекаю по стене на корточки, возвращаясь в самые кошмарные моменты своей жизни – в неделю после смерти Кита, когда мне казалось, что я просто не справлюсь с этим.

Надо подняться, привести себя в порядок. Выйти на террасу, где проходит вечеринка. Хотя бы затем, чтобы забрать своего парня и увести его домой. Энджел уже, наверное, меня ищет. Но я не могу. Слишком больно. Где-то на краю подсознания понимаю: не мне одной.

– Ой, – слышу испуганное.

Хлопает дверь туалета. Видимо, кто-то пытался сюда войти, но заметил на полу девицу в вечернем платье и предусмотрительно решил не мешать.

Беру себя в руки, умываюсь и стараюсь успокоиться. Выхожу минут через пять с лицом, которое в сгустившейся южной ночи может сойти за нормальное.

Идти к толпе не хочется, а еще я не могу решить, что сказать Энджелу. Он не знает подробностей тех трагических событий. Когда

мы познакомились, он только что стал частью состава «Ангелов», не знал город и, конечно, был не в курсе того, что происходит в Горскейре. А я не горела желанием рассказывать. Мне хотелось, чтобы хотя бы для кого-то я была нормальной. Но панические атаки, сны и фобии... Все это вылезло. И со всем этим Энджел помогал мне бороться. Так что часть истории пришлось рассказать, хотя Дар в ней фигурировал по минимуму. Да и странно «настоящему» рассказывать о «бывшем».

В итоге после раздумий я ухожу на пляж. Сажусь в шезлонг у воды и полной грудью вдыхаю соленый воздух, пытаюсь отрешиться от неожиданной встречи.

– Каро... – слышу за спиной. Энджел каким-то необъяснимым способом нашел меня. – Прости, я идиот...

– За что тебя простить? – устало спрашиваю я.

– Это ведь он... – Энджел останавливается за моей спиной, и я чувствую его присутствие. – Тот парень, с которым тебя связывает болезненное прошлое. Я не сообразил. Но когда ты исчезла, смог сопоставить. Учеба вместе, остатки экзоскелета, твое нежелание с ним тренироваться... Ты нормально? Мне есть о чем переживать?

– Я не очень нормально, но справлюсь. И тебе не о чем переживать, – отзываюсь я, не поворачивая головы. Изучаю узкую лунную дорожку.

Энджел садится на соседний шезлонг, берет меня за руку, и мы молчим. Смотрим на черное море, слушаем шум волн, и меня по чуть-чуть отпускает.

Только вот ночь обманывает, путает. И на какой-то короткий миг мне вдруг кажется, что за руку меня держит Дар. Это так реалистично и в то же время невозможно, что я вздрагиваю и высвобождаю ладонь, сделав вид, что хочу скинуть босоножки и вытянуть ноги к прибою.

На самом деле не хочу, на них налипнет песок, но все равно вытягиваю. Тут тихо и умиротворенно, и совсем не хочется никуда идти. Я практически изгоняю из головы произошедшее, когда музыка, играющая на вечеринке, внезапно становится громче. Со стороны дома доносятся развязные вопли и смех.

– Кажется, кто-то пошел вразнос, – лениво тянет Энджел.

– И я даже догадываюсь, кто, – поморщившись, говорю я и поднимаюсь.

Почему с Даром всегда все заканчивается именно так?

Дар

Да что со мной? Мне казалось, я оставил все позади. Все эти эмоции на разрыв, попытки идти на поводу у сиюминутных капризов...

Каро снова делает меня восемнадцатилетним неуравновешенным идиотом, который ради собственных эгоистичных желаний готов жертвовать жизнями близких.

Я был твердо уверен, что оставил того шального Дара в прошлом. Но стоило заметить ее рядом, почувствовать запах, заглянуть в глаза, увидеть, как ее обнимает другой, – и все. Мне сорвало крышу. Какую ересь я там нес? О чем я?

Моя реальность – магсерф, дети и Монарко. Каро в этой схеме нет, как и охоты за Каро, и попыток отбить ее у другого. Нет! Я изменился. И не играю больше в эти адреналиновые игры. Хотя меня сильно ломало после смерти Кита, но я смог перебороть себя.

Тогда хотелось сразу всего. Сесть на осу и вписаться в самые отвязанные гонки, бои без правил, трюки на высоте. Всего, что в теории могло прекратить мое бессмысленное существование. Но было во всем этом одно «но»: всепоглощающая вина.

Кит любил жизнь, он не страдал необходимостью кому-то что-то доказывать. Ему не нужны были эмоциональные качели, чтобы чувствовать себя счастливым. Он не испытывал себя на прочность, он хотел жить, и, в отличие от меня, его устраивало все. Но брат, не задумываясь, пожертвовал жизнью ради меня. Я не имею права уходить следом за ним. Тогда его жертва будет бессмысленной.

Она и так бессмысленная, потому что у меня не жизнь, а ее подобие. Я не позволяю себе счастья. Хотя... по-своему я счастлив здесь, в Монарко. Пусть и не так, как привык. Внезапно мне понравилось общаться с детьми. Наверное, потому что они открытые, искренние и чем-то похожи на меня самого. На неиспорченную версию Дара, который хотел взять от жизни все.

Как одна мимолетная встреча могла свести на нет все усилия? Почему становится неважным то, к чему я шел несколько лет:

душевное спокойствие и умение вовремя тормознуть?

Когда я выхожу из туалета, у меня дрожат руки. Позорно и не мужски. Иду прямо к выходу, чтобы позорно сбежать, и едва не натыкаюсь на официанта с подносом.

– Дай что-нибудь безалкогольное!

Парень растерянно указывает подбородком на бокалы. Хватаю первый попавшийся – оранжево-красный с детским коктейлем – и стремительно вылетаю за дверь. Не хочу снова пересечься с Каро. Содержимое выпиваю залпом и только потом понимаю, что со мной что-то не так.

– Что за хрень? – тихо бормочу, чувствуя, как перед глазами плывет картинка. Мир замедляется и становится не таким дерьмовым, каким казался три минуты назад.

Я же не девица, которую спаивают на вечеринке, чтобы поиметь. Или... просто гендерные роли поменялись и скучающие домохозяйки пошли на отчаянные меры?

В бокале был не только алкоголь, но и еще что-то такое... От чего девушки становятся покладистыми и любвеобильными, а у бывших адреналинщиков отказывают тормоза.

Мелькает осознание, что, пока не поздно, надо бы уйти домой. Иначе после сегодняшнего вечера никто из присутствующих не доверит мне своих детей. Но последнюю здравую мысль быстро сменяет другая, которая звучит так: «Ну и демоны с ними! Других специалистов тут все равно нет».

А еще сзади подходит Оливия.

– Ты уже собрался домой? – огорченно спрашивает она и протягивает мне бокал игристого. Последний гвоздь в крышку гроба моего здравомыслия.

– Уже нет, – отвечаю я. Опрокидываю в себя зазорные пузырьки и возвращаюсь с воплем: – А что у нас сегодня так тихо?! Танцуем все!

Каро

– И куда ты рванула? – лениво спрашивает Энджел с шезлонга, и я замираю.

Действительно, куда?

– Собираешься поучаствовать в общем веселье? Так ты вроде не любитель пьяных вечеринок. Или хочешь вмешаться в то, что там происходит?

Энджел настолько проницателен, что становится не по себе. Как быстро я забыла, что Дар уже давно не моя проблема! Я ведь и раньше не вмешивалась, если он шел вразнос. Пить ему нельзя, да он и не пьет, за очень редким исключением. Например, встречи с тем, кто доставил много боли. Такое вполне может послужить поводом сорваться с катушек. Но нет, вмешиваться я не собираюсь.

– Сам же говоришь, что я не люблю пьяные вечеринки. А значит, пора домой. К тому же день сегодня длинный, я устала.

Энджел смотрит на меня внимательно, словно не верит, но послушно поднимается.

– Раз устала, конечно, пошли домой, – соглашается он. – Тоже не люблю пьяных. Мне на работе достаточно этого шального драйва. Тут хочется тишины и релакса.

– Вот именно, – поддерживаю я.

– Но попрощаться с хозяевами все же придется. Уходить, не поблагодарив за приглашение, невежливо. Заглянем?

Я не хочу идти туда, где Дар. Он наверняка неадекватен и в таком состоянии способен выкинуть что угодно. Но почему-то я ничего не говорю Энджелу. Не хочу, чтобы он знал, насколько мне некомфортно. Думаю, по отношению к нему не очень справедливо испытывать к бывшему какие-то эмоции. А выключить свои чувства по щелчку пальцев я не могу. Вот такая вот проблема. Не думала, что райский остров подкинет мне что-то подобное.

На веранде шумно и весело. А еще меня накрывает острое чувство дежавю. Дар с открытой бутылкой игристого танцует на столе в компании Оливии и ее подруги. Чтобы попрощаться, нужно подойти к ним. А я не хочу. Просто не могу. Все внутри сопротивляется этому. Не верю, что Дару хватит разума и такта проигнорировать меня.

Впрочем, парень настолько пьян, что, кажется, не замечает ничего, кроме музыки. Танцующий в распахнутой рубашке Дар без экзоскелета – это особое удовольствие. Не смотреть на то, как двигаются его мышцы, невозможно. И я ненавижу себя за то, что залипаю на покрытое бисеринками пота сильное и гибкое тело с бронзовым загаром.

Мы прощаемся с хозяйкой вечеринки, которая готова сожрать Дара прямо тут. Ей не до нас, как и ее подруге. Они лишь отстраненно машут нам на прощание. А вот парень поворачивается в мою сторону и ловко спрыгивает со стола, приземлившись точно между мной и Энджелом.

Я не знаю, чего он хочет, и просто замираю, не понимая, как себя вести. Дар одним ловким движением выхватывает из моих волос подаренный Энджелом цветок и отступает. Секунда – и он уже на столе, а я просто испуганно моргаю.

Чувствую, как рядом напрягается Энджел, и успокаивающе беру его за руку.

– Пошли отсюда, он придурок.

Парень расслабляется и кивает, но весьма прохладно смотрит на Дара, который танцует, не обращая на нас никакого внимания.

До дома идем молча. Вечер чудесный, но я не чувствую ни дуновения теплого южного ветра, несущего запах моря, ни аромата цветов, пропитавшего теплый воздух. Не вижу бесконечного звездного неба и игнорирую шум волн, еще в начале вечера вызывавший восторг.

Встреча с Даром испортила настроение и мне, и Энджелу. Я благодарна парню за его тактичность и терпение. Он не предъявляет мне претензий, не пытается узнать больше, чем я готова ему рассказать. Именно за это ощущение спокойствия я и выбрала Энджела.

– Каро, – нарушает молчание Энджел, когда я скидываю туфли в холле нашей виллы. – Мне кажется, сегодня тебе нужно это...

Он достает из стоящего на тумбочке дорожного органайзера небольшой флакон с зельем.

Надо же, я даже не подумала его взять с собой. А Энджел прихватил. В очередной раз убеждаюсь, что парень слишком хорошо меня знает. Намного лучше, чем я сама себя. Это немного пугает, но я привыкла к заботе и, пожалуй, не хочу обходиться без нее.

Принимаю из его рук пузырек с зельем. Как давно я его не принимала... Одно время я не мыслила сна без этого снадобья. Тогда кошмары сводили меня с ума, и это средство было единственным, что помогало спать нормально.

То время ушло в прошлое, и я думала, уже не вернется. Но сейчас я смотрю на вспыхивающую зелеными искорками жидкость

и понимаю, что Энджел прав. Так мне будет спокойнее.

Для меня это откат в прошлое, в то время, когда я плохо контролировала себя и находилась во власти кошмаров.

Делаю глоток и чувствую, как по телу пробегает легкая дрожь.

– Молодец, – говорит Энджел и прижимает меня к себе. – Если бы я знал, что все будет так, я бы привез тебя в другое место. Мне хотелось подарить тебе рай. Хочешь, уедем?

– Нет. – Я мотаю головой и утыкаюсь ему в плечо. – Тут и правда рай, мы не дадим прошлому его разрушить. Не думаю, что мы еще пересечемся с Даром. А если вдруг... мы с ним просто пройдем мимо друг друга. Сегодняшняя ситуация не повторится. Завтра я буду просто лежать на берегу моря, а ты – приносить мне еду.

– Договорились, – тихо шепчет он мне в волосы и увлекает за собой в спальню.

Мне необходим отдых.

Зелье хорошо тем, что позволяет расслабиться. И каким бы тяжелым ни был день, как бы ни пугали возможные кошмары и предстоящая ночь, я засыпаю, уткнувшись Энджелу в плечо. Действительно, быстро и без сновидений, словно проваливаюсь в глубокую яму, наполненную темнотой. Зато не гоняю в голове события минувшего вечера.

Просыпаюсь от чего-то мокрого, коснувшегося щеки. Испуганно открываю глаза, и первое, что замечаю, – влажный песок и набегающую на берег мягкую волну. Она лижет меня в лицо. А потом вижу собственную окровавленную руку с зажатым в ней увядшим цветком. Тем самым, который мне вчера в волосы воткнул Энджел.

Что, демоны заberi, я натворила ночью?

Глава 4

Я медленно поднимаюсь и недоверчиво смотрю по сторонам. Все это не может происходить со мной! Я же нормальная! Я не страдаю ни провалами в памяти, ни приступами агрессии. Но как еще можно объяснить мое состояние? Вторая рука тоже в крови, кровь на тонком светло-голубом пеньюаре, надетом на голое тело...

Я накидываю его, если хочу вечером выйти на террасу или с утра выпить чашку кофе с видом на море. Почему я надела именно его? Значит, не собиралась идти дальше собственного балкона. А если так, то почему все же ушла?

И, главное, куда и зачем?

Самое страшное, что я ничего не помню. Вчера легла спать в обнимку с Энджелом, и дальше все – провал. Такого не случилось ни разу в жизни, даже в то страшное время, которое я провела в плену маньяка. Мой мозг фиксировал все происходящее и не давал мне это забыть. И когда я спаслась и пережила предательство матери, я тоже помнила все, что со мной случилось. Не любила вспоминать – да. Но помнила и смогла пересказать магследователям историю своего похищения день за днем.

Представляю, как я выгляжу. Жалкая, мокрая, окровавленная... Лежу головой к воде, волосы спутались и намокли. В них застрял песок, но это волнует меня значительно меньше, чем кошмарная ситуация, в которой я оказалась. Чья кровь у меня на руках?

Я запахиваю полы пеньюара и благодарю бога, что пляж пустой: вижу шезлонги и купающихся только вдалеке. Вокруг меня пустынно. Делаю несколько неуверенных шагов и понимаю, что чувствую себя совершенно нормально. Ни головной боли, ни дискомфорта. Только рука затекла, так как я лежала на ней.

Получается, я просто встала ночью, что-то натворила и уснула на берегу?

Звучит настолько бредово, что я просто не могу найти этому объяснений. Я не пытаюсь отмыть кровь или выкинуть пеньюар. Просто иду к нашей с Энджелом вилле. Если я совершила что-то ужасное, я не собираюсь бегать от правосудия.

Мне нужно понять, что произошло, и Энджел – единственный человек, который поможет мне разобраться.

На ступеньках, ведущих ко входу в нашу виллу, – кровавые отпечатки. Словно кто-то сначала накапал кровью, а потом прошел босыми ногами. Опускаю взгляд. Сложно определить, была это я или нет. Ступни в песке. Даже направление понять невозможно. След виден частично и слишком размазан.

Дверь приоткрыта, и от этого становится совсем нехорошо. Сердце стучит, картинка перед глазами плывет, но я делаю над собой мучительное усилие и толкаю дверь, оказываясь в просторном холле. На полу тоже есть несколько кровавых отметин.

– Энджел! – кричу я, озираясь по сторонам.

Не получив ответа, всхлипываю и бегу на второй этаж в нашу спальню.

Кровать в крови: подушка, тонкая белоснежная скомканная простыня, покрывало. А главное – моего парня нигде нет.

– Энджел! – снова зову я, понимая, что ответа не будет.

Всхлипываю и сползаю по стене, не зная, что мне делать дальше. Что, демоны меня заберут, произошло этой ночью и как мне все вспомнить?

Остается всего одно место, куда я не заходила. И мне почему-то очень страшно туда заглядывать. Ванная комната. Дверь приоткрыта, на окровавленной ручке – отпечаток кровавой ладони.

Я всхлипываю, прикрывая рот рукой. Металлический запах крови усиливается, и меня начинает тошнить. Собираю волю в кулак и поднимаюсь. Так же, как и садилась, опираясь спиной на стену.

Осторожно придерживаясь за нее рукой, на негнущихся ногах бреду в сторону ванной комнаты. Мне очень страшно найти Энджа там. Не знаю, откуда в голове такие мысли, но они жуткие. Это мой самый кошмарный кошмар.

Пока преодолеваю это расстояние в несколько шагов, успеваю практически сойти с ума.

Не верю, что снова оказалась в эпицентре кошмара. Причем сейчас, кажется, я увязла намного сильнее. Раньше я была жертвой и прекрасно знала свою роль. Но теперь? Теперь я свидетель. А может быть, маньяк?

Добравшись до двери, я осознаю, что жертве проще сохранить разум, чем тому, кто не уверен в том, что сотворил. А еще – последнее гораздо страшнее.

Рыдаю, прежде чем открыть дверь. Распахиваю ее и понимаю, что в ванной – никого, только небольшие кровавые дорожки на раковине. Я пыталась отмыть окровавленные руки? Или что я делала тут?

Не слышу шагов за спиной, я слишком сосредоточена на том, что происходит со мной здесь и сейчас. И, когда меня осторожно обхватывают за плечи, делаю то, чего не делала очень давно: резко разворачиваюсь и бью. Одновременно ментальным кулаком и ногой с вертушки.

Полы халата смазывают движение, и именно это спасает Энджелу жизнь. Ну и еще его реакция. Но парня все равно откидывает к стене, по которой он со стоном сползает.

– Каро... – шипит он, зажимая рукой нос, из которого течет кровь.

– Боги, Эндж! – рыдаю я от облегчения, что он жив. А заодно и от стыда, что чуть не пришибла его собственными руками. – Прости меня.

– Ничего, – бормочет он. – Сам виноват. Не стоило подходить к тебе со спины. Принеси, пожалуйста, лед.

Не задаю вопросов и бегу к холодильнику. Притаскиваю упаковку, которую по привычке взяла с собой. Тот же лед, но с заживляющим эффектом. У спортсменов такие вещи в чести.

– Я так виновата! – всхлипываю я. – Просто очень перепугалась! Действовала на инстинктах. Я правда думала, что все осталось в прошлом.

– Ничего страшного, – отвечает он и снова притягивает меня к себе.

Я послушно устраиваюсь на полу между его ног, прижимаясь к парню плечом и сворачиваясь в клубочек, как кошка.

– Я так переживал за тебя. Проснулся – тебя нет... постель в крови. В раковине кровь, на улице... Я чуть с ума не сошел, пока искал тебя по округе. К тому же я точно не мог спросить у ранних прохожих: «А вы не видели мою подругу? Такую... всю в крови?» Каро, что произошло?

– А я не знаю! – всхлипываю я в отчаянии. – Надеялась, ты сможешь мне рассказать. Я проснулась в крови на берегу. И не помню,

как там отказалась. А в руках был цветок. Тот, что ты подарил мне по дороге на вечеринку.

– А при чем тут цветок? – удивляется Энджел.

– Не знаю! – Я утираю слезы и собираюсь с мыслями. – Эндж, а что, если ночью я его убила?

– Кого убила? – осторожно уточняет парень. – Цветок?

– Нет... – Я качаю головой. – Что, если я убила Дара? Ведь этот цветок он у меня забрал.

Я действительно очень этого боюсь. А еще не хочу признаваться, что, увидев кровь в доме, подумала, что жертвой моего беспамятства стал сам Энджел.

Несмотря на то что мы находимся в тропическом раю, после душа, где я смываю с себя кровь, меня трясет. Я сижу в просторной гостиной с видом на море, закутавшись в плед и стуча зубами. Энджел приносит мне горячее, тягучее и приторно-сладкое какао. Обычно я подобное не пью, но сейчас мозг нуждается в глюкозе.

Да уж, не так я представляла себе наш первый с Энджелом отпуск. Море, солнце, экзотика – ну что в этой схеме могло пойти не так? Две недели рая и ничего неделания...

– Выпей, тебе нужно успокоиться и согреться, – говорит Энджел, напоминая про подрагивающую в моих руках чашку с какао.

Делаю обжигающий, приторно-сладкий глоток, и сознание проясняется.

– Не переживай, мы разберемся, чья это жестокая шутка, Каро. Я обещаю. – Энджел успокаивающе сжимает мою руку.

– Ты знаешь... – собравшись с духом, произношу я, вскинув на него красные, воспаленные от слез глаза, – в моей жизни было очень много жутких шуток, Эндж. А что, если нет?

– В смысле – нет? – Парень хмурится.

– А что, если это не шутка? Вдруг я сама стала, как они... Те, кто меня доставал. Вдруг я кого-то убила?

– Ну перестань. Мы только что об этом говорили. Это бред. – Он тихо усмехается, присаживается на диван и притягивает мою голову к своему плечу. – Ну кого ты могла убить, Каро?

– А вдруг я убила Дара? – всхлипываю я. Отстраняюсь и протягиваю Энджелу на открытой ладони смятый цветок, который

зачем-то таскала за собой даже в душ. – Я была зла. Да и физически на это способна.

Энджел замирает. В его глазах мелькает что-то похожее на испуг. От этой натуральной реакции мне становится плохо. Желудок сжимается, а руки начинают дрожать сильнее. Но парень очень быстро возвращает себе контроль, и мне начинает казаться, что никакой странной реакции не было. Может, это мое больное воображение? Но уже поздно, становится еще страшнее. Даже следующие слова Энджела не успокаивают, а делают только хуже.

– Каро, успокойся. Все будет хорошо. Я сейчас быстро смотаюсь в магпорт и поменяю наши билеты. Мы уедем отсюда так быстро, как сможем. Хорошо? Ничего не случилось. Ты меня слышишь? Это все сон.

– Не хочу скрываться, если в чем-то виновата, – со всхлипом говорю я. – Я не смогу... не смогу жить с осознанием вины.

– Ты не виновата. Даже если что-то случилось, ты все равно не виновата. Ты – спала.

Начинаю рыдать громче, чувствуя себя раздавленной и обессиленной.

Энджел шепчет слова утешения.

– Каро, просто успокойся. Я сейчас поменяю билеты, и мы уедем из этого ужасного места. Хорошо? А по дороге я постараюсь узнать, не случилось ли ночью какой трагедии. Договорились? Все в порядке с твоим магсерфером. Ты мне веришь?

– Он не мой, – всхлипываю я, вытирая ладонями дорожки слез.

Энджел целует меня в лоб и уходит, я медленно выхожу на веранду. Не хочу верить, что даже во сне, в бреду, в измененном сознании я могла причинить вред Дару. А больше я тут никого не знаю. Несмотря на все проблемы с головой, я совершенно точно не стала бы кидаться на малознакомых людей. Это бред.

Но на моих руках была кровь. И я сжимала в ладони цветок. Свидетельства прошлой ночи слишком страшные.

В этом городе никто не доверит мне своих детей. И правильно. Я могу научить их только прожигать жизнь и ломать судьбы.

Эта мысль влетает мне в голову вместе с головной болью, едва я открываю глаза. С похмелья я на редкость пессимистичен. Я совершенно точно не у себя, и совершенно очевидно меня поимели, как первокурсницу. Рядом на подушках по правую и левую руки светлая и темная макушки. Оливия и ее подруга.

Ненавижу. Вопрос: себя или их?

Раздраженно стряхиваю руку, которая лежит на мне поперек туловища, и поднимаюсь.

– Ты уже уходишь, Дар? – сонно мурлыкает Оливия и потягивается, как кошка, не обращая внимания на то, что покрывало сползает, обнажая грудь.

Первый порыв – нахамить. Потому что подсыпать в бокал какую-то дрянищу – это низко. Но, подумав, я в итоге ограничиваюсь коротким:

– Никогда больше не пытайся меня споить. Тебе повезло, что твой дом устоял. Алкоголь и я несовместимы, а трезвый... я бы никогда не оказался тут.

– Но Дар... – Оливия недоумевающе хмурится. – Ты вернулся к нам сам, и уже изрядно нетрезвый. Так что не наговаривай на меня. Никто не заставлял тебя ни пить, ни идти с нами. Я думала, ты достаточно большой мальчик, чтобы самостоятельно принимать решения.

Я не в настроении и поэтому не ведусь на провокацию Оливии. Слишком уж она явная.

– Кто-то подсунул мне бокал с ядреным коктейлем из алкоголя и запрещенных зелий.

– Запрещенные зелья? – Ее подруга открывает глаза. – Моего ребенка тренирует зельевик?

– В создавшейся ситуации тебя волнует только это? – утоняю я.

Ойкнув, она ныряет под покрывало. Эта чуть скромнее, чем Оливия. Еще бы имя ее помнить.

– У нас не было запрещенных зелий, Дар! – Оливия мотает головой. – Ты что? Я мать, жена уважаемого человека...

– Вот про уважаемых людей я на твоём месте не стал бы сейчас упоминать. Это несколько неуместно, не находишь?

Она поджигает губы, но упрямо заявляет:

– С зельями – это не ко мне. Вино – да, но всякие подозрительные коктейли? Не мой уровень.

Чувствую себя идиотом, но я совершенно точно знаю, в том бокале была гремучая смесь.

– Значит, бокал предназначался не мне. Но его содержимое совершенно точно принес кто-то из гостей, и оно было замаскировано под безалкогольный коктейль. Я сам по своей воле никогда не пью.

– Но почему? Было же весело! – снова оживает подружка, которая, видимо, переварила тот факт, что ее деточку тренирует откровенно аморальный тип.

– До поры до времени, – отвечаю я. – Нет, мне всегда бывает весело. Остальным – часто не очень.

Когда выхожу их спальни, меня провожает молчание. И к лучшему. Дурацкий вечер, позорная ночь и утро с больной головой. Собственно, этих аргументов достаточно, чтобы не пить совсем.

Хлопаю дверью и сажусь на осу.

Народа на острове в это время мало – все преимущественно спят. Туристы выползают на пляж позже, а местные уже давным-давно работают, стараясь завершить все начатое до полуденной жары. А я – серединка на половинку. Тренировки у меня бывают во второй половине дня, а для удовольствия я в любое время могу встать на магсерф.

Добираюсь до дома с одной мыслью: нужно снова поспать. Может, тогда из головы исчезнет туман и она перестанет раскалываться, а я обнулю вчерашний вечер, встречу с Каро, пьяный угар и позорную ночь, которой я совершенно не хотел. Я не рад возвращению старого Дара. Я оставил его в прошлом, пусть там и будет.

С этими мыслями поднимаюсь по крыльцу, с которого местами стерлась краска, и замираю, так как перед дверью – огромная красная лужа. Кровь? На двери – отпечатки ладоней. Прикладываю для сравнения свою руку и понимаю: следы принадлежат или хрупкой девушке, или ребенку.

Сердце совершает кульбит и начинает долбиться в грудную клетку. Неприятные ощущения и жутковатые предчувствия. Сложно

оставаться спокойным, если у тебя на двери кровь.

Осторожно, обернув ладонь платком, дергаю за дверную ручку.

Открыто. Замок взломан. Непрофессионально. Он хлипенький, и его вскрыет даже ребенок. Но вот магическую защиту вломившийся убрал без труда и аккуратно, что говорит о сильном магическом потенциале. Конечно, я не пытался создать серьезное заклинание, так – пугалка от непрошенных гостей. Брать у меня нечего, поэтому я никогда о таком не парился. Иногда вообще оставлял дверь открытой.

Но не вчера. Я точно помню, что запер дверь, когда уходил.

Захожу в свой дом. Просторный холл совмещен с кухней, и дальше по коридору – спальня. Замираю на пороге и вижу такую картинку: на светлой плитке огромная лужа крови, а в ней – окровавленное настоящее сердце, в которое воткнут нож.

– Че за хрень происходит? – бормочу себе под нос и начинаю медленно обходить эту жутковатую инсталляцию. Кто и зачем это сделал? И кому принадлежит сердце?

Ненавижу. Надо вызывать законников, но я категорически не хочу это делать, поэтому достаю магфон и отыскиваю в нем координаты человека из своего прошлого. Прежде чем что-то предпринимать, надо обсудить создавшуюся ситуацию с ним.

– Лестрат... – хрипло произношу я, едва некромант подключается и его мерцающий силуэт появляется передом мной. – У меня тут происходит какая-то лютая фигня. И мне что-то не по себе. Вернулся домой, а тут такое... И я не понимаю, где тело.

Перевожу магфон на лужу крови и недовольно отмечаю, что руки дрожат.

– Ну... – Лицо некроманта становится задумчивым. – Тело я бы на твоём месте искать не стал, а вот тушу и того, кому ты перешел дорогу... можно.

– В смысле?

– Учи анатомию. Это не человеческое сердце. Свинья. И кровь, скорее всего, тоже свиная. А вот кто это мог сделать, тебе лучше знать. Кому в последнее время перебежал дорогу? Что изменилось в твоей жизни? – задает он вопросы, а ответ у меня один.

– В Монарко приехала Каро, больше ничего примечательного, – стараюсь отвечать как можно более равнодушно.

– Каро? – удивленно переспрашивает Лестрат. – Ну, это не в ее духе. Да и зачем? Насколько я знаю, у нее все неплохо. Говорят, она встречается с одним из «ангелов»... Я даже подумал, что это тот твой знакомый.

– Нет, – отвечаю, нахмурившись. – Это не он. Спасибо. А что мне с этим делать?

– Убирать. Чего же еще, – усмехается некромант и отключается.

– Убирать... – брезгливо тяну я. – Да что за день-то такой поганый!

Ближе подойдя к луже крови, вижу одну очень интересную деталь. У ножки стула валяется металлический наконечник для косы. Таким раньше пользовалась Каро. И сегодня он на ней был. Но какого демона-то? Каро, которую я знал, не стала бы творить подобную дичь, она просто дала бы в физиономию. Как все это понимать? Кажется, пора кому-то вправить мозги, если они еще остались!

Глава 5

Медленно одеваюсь, просто потому, что нужно себя чем-то занять. Делаю кофе – это единственное, что может прояснить сознание – и выхожу на террасу. По ступенькам спускаюсь к морю, стараясь не смотреть на ту часть пляжа, где пришла в себя утром. Сегодняшнее событие до сих пор кажется страшным сном.

Я думала, что кошмар остался в прошлом. Размякла, позволила себе рядом с Энджелом стать слабой. Так приятно не тащить на своих плечах все. Оказывается, если о тебе кто-то заботится, это очень расслабляет. Броня спадает, и, когда в жизнь врывается кошмар, ты оказываешься не готова. Словно пропустила удар не на спарринге, когда его ждешь, а в мирной обстановке. Или падаешь с высоты, забыв сгруппироваться. А это значительно больнее, чем знать, что непременно однажды упадешь, и находиться в постоянной готовности.

Сейчас, наблюдая за уходящей к горизонту волнующейся синевой, не могу понять, как я допустила это? Как растеряла всю броню, которую наживала годами? Мне так сильно хотелось, чтобы из моей жизни ушли разочарование и боль, что я с головой нырнула в ощущение безопасности, которым окружил меня Энджел.

Это начало происходить даже раньше, чем мы стали парой. Сначала я окунулась в атмосферу абсолютной защищенности, а потом приняла его как мужчину. С Даром я чувствовала себя воином, а с Энджелом у меня вышло стать красивой девушкой.

Но, раз судьба снова послала испытание, видимо, этот путь не для меня. Поэтому, когда я столкнулась со сложностями и перспективой оказаться виновницей трагедии, на меня накатила настоящая истерика.

Но сейчас в голове начало проясняться. Мне не стоит ждать Энджела. Нужно самой понять, откуда на моих руках кровь. И управление полицмагов, пожалуй, лучший вариант. Либо где-то случилось что-то непоправимое и мне не место на свободе, либо жертва снова я и кто-то очень жестоко подшутил. И то и другое нужно узнать. И то и другое касается не Энджела, а меня.

Как только принимаю решение, становится проще. Одним глотком допиваю остывший кофе и разворачиваюсь к дому, когда меня

догоняет рассерженный крик: «Каро, твою ж мать!»

Ко мне по дюнам спешит Дар, и парень чертовски зол. Я вижу это даже отсюда. Возможно, потому что приближается он ко мне в ореоле бушующей магии. По берегу за ним стелются два шлейфа: огненный и бирюзовый. Красиво, демоны заberi! Но сейчас для меня имеет значение только одно.

Пожалуй, лишь увидев его живым и здоровым, я понимаю, откуда у меня состояние всепоглощающей паники. Если бы я узнала, что в порыве бессознательного бреда убила Дара, то не смогла бы жить.

– Какого демона ты творишь, больная на голову... – начинает он, когда до меня остается еще несколько метров.

Но я его не слышу. Меня душат слезы, и я бросаюсь ему на шею.

– Слава богу, ты жив!

– Ты бредишь, Каро? – Дар раздраженно отстраняется. – Я так и знал, что у тебя начала подтекать крыша, иначе твое поведение объяснить нельзя. Конечно, я понимаю, что тогда разбил тебе сердце, но я и сам в тот момент развалился на части...

– О чем ты?

– Какого демона ты оставила у меня на полу свиное сердце и ведро свиной же крови, Каро? Это что, нормально в твоём понимании? Решила поиграть в маньяка? – рычит он.

Я растеряннo пачусь.

– Н-не знаю...

– В смысле – не знаешь? – огрызается Дар.

Мой ответ выбивает разозленного парня из колеи. Он смотрит на меня несколько оторопело, словно мои слова мигом отбивают у него желание устраивать скандал, а я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться от облегчения. Хочет – пусть орет на меня. Главное, что он жив и я не натворила ничего ужасного. Не то чтобы свиное сердце и кровь – признак адекватности (где я их в ночи взяла?), но это определенно лучше, чем убийство.

– Ты нормальная, Каро? – осторожно спрашивает Дар, с подозрением вглядываясь в мое лицо.

А я не знаю, что ему ответить. Наверное, все же не совсем. По крайней мере, сейчас. Абсолютно нормальные люди не подкладывают в беспмятстве окровавленное свиное сердце своим бывшим.

Я испугалась этим утром. Очень испугалась. И страшнее всего для меня оказалось переступить черту. Допустить, что я могла убить или серьезно ранить кого-то и при этом даже не запомнить. Наверное, теперь это будет моим самым страшным кошмаром. Только сейчас я осознала, чего боюсь сильнее всего: себя. Собственной силы, которая может остаться без контроля разума.

Вместе с облегчением от того, что не натворила ничего непоправимого, меня накрывает паника. Я ведь ничего не помню! А если ситуация повторится? А если в следующий раз все не закончится невинной шуткой?

– Ты точно ненормальная... – с какой-то странной интонацией заключает Дар. – Каро, зачем ты сделала это? Может, тебе сходить к соответствующему специалисту? У меня тут один есть. Хорошо вправляет кукуху, на себе проверял. Не лезь ко мне, пожалуйста. Не трави меня, не устраивай мне игры в маньяка. Кому, как не тебе, знать, что эти игры плохо заканчиваются?

– Знаю... – говорю я, сглотнув.

– И ты не хочешь попросить прощения? – уточняет парень. – Как-то объясниться?

– Нет...

Я качаю головой, а Дар раздраженно шипит сквозь зубы и вкладывает мне в руку зажим для косы, который был на мне вчера вечером. Я даже не помню, в какой момент его сняла. Получается, не сняла, а потеряла.

– Где ты его нашел?

– Там, где ты оставила. У себя дома. На полу, в луже свиной крови. Ты все еще не хочешь ничего объяснить?

– Каро ничего объяснить не хочет! Она ведь сказала. – Слышу голос Энджела и с облегчением выдыхаю. Я правда не знаю, что ответить Дару.

– А ты всегда за нее решаешь? – моментально вскидывается Дар.

Я устало замечаю:

– Мне действительно нечего тебе сказать, Дар. Правда. Прости. Я уеду, и больше такого не повторится.

На миг мне кажется, что драки не избежать. Дар зол. Он всегда был взрывным, умел вывести на эмоции. Энджел обычно

не агрессивен, но обязательно ответит, да и спровоцировать его можно. Но, как ни странно, Дар не раздувает скандал. Очень на него непохоже.

– Лучшее решение! И следи за этой идиоткой, – выплевывает он, обращаясь к Энджелу. – Она сумасшедшая. А сумасшедшая Каро опасна и для себя, и для окружающих.

Дар удаляется, а я с болью смотрю ему в спину. Я сотни раз представляла себе нашу встречу, но не думала, что окончательная точка окажется такой – с примесью постыдного безумства. Мне всегда казалось, что наш конец будет красивым. Даже та запятая, которую Дар поставил почти четыре года назад, была предпочтительнее вот такой постыдной встречи двух неблизких друг другу людей, которых раньше связывало что-то, о чем сейчас неловко вспоминать. Даже мое извинение вышло каким-то скомканным и нелепым. Сложно просить прощения за то, чего совершенно не помнишь.

– Каро? – тихо зовет меня Энджел.

Выдохнув, я поворачиваюсь, пытаюсь сфокусировать на нем взгляд. Перед глазами плывет от застелившей все пелены слез.

– У тебя все нормально?

Выдыхаю, стараясь справиться с эмоциями или хотя бы со слезами. Второе даже получается.

– Я ночью вылила ведро свиной крови на пол дома своего бывшего и во всю эту красоту кинула свиное сердце, пронзенное ножом. А потом уснула на берегу океана. Нет, Энджел, у меня определенно не все нормально.

– Тсс-с... – Он подходит вплотную, прижимает меня к себе и гладит по волосам. – Не злись. Тебе не стоит раздражаться. Просто надо вернуться к приему лекарств. Вот и все. Пойдем в дом. Выпьешь зелье, лежишь, отдохнешь. Я буду рядом и не позволю произойти ничему плохому. Это просто кризис, с которым мы сможем справиться. Он не первый, просто сейчас обстоятельства...

Договорить не даю.

– Эндж, ты издеваешься? – Я выворачиваюсь из его объятий и пытаюсь уловить в его глазах хотя бы намек на иронию.

– То есть? – хмурится парень, но послушно разжимает руки, давая мне свободу.

– Я вчера начала пить зелье! Ты же сам мне предложил!

– Нет! – Энджел растерянно качает головой. – Нет, Каро. Я действительно предложил, но ты отказалась.

– Я пила вчера зелье, ты достал пузырек из сумки! – продолжаю спорить я, чувствуя, что начинаю сходить с ума. А может быть, уже сошла.

– Ну тихо... не нервничай. Сейчас во всем разберемся. – Энджел понимает, что я в состоянии, близком к истерике, и начинает разговаривать со мной как с ребенком. – Ну пойдем, посмотрим. Может быть, я перепутал? Ты помнишь, куда убрала пузырек?

– Я помню, что пила зелье в ванной. И там же его оставила.

– А я помню, что вернул пузырек обратно в сумку, и он не распакован. Я привозил только один пузырек. Ты брала с собой?

– Нет.

Мотаю головой, пытаюсь скрыть дрожь в руках. Главное – успокоиться. Разобраться с чем-то в состоянии истерики не получится. Уверена, Эндж ошибается.

– Вот и отлично. – Он сдержанно улыбается, что заставляет меня нервничать сильнее. – Либо початый пузырек стоит в ванной, либо нераспакованный лежит в сумке. Мы сейчас все проверим. Пойдем.

Энджел обнимает меня за талию и увлекает за собой в дом. А я внутренне борюсь с паникой. Я уверена, что вчера пила зелье. Страшно подумать, что разум снова сыграл со мной злую шутку. Ведь если я начала принимать желаемое за действительное – это очень и очень плохо.

В холле Энджел идет к сумке и достает оттуда пузырек с зельем. Целый, закупоренный.

– Ты не пила вчера снадобье, Каро... – несколько виновато говорит он, словно в этом есть и его вина.

А у меня подкашиваются ноги. К горлу подкатывает тошнота. Сходить с ума страшно, потому что ты просто не можешь контролировать мир вокруг.

Я неверяще смотрю на зелье и не могу заставить себя протянуть руку, чтобы его взять. Мне кажется, пока я не ощутила материальность нераспечатанного пузырька, есть шанс отстоять свою версию событий.

Стремительно направляюсь в ванную комнату. Шарю между своей косметикой, за стаканчиком с зубными щетками, заглядываю в сумочку-косметичку. Но початого пузырька нет. Не желая сдаваться,

заглядывая в мусорное ведро. Его не выносили. Влажные салфетки, коробочка из-под нового средства для умывания, лейкопластырь и... все.

– Каро, успокойся. Пузырек не открыт, ты просто забыла. Уснула слишком крепко.

Хочется разрыдаться, но я пытаюсь вспомнить, что я сильная, и сохранить остатки здравого смысла.

– Я слишком хорошо помню, как вчера пила из него...

– Бывает, иногда сознание играет с нами злую шутку. Просто ты увидела свое прошлое, и мозг отреагировал на него нехорошо. Когда мы вернемся домой, все наладится. Посетим специалиста, пройдешь реабилитацию... Все будет хорошо.

– Да, ты прав... все наладится, – говорю я, понимая, что не готова смириться и принять слова Энджела. Я не схожу с ума, верю, но спорить с Энджелом тоже неправильно. Это будет выглядеть совсем уж жалко. – Когда мы вернемся домой, все будет хорошо. Ты поменял день перемещения?

– Прости, солнышко... – Он смотрит на меня виновато. – Монарко слишком популярное направление. В ближайшую неделю это не сделать ни за какие деньги. Но мне обещали сообщить, как только появится свободное окно.

– Понятно, – глухо говорю я и прислоняюсь к стене. – Тогда, возможно, мне нужно найти нормального менталиста. Дар сказал, что у него есть кандидатура...

– Каро, серьезно? Ты хочешь доверить свое ментальное здоровье тому, кого сторяча посоветовал твой бывший? Ну ты же разумная девочка? Давай дождемся возвращения в Горскейр. А пока... – Он протягивает мне пузырек. – Вот твое спасение на эту неделю. Мы постараемся сделать вид, будто ничего не произошло. Уверен, ты еще сможешь полюбить Монарко всей душой. А я не спущу с тебя глаз, чтобы мы каждый миг знали, что ты делаешь. Хорошо?

Я не уверена в этом, но киваю. Мне определенно нужно разобраться в том, что со мной и вокруг меня происходит. Вероятно, отсутствие возможности уехать из Монарко прямо сейчас – мой шанс что-то осознать. Главное – помнить свои поступки. И не создавать новую реальность у себя в голове.

Сегодня пью лекарство под чутким контролем Энджела. А чтобы не забыть, отмечаю это на висящем на стене календаре, обводя дату красным маркером. Это важный ритуал, который связывает два события одной реальности. Для верности фоткаю на магфон, хоть Энджел и говорит, что это лишнее. Но я так не считаю. Меня может спасти только тотальный контроль за собственной жизнью. И в этом я не могу положиться ни на кого, кроме себя.

Энджел приносит мне горячий чай, спрашивает, как я себя чувствую, а я понимаю, что внутри меня все переворачивается. В очередной раз. В то же время произошедшее меня словно отрезвляет. Я словно начинаю пробуждаться ото сна, в котором меня слишком сильно ограждали от реальности.

Я начинаю вспоминать, что в критической ситуации глупо рассчитывать на кого-то еще. Энджел слишком опекает меня. Я полагаюсь на его воспоминания, его слова... А это неправильно, если подозреваешь, что сходишь с ума. Мне приятна забота, но пора прекратить погружение в состояние комфортной беспомощности. Я не такая. Я привыкла жить иначе.

Этой ночью сплю хорошо, без сновидений, а с утра вижу на календаре отмеченное число, и меня немного отпускает. Сонно целую Энджела и уворачиваюсь от его объятий, потому что понимаю: хочется на пляж. Слушать шум волн, смотреть на море, а не дрыхнуть до обеда, как он любит. Не скажу, что я его не понимаю. Ему хватает бессонных ночей и вне отпуска. Но привыкла жить в режиме. Ранние подъемы для меня норма.

Сегодня я даже иду на пляж, где валяюсь на шезлонге и пытаюсь понять, что же меня гложет во всей этой ситуации. Что именно? Словно в происходящем есть какая-то нестыковка, которую я не могу уловить.

Кажется, что все логично. После второго маньяка, который за мной охотился, после смерти Кита мой мозг не выдержал, именно это мне говорил менталист. Сны такие реалистичные, что в них я способна навредить себе или окружающим – это специфика моего дара, который оборачивается против меня.

Сумасшествие – бич менталистов. Наша магия специфическая, мы умеем воздействовать на сознание. Если наше собственное

оказывается нестабильным, магия начинает разрушать его сильнее, убивая остатки разума. Опасное состояние.

Я думала, процесс, который начался очень неожиданно для меня, удалось купировать. Но встреча с Даром в Монарко спровоцировала новый мощный виток развития заболевания. Иначе мое поведение не объяснить.

Только вот... и такое объяснение меня, признаться, не устраивает. Я не верю в это. Я всегда была сильной, иначе не смогла бы выжить. Да, я расстроилась из-за Дара, но... не настолько сильно, чтобы отомстить ему таким странным способом. А значит, мне нужно стороннее мнение о моем состоянии. Вдруг это кто-то подстроил? Кто-то, кому известна наша с Даром история.

Только я никак не могу понять, кому это, в принципе, нужно, и этот факт играет против моей стройной теории. Так что пока рано рассказывать Энджелу о том, что хочу сделать. Для того чтобы держать ситуацию под контролем, мне надо снова стать самостоятельной.

Смотрю на дом, в котором все еще спит Энджел, и понимаю, что сейчас самое время нанести один визит. Вряд ли меня будет ждать теплый прием, но как-нибудь я это переживу.

Забегаю в дом, натягиваю прямо поверх купальника легкое платье и выхожу, тщательно прикрыв за собой дверь. Если повезет, Энджел даже не проснется. Не хочу объяснять, почему пошла одна.

Оказавшись на улице, вдыхаю полной грудью и ловлю себя на мысли, что это давно забытое чувство. Последний год, даже чуть больше, Энджел всегда рядом. Его присутствие стало настолько привычным, что я даже не замечала, что у меня не осталось личного времени и пространства.

Мы всегда и везде были вместе. Стало привычным засыпать вместе, просыпаться вместе. Он присутствовал на моих тренировках и соревнованиях. Я – на его репетициях и концертах. Он встречал меня из колледжа, я сопровождала его в турах. Когда мы стали одним целым? Я ведь не могу сказать, что хотела этого? Я даже ни разу не говорила ему, что люблю.

Парень не доминировал, не давил, он всегда был готов отступить, если я попрошу... Но я не просила, и он занимал все больше и больше моего времени и моей жизни, решая мелкие бытовые проблемы, поддерживая, помогая, балуя. И сейчас, тайно сбежав от него в эти

утренние часы, я вдруг осознала, что уже не помню, как это прекрасно – гулять одной. Только в одиночестве можно проанализировать то, что у тебя на душе. Сейчас я чувствую себя так, словно вынырнула из сумрака.

Город лениво просыпается. Несмотря на ранний час, уже открываются кофейни, и туристы с большими сумками лениво бредут на пляж. В лучах рассветного солнца неторопливый, полный утренней жары Монархо снова начинает меня пленять. Воздух наполнен ароматом цветов, свежей выпечки и кофе, а на губах чувствуется соленый привкус моря.

Здесь легко забыть о том, что в мою жизнь снова ворвались неприятные тайны и липкий страх, который может породить только пугающая неизвестность.

Взяв стаканчик латте, я иду в сторону пляжа и чувствую себя почти туристкой. Я могу любоваться длинной аллеей, ведущей к морю, вдыхать запах цветов и никуда не спешить. Почему-то твердо уверена: или застану Дара там, где еще вчера видела большой баннер, приглашающий заняться магсерфом, или на пляже смогу узнать, где искать парня.

Вряд ли он будет рад меня видеть. Но если бы я всегда делала только то, что ему нравится... Не знаю почему, но я уверена: как бы ни рычал на меня Дар, как бы ни винил в произошедшем, если я попрошу его о помощи, он не откажет. Будет больно, если я ошибаюсь. Но и не попробовать я не могу.

На пляже ужелюдно. Прямо передо мной трое мальчишек упорно пытаются сделать какие-то элементы из цеуньши. Неправильно, криво и травмоопасно. Меня даже передергивает. Один постарше – лет двенадцати – показывает, а мелюзга лет по восемь пытается повторить.

Кривое зеркало работает так плохо, что один из мелких падает навзничь и явно неприятно прикладывается плечом. Хотя тут и песок, но все равно травмироваться как нечего делать.

– Да что ты творишь! – в сердцах бросаю я, ускоряя шаг. С шезлонга привстает полноватая блондинка, наверное, мать, но я не обращаю на нее внимания и продолжаю: – Кто же так «макаку» делает? Плечо вывихнешь. А эти... – указываю на мелких, – повторить не смогут, а переломаться – запросто! Думай, что делаешь и кого подвергаешь опасности!

Женщина, которая, похоже, планировала устроить скандал, заинтересованно замирает. Видимо, мои слова про травмоопасность заставляют ее задуматься. Мальчишка постарше смотрит на меня с вызовом. Все они такие. Ершистые. Особенно если уверовали в собственную крутость.

– Я хоть как-то делаю, – говорит он. – А девчонки вообще ничего не могут, потому что трусихи! Это мужской спорт! Нам так тренер говорил.

Фыркаю, и, несмотря на то что на мне одежда совсем не для спорта, мягко прыгаю назад с упором на одну руку, показывая, как должна выглядеть настоящая «макака». С прогибом в спине, с заряженными ногами, способными сделать толкающий удар и вынести противника вдвое больше и сильнее меня. Это база. Чтобы сделать ее, мне не требуется даже разминка.

– Ничего себе... А «ласточку» можешь? – потрясенно произносит мальчишка, забыв закрыть открывшийся от изумления рот.

– Без проблем.

Делаю боковое сальто, именуемое «ласточкой», собираю воздушные потоки и вихрем закручиваю вокруг себя песчинки перед тем, как приземлиться.

– Где ты училась? – восхищенно выдыхает он.

– Какая разница где? – Я пожимаю плечами. – Важно – у кого.

– И у кого же?

– У лучших.

– А у нас тренер неделю назад ушел, – со вздохом замечает мама, которая передумала скандалить и смотрит на меня с надеждой. – А вы к нам надолго?

– Нет, на пару недель. – Я с усмешкой качаю головой, слишком хорошо понимая, в какую сторону сворачивает разговор.

– А какой у тебя феникс? – осмелев, спрашивает мальчишка, который продолжает с восторгом таращиться на меня.

– Платина, – говорю я и ловлю в глазах недоверие.

– Правда, что ли? Их ведь очень мало.

– Правда. Я долго и упорно работала, чтобы достичь этого. Много лет. А ты говоришь, девчонки не могут. Девчонки могут все, врал ваш

тренер. А вот пытаться делать сложные элементы самим нельзя. Это опасно. Цеуньши не прощает ошибок.

Объясняю мелким азы, буквально за десять минут ставлю правильно руки, и все трое вполне сносно прыгают на песке, выполняя несложное упражнение. Что же за тренер у них был, раз не смог научить элементарному?!

– Нам бы такого тренера, – вздыхает родительница, а я смотрю на волны и вижу среди них сверкающий магией магсерф и Дара. Я угадала, предположив, что увижу его тут.

– Отдайте лучше мальчишек на магсерф, – говорю я. – Там тренер хороший... А хороший тренер – залог успеха ребенка и его безопасности.

– Только к нему не попадешь, – вздыхает женщина.

– Почему же?

– Он только реабилитирует. Сначала надо переломаться до смерти, и только потом он посмотрит. Нет бы работать с нормальными детьми, а не с теми, в экзоскелетах...

– А те, кто в экзоскелетах, ненормальные? – холодно интересуюсь я.

– Ну почему же? – Она тушует. – Нормальные, но они все равно не смогут...

– Это иллюзия. Девочки не могут достичь успехов в цеуньши, в экзоскелете ходят инвалиды и так далее. И эти вредные заблуждения мешают жить и достигать успеха. Дар знает, что делает, у него самого экзоскелет. Он прошел все этапы, чтобы стать тем, кем является сейчас.

– Я видела его руку...

– Это то, что он готов показывать. Экзоскелет стал частью его, и Дар, как никто другой, знает, как важно научиться принимать себя. Я понимаю его.

– А вы знакомы?

– Учились вместе... – бросаю я и иду по теплomu песку к морю, где в обнимку с магсерфами на берегу сидят поджидающие Дара дети. Не знаю, но почему-то при виде этой картины начинает щемить сердце.

Подхожу ближе и присаживаюсь на песок чуть в стороне от учеников. Ветер треплет волосы, и я подставляю лицо соленым

брызгам, которые вместе с волной вылетают на берег.

Дар на гребне смотрится завораживающе. Он не стихийный маг, он сам – стихия. Ему идет скорость, адреналин и волны. Глупо это отрицать. И глупо отрицать, что меня это тоже привлекает. Я всегда была такой. Мне нравилась безбашенная дерзость Дара.

Это качество разрушало его и все вокруг, но как же сильно оно меня притягивало! Наверное, поэтому я и выбрала Энджела. Он совсем другой. Спокойный и надежный. Только вот жадно я люблюсь не своим спящим на вилле парнем, а Даром, которому покоряется волна.

Продemonстрировав несколько каких-то сумасшедших элементов, он приближается к берегу. Малышня наблюдает за ним с восторгом. Впрочем, не только малышня, их мамы тоже. Замечаю Оливию, почему-то без подруги. Мне показалось, что они неразлучны.

Едва парень ступает на песок, женщина меняет позу: откидывает волосы, пытаюсь привлечь его внимание. Но он сосредоточен на детях. Что-то объясняет, дает наставления. Как всегда, делает шэх. Точнее, как делал раньше. Сейчас я выросла и уже не тренируюсь в группе, когда ловишь каждое слово тренера и ждешь следующей тренировки, гадая, поругают тебя или похвалят.

На меня Дар тоже не смотрит. Но когда детей разбирают родители и возле него остается одна заискивающе улыбающаяся Оливия, Дар выбирает из двух зол меньшее. Меня.

В общем, поступает как хорошо знакомый мне Дар из прошлого. Поворачивается спиной к Оливии, которая уже нацелилась повиснуть на его шее, и, словно не замечая ее, двигается в мою сторону. А я не могу отвести взгляд от его высокой поджарой фигуры. Его волосы мокрые. По торсу стекает вода. Капельки блестят на золотистой коже, и меня ведет от этого вида.

– Зачем пришла?

Холодный голос возвращает меня в реальность.

– Попросить прощения и... попросить о помощи.

– Да ладно, Каро! – хмыкает он со злой горечью.

– Дар, вообще-то я тебя жду, – капризно заявляет Оливия, и в ее сторону удивленно поворачиваемся мы оба.

Дар совершенно искренне интересуется:

– А зачем?

– Ну... в смысле... – теряется она.

Дар берет меня за локоть и ведет вдоль пляжа, бросив через плечо:

– Не жди, не стоит.

– Ты на фига это сделала? – шипит он мне на ухо. – Каро, ну это за гранью! Я не ожидал. Мало того, что ты ворвалась в мою жизнь и заставила снова вспоминать то, что я вспоминать категорически не хочу, так еще и устроила непонятно что у меня дома.

– Дар! Я даже не знаю, где ты живешь! – всхлипываю я и скороговоркой произношу, пока не передумала: – Я не помню! Я ничего не помню!

Парень замирает. Ему в спину что-то кричит Оливия. Что-то про наглость, ночь и скотский характер. Упоминание о ночи меня царапает, но я засовываю поглубже идиотскую ревность, на которую не имею никакого права – спустя несколько лет, когда сама приехала на отдых с парнем. Мы с Даром остались в прошлом, сейчас это просто болезненные воспоминания. Он старый знакомый, который может помочь.

– В смысле – ничего не помнишь? – Он хмурится и нагибается ко мне.

– В прямом. – Я выдыхаю. – Я уснула вчера в кровати, а проснулась на пляже в окровавленной сорочке и кровью на руках. Я думала, что сошла с ума и убила тебя! Понимаешь? Мне нужен тот маг, о котором ты говорил сегодня, желая уязвить. Он ведь есть? Это не выдумка? Я правда думаю, что схожу с ума.

– Нет, этот маг – не выдумка, – спокойно говорит Дар, вглядываясь в мое лицо так, словно хочет найти ответы на вопросы, которых не задавал.

– Ты отведешь меня к нему?

– Может быть, – отвечает он. – Смотря как ты будешь себя вести...

– Чего ты хочешь? – спрашиваю я. Почему-то его желание поторговаться вызывает у меня обиду. Наверное, потому что мне это важно. А вот Дару все равно. Сейчас я в очередной раз в этом убедилась.

Ветер треплет волосы, несколько прядей падает на лицо, а я все еще жду от Дара ответа. Парень загадочно молчит. Вопрос: зачем?

Он отступает от меня на пару шагов и протягивает руку. На губах шальная, безбашенная улыбка, от которой сжимается сердце. Улыбка Дару идет, делает его моложе и красивее. Хотя куда уж еще? Он и так преступно хорош. Улыбка и раньше появлялась у него нечасто, а сейчас я совсем не ожидаю ее увидеть. Это привет даже не из прошлого – из другого мира, в котором мы могли бы быть счастливы.

Мне больно на него смотреть. Дар – это разбитое сердце, несбывшиеся мечты, призрак чего-то очень дорогого и безвременно утраченного. Вот он рядом, улыбается, красивый и пропитанный солнцем, но не мой. И никогда моим не будет. Потому что «нас» больше нет, а я, оказывается, еще с этим не смирилась. Иногда мы не можем отпустить то, что умерло. Например, любовь. Но то, что мы ее не отпускаем, ничего не меняет. Нам больно, хотя самого чувства уже нет.

– Что? – Я не спешу вложить пальцы в раскрытую ладонь. Боюсь чего-то? Того, что улечу в пропасть, из которой выбиралась несколько лет и на краю которой стою снова?

– Ну же, Каро? Ты мне не доверяешь? – с шальным вызовом спрашивает парень, а у меня внутри все замирает.

Потому что нет.

Я молчу, и улыбка сходит с лица Дара. Да, я ему не доверяю, как и он мне. Мы сами разрушили все, что между нами было. И разрушили как раз недоверием.

– Ничего не изменилось, да? – с грустной усмешкой спрашивает он. – Ты всегда делаешь только то, что нужно тебе? Берешь и не даешь взамен.

– Как и ты.

– Как и я, – жестче соглашается он спустя секунду молчания.

А потом сам берет меня за руку. Первый порыв – дернуться, перехватить его руку и...

Но Дар слишком хорошо меня знает.

– Ты же понимаешь, что сейчас не получится провернуть это так просто? На мне нет экзоскелета, – вкрадчиво говорит он.

Его горячая ладонь обжигает мне запястье, и воздух между нами искрит. Впрочем, все как обычно.

Смешной.

– Думаешь, это что-то значит? Мне все равно, есть на тебе экзоскелет или нет.

– Думаю, тебе нужна моя помощь. И именно поэтому ты не станешь делать глупости.

– Думаю, я, как всегда, могу решить все сама, – жестко отвечаю я и вырываю руку. – Зря я сюда пришла.

– Как была колючкой, так и осталась. Ты даже не захотела послушать, чего я от тебя хочу. Просто сразу фыркаешь, делаешь неверные выводы и сбегаешь.

– Это ты не сказал, я спрашивала. А делаешь неверные выводы и сбегаешь... Это ты серьезно про меня? Мне кажется, тебе это утверждение подходит больше.

Дар игнорирует мой последний выпад и, выдохнув, говорит относительно спокойно:

– А может, я ничего не сказал, потому что хотел показать?

– И что же?

Дар кивает в сторону моря. В волнах – несколько магсерферов. Не детей. Это взрослые парни, но отсюда видны только подтянутые силуэты, которые в ослепляющем солнечном свете кажутся черными. Красиво и завораживает. Это танец со стихией. Вызов природе. И только сильнейший сможет совладать с волной.

Мышцы невольно напрягаются, когда я смотрю за движениями магсерферов.

– Ты ведь хотела попробовать покорить волну. Рискнешь? И я отведу тебя к своему менталисту.

Глава 6

Смотрю на Дара и не сразу понимаю, чего он от меня хочет. Все это было затеяно для того, чтобы затащить меня в море? Seriously? А зачем? Хочет утопить меня под удачным предлогом? Между прочим, достойная версия.

– Ну так рискнешь, Каро?

«Нет. Не рискну», – хочется сказать, но вместо этого я протягиваю руку Дару. Потому что не могу отказать, когда он просит. Потому что мечтала встать на магсерф. Потому что нужно разобраться с тем, что творится у меня в голове, а для этого мне нужен менталист. И желательно тот, с которым работал Дар.

Сначала идем переодеваться. Точнее, мне выдают плотный обтягивающий костюм для занятий, который я с трудом натягиваю на разгоряченное тело. Дар уже ждет меня у кромки воды.

Он роняет на песок одну из досок, попутно объясняя на берегу, что нужно делать.

– Проведи по ней руками, – приказывает парень, и я послушно исследую доску на ощупь. – Чувствуешь разницу покрытий?

– Да.

– Вот там, где начинается шероховатое покрытие... чувствуешь это место? Твои ноги не должны выходить за эту границу. Сначала попробуй лечь и устроиться поудобнее. В занятиях магсерфом есть две важные составляющие. Баланс и умение контролировать магию. У тебя нет проблем ни с первым, ни со вторым.

Я послушно устраиваюсь на доске и получаю несколько уточняющих команд. Поднимаюсь на локтях, прогибаюсь в спине. Дар объясняет, как вставать в воде.

То, что кажется элементарным на суше, в волнах оказывается не таким простым. У меня не получаются встать ни с первого, ни со второго раза. Мышцы просто не привыкли действовать таким образом.

Я снова слетаю с доски. Отплевываясь, выплываю из волны, чувствуя, что меня захватил бешеный азарт, и снова залезаю на доску. Ловлю взгляд Дара. В нем тоска и еще что-то, от чего сжимается сердце.

Не знаю почему, но в этот раз я собираюсь и делаю все как надо, окружив себя плотным коконом магии, который не дает мне упасть. Дальше дело идет бодрее. Я понимаю, что это то же цеуньши, но в воде, когда твой противник не человек, а стихия. Нужно быть сосредоточенной и контролировать свое тело и магию. И тогда все получится.

Я даже начинаю получать удовольствие от ощущения власти над стихией и соленых брызг в лицо. Это завораживающее, ни на что не похожее ощущение, но от непривычной нагрузки начинает ломить все мышцы, и я сдаюсь.

Уставшая, мокрая и счастливая выползаю на берег и замираю, передав магсерф Дару. Он принимает из моих рук доску, и наши пальцы соприкасаются. Я так надеялась, что все осталось в прошлом. Но нет. Все как и раньше. Между нами искры.

Замираем, и я поднимаю на него взгляд. Дар изрядно выше меня. Это очень хорошо чувствуется сейчас, когда я босая стою на песке. Такие знакомые голубые глаза, смуглая кожа, которая делает их еще ярче, и белозубая улыбка. Мое наваждение, несбывшаяся мечта.

– Зачем ты это сделал?

– Что именно, Каро? – тихо спрашивает он, наклоняясь чуть ниже. Мои губы трогает легкое теплое дыхание.

– Зачем ты заставил меня встать на доску?

– Потому что знал, что тебе понравится.

– Это не ответ на вопрос, – грустно усмехаюсь я. – Почему ты хотел, чтобы мне понравилось?

– Если бы я знал, – отвечает он и склоняется еще ниже к моим губам.

Наши лица так близко, что я на миг ныряю в прошлое. В тот короткий период, когда целовать его было естественно. Сама тянусь губами к губам, чувствуя, как сердце бешено стучит в груди и мне не хватает воздуха. Волосы треплет соленый морской ветер, глаза Дара – цвета летнего неба, рядом шепчет прибой и совершенно нет сил противиться притяжению между нами.

В этот миг сознание отключается. Я вижу только губы парня. Медленно пробую их на вкус – соленые брызги и карамель. Голову кружит, а мир перестает существовать. Сейчас на этом берегу только мы и те чувства, которые мы, казалось, оставили в прошлом.

Дар медленно проводит языком по моей нижней губе, толкается внутрь, чуть прикусывает и снова мучительно нежничает. Нет объятий. Мы оба впираемся побелевшими костяшками в магсерф, который стоит рядом с нами, боимся приблизиться и просто целуемся. С упоением. Вспоминая и возвращаясь в далекие моменты, когда были счастливы.

Это неправильно. В груди зияющая дыра. Я не хочу делать больно Энджелу, не хочу страдать сама и не хочу лишать себя возможности пообщаться с менталистом. Но вместо того, чтобы внять гласу разума, продолжаю целоваться с Даром, испытывая все новые и новые грани удовольствия. Понимая, что никто и никогда не целовал меня так, как он. Ни с кем и никогда мне не было настолько хорошо. Ни с кем и никогда я не теряла голову.

Не знаю, кто из нас первым приходит в себя. По-моему, все же я. Ощущение стыда перед Энджелом, с которым я приехала сюда, накатывает неприятной волной, убивая все очарование момента. Что же я за тварь? Отпрыгиваю от Дара, пытаюсь выровнять дыхание. Ловлю его пьяный взгляд, и на душе становится еще хуже.

– Прости... – выдыхаю хрипло, но он качает головой.

– Не говори, что жалеешь и поцелуй был ошибкой, – просит он низким бархатистым голосом, и по спине пробегают мурашки. – Это меня ранит.

Это признание – словно пущенная стрела. Прямо в сердце. Удар под дых, который выбивает из легких воздух, и я начинаю задыхаться.

– Не буду говорить... – наконец выдавливаю я и отступаю, разрывая связывающую нас невидимую нить.

– Сегодня в десять... – говорит он, когда я уже практически решаю уйти.

– Что?

– Ты хотела встретиться с менталистом. У меня тренировка до девяти. В десять я могу съездить с тобой туда, куда ты просила.

– Но... я не могу... Я не одна... а это практически ночь.

Понимаю, как жалко звучат мои нелепые оправдания, когда лицо Дара застывает, превратившись в восковую маску.

– Я уверен, ты придумаешь что-нибудь. Что с тобой стало? Не помню, чтобы раньше тебе требовалось чье-то разрешение.

– Все мы меняемся... – тихо отвечаю я.

– Эти изменения тебе не на пользу.

Его слова делают больно, но я внезапно понимаю, что Дар прав.

– Так тебя ждать? – уточняет он.

– Я приду, – говорю я и, развернувшись, ухожу от воды. А впереди вижу Энджела с двумя стаканчиками кофе.

Он что, был тут? Он видел наш поцелуй или нет? На секунду даже темнеет перед глазами. Какого демона я поддалась эмоциям?

* * *

Медленно, на негнущихся ногах начинаю движение по песку. Я снова все испортила. Сделала глупость и готова признать это. Только кому в такой ситуации нужно раскаяние партнера? Мне бы было не нужно. Энджелу, думаю, тоже.

Лицо парня не выражает ничего. Едва заметная ленивая улыбка на губах, безмятежный взгляд голубых глаз. Два стаканчика с кофе в руках.

Заметив меня, Эндж машет стаканчиком с кофе и ускоряется, а сердце у меня из груди падает в желудок. Кажется, парень ничего видел.

Облегчение накатывает горячей волной, а вместе с ним к щекам приливает стыд за то, что я совершила неправильный поступок и не хочу, чтобы о нем узнали. Я всегда считала такое поведение слабостью.

Я не люблю ложь, я редко вру, и сейчас мне противно от самой себя. Но я понимаю, что, несмотря на общее гадостное состояние, я рада, что Энджел не видел мой поцелуй с Даром. И даже под страхом смерти не признаюсь в этом. Лучше сгорю от стыда и угрызений совести.

– Я тебя потерял. – Парень белозубо улыбается и протягивает мне стаканчик с кофе.

Как только я его беру, Энджел ловит меня за талию и со вкусом целует. Внутри все сжимается, и я словно каменею. Зря думала, что хуже быть не может. Может. Я знаю, что за нами с берега наблюдает Дар. Целоваться сначала с одним парнем, потом с другим с перерывом пять минут... И кто я после этого?

– Каро, что-то случилось?

Энджел отстраняется и настороженно смотрит на меня. Он слишком хорошо меня знает, поэтому тут же замечает напряжение.

Я натянуто улыбаюсь. От приклеенной улыбки сводит скулы, но я говорю как можно беспечнее:

– Все отлично. Просто не ожидала тебя тут увидеть.

– А почему ты ушла без меня? – хмурится он, и приходится придумывать оправдание.

Звучит жалко, и сама я сейчас жалкая.

– Не стала будить, а сама проснулась рано и решила прогуляться. Не хочется терять ни секунды времени в этом райском месте. Ты же сам просил дать Монарکو еще один шанс.

– Я видел тебя на магсерфе... – небрежно бросает Энджел, а у меня снова сводит желудок. – Ты хорошо на нем смотришься. У тебя отлично получается. Впрочем, как и все связанное со спортом.

– Спасибо, – осторожно улыбаюсь я.

Энджел обхватывает меня за талию, по-свойски устроив ладонь на пояснице, и утягивает за собой по пляжу.

– Но я надеялся, мы сходим вместе. Зови меня, если собираешься сделать что-то новое или интересное, мы же пара. Твои успехи – мои успехи.

– Это вышло очень спонтанно, – неловко оправдываюсь я.

Впрочем, на этот раз хотя бы говорю правду. А еще мне предстоит соврать Энджелу по поводу сегодняшнего вечера, а на это пока нет ни запала, ни сил. Ненавижу ложь! И никогда не думала, что окажусь в ситуации, когда сознательно выберу ее.

Проклятый Дар! Зачем он меня поцеловал? А я? Я ведь не была против.

Его взгляд обжигает спину. Мне не нужно поворачиваться, чтобы знать: Дар наблюдает за тем, как мы с Энджелом уходим.

Его рука на моем бедре. Я обнимаю его за талию, потому что он мой парень и странно этого не делать, а в душе – раздразни и смятение. Один поцелуй, у которого не будет продолжения, перечеркнул несколько лет, в течение которых я выстраивала отношения с Энджелом.

Удивительное райское место, здесь надо наслаждаться жизнью. Поэтому, наверное, я так странно себя чувствую. Рай снаружи, ад

внутри. Пытаюсь вести себя как ни в чем не бывало. По мне, получается из рук вон плохо, но Энджел расслаблен. Он словно не замечает царящего между нами напряжения. Того, что я очень часто замираю в разговоре. Теряюсь и не сразу нахожу ответ. Улыбаюсь напряженно.

Впрочем, возможно, он принимает это за последствия случившегося накануне.

– Знаешь, чего я не могу понять? – говорю, принимая из рук Энджела рожок со слегка подтаявшим мороженым.

– Что? – послушно переспрашивает парень.

Он идет, блаженно щурясь и подставляя лицо соленому ветру. Я хотела бы немного перенять его беспечности.

– Где, демоны заberi, в незнакомом городе, ночью, в одной сорочке и босиком я нашла свиную кровь и сердце? Ну где? Тебе не кажется это бредовым?

– А так ли это важно, Каро? – Энджел целует меня в висок. – Главное, что, когда ты пьешь зелье, с тобой все хорошо. Попробуй насладиться отдыхом. А когда вернемся, мы разберемся, почему началось обострение. Я уверен, Сорра поможет тебе, как и всегда. И у нас снова все станет хорошо. Да ведь?

– Ну да... – мрачно отвечаю я и облизываю мороженое.

Ничего не сходится, и очень странно, что Энджел эти странности напрочь игнорирует. Чем дальше, тем больше меня это напрягает. Вполне возможно, именно так проявляется моя болезнь. Но я чувствую себя абсолютно нормальной, и это пугает. Неужели с ума и сходят так? Пребывая в святой уверенности, что все идет как обычно?

Мы прогуливаемся по набережной. Разговор не клеится, но мы старательно изображаем счастливую беззаботную пару. Как же быстро все изменилось! Еще несколько дней назад это было моей реальностью. Я была довольной жизнью выпускницей, которую парень повез на отдых.

– Ты не против, если я вечером на пару часиков уйду? – осторожно интересуюсь я уже на подходе к дому. Оттягивать этот разговор еще дальше бессмысленно.

– Куда? Нет... – Энджел мотает головой и виновато усмехается. – Ты не думай, что я пытаюсь контролировать тебя, просто странно.

Зачем тебе идти куда-то без меня? Я так тебя утомил? Тут же ты никого не знаешь...

– Да нет... – отмахиваюсь я с напряженной улыбкой, заранее ненавидя себя за очередную ложь. – Вчера Оливия пригласила меня с подругой посидеть в женской компании в баре на берегу. Я сначала отказалась, но сейчас понимаю, что, пожалуй, мне это жизненно необходимо.

– Ты уверена, что это лучшее решение на фоне обострившихся приступов?

Иногда Энджел говорит со мной как с неразумным ребенком. Конкретно сейчас такой тон раздражает.

– Уверена, – отвечаю я жестко.

Я давно так не говорила. У меня не было нужды отстаивать собственное мнение просто потому, что всегда было так, как я хочу.

Энджел тут же сдается:

– Каро, у меня и в мыслях не было тебя ограничивать. Конечно, иди. Я найду чем заняться. Просто будь на связи, я волнуюсь. Когда с утра проснулся и не обнаружил тебя... Я испугался, Каро.

– Ничего со мной не случится на центральной набережной. Посижу пару часиков, выпью несколько коктейлей и вернусь домой.

– Только не делай глупостей, Каро. Ничего такого, о чем потом придется жалеть.

Глава 7

Дар

Чувствую себя идиотом. Нет, не потому, что на мне штаны стоимостью дороже осы, на которой я езжу уже три года, а потому что купил я их из-за Каро и ее рыжего парня, который бесит меня одним своим видом.

Я снова встаю на грабли, которые пообещал себе обходить стороной. Опять чувствую, что кто-то лучше меня, и этот кто-то — рядом со мной. Мне не нравится, что я снова повелся. Обещал себе, что отрину все внешнее, не притронусь к деньгам из наследства, которого не заслужил.

Но все принципы полетели во тьму, едва Каро оказалась рядом. Потому что, демоны меня заберут, я хочу быть с ней. Я хочу показать лучшую версию себя. И я хочу доказать, что не хуже ее рыжего.

И дело не только в силе и отсутствии экзоскелета. Дело в том, что у меня есть свое дело и цель в жизни. И я почти избавился от адреналиновой зависимости. Я хочу положить к ее ногам мир, и у меня есть такая возможность.

Хочу ли я вернуть ее? Не знаю. Не уверен. Но, возможно, это и имеет смысл. Она до сих пор меня манит. От ее поцелуев до сих пор сносит крышу. Отношения... возможно, это перевернутая страница, но рядом с ней я однозначно хочу быть лучшей версией себя.

Поэтому да, я выкинул свои побелевшие от соли шорты и совершил налет на местные бутики, благо тут их навалом. Все же отдыхает в Монарко преимущественно элита Горскейра.

Сейчас же я замираю на пороге салона магмобилей. Тут пахнет охлаждающей магией, роскошью и адреналином. Такие волнующие и почти забытые запахи. Если уж возвращать лучшую версию себя, то начинать надо отсюда. Я не мыслю себя без дорогого красивого транспорта. Ездить на старой, едва летающей осе было самым сложным.

При виде сверкающих магмобилей без крыши сердце начинает стучать сильнее. Мне хочется за руль каждого из них. Хожу, изучаю мерцающие бока, плавные линии, перламутр покраски. Останавливаюсь у магмобиля темно-синего, глубокого, почти чернильного цвета. Перламутровый отблеск и светлый кожаный салон. Мечта.

На цену даже не смотрю, наплевать. Если уж я выбрался из оков аскетизма, не вижу смысла считаться с деньгами. Я люблю роскошь и слишком долго себя ее лишал. Мелькает застарелое чувство вины, которое кошкой скребется в душе. Кит тоже любил быструю езду и дорогие магмобили. Но Кита нет, а я есть, и Каро нашла меня.

Я эгоист? Наверное. Стоит уже себе в этом признаться. Я не могу исправить прошлое, но могу постараться не просрать настоящее. Звучит как цель.

– Вам помочь?

Оборачиваюсь на голос и встречаюсь со светлыми глазами за стеклами очков в тонкой оправе. Неловко. Мериэн Эроуз – мама одного из моих учеников. Вся аккуратная до зубовного скрежета. Из тех, кто приводит детей на занятия магсерфом в узкой юбке-карандаше, белой блузе и туфлях на шпильке.

– Дар... – удивляется она и смотрит на меня так, будто видит в первый раз. Возможно, так и есть. Одежда, особенно приличная, сильно меняет человека. – Я рада вам помочь, но цены в нашем салоне...

Его голос немного дрожит от неловкости. Говорить тренеру своего ребенка, что он нищеврод, достаточно сложно. Она видит во мне магсерфера, который за копейки и идею тренирует детей в экзоскелетах.

В целом она права. Просто я все эти три года тщательно скрывал тот факт, что вообще могу не работать всю жизнь.

– У меня есть глаза, и я умею считать нули, – отвечаю спокойно и уверенно, глядя ей в лицо. И добавляю, указав на темно-синий магмобиль: – Хочу вот этот.

Она сглатывает и нерешительно кивает. В глазах мелькает нечто похожее на испуг.

– Мне нужно переговорить с начальством...

– Мериэн... не стоит пытаться сдать меня магстраже, – усмехаюсь я, и девушка бледнеет. – Я не ограбил банк и никого не убил. Все значительно проще: я ношу приставку «лэ». И этим все сказано. Хотите посмотреть документы?

Она еще недоверчиво смотрит на меня, но с интересом опускает глаза на вспыхнувшие над рукой руны.

– Думаю, вам знакома моя фамилия. Не так ли?

– Да-а... – потрясенно тянет она.

– Я наследник состояния с таким количеством нулей, которое нельзя произнести вслух. Я могу купить весь этот салон, но мне нужен конкретно этот магмобиль. И у меня нет времени на то, чтобы вы ходили к начальству. Начальство примчится разбираться, мы поругаемся, так как оно заподозрит подделку, приедет магстража, пробьет меня по своим каналам, потом все долго и уныло будут извиняться, и я опоздаю на важную встречу, а вы лишитесь хороших комиссионных. Не усложняйте жизнь ни себе, ни мне. Вы знаете меня уже несколько лет, я давал повод усомниться в своей честности? Иногда человек просто не афиширует свое финансовое состояние. Это нормально.

В ее глазах все еще недоверие, но мне кажется, она немного оттаивает. Хочется верить, что меня тут знают как хорошего человека и своего парня. Но этот образ совсем не вяжется с большими деньгами. Так что я понимаю ее сомнения.

– Нет... вы действительно никогда не давали повода сомневаться в вас. Но если вы так обеспечены... – она снова сглатывает и растерянно хлопает глазами, – ...то почему только сейчас пришли сюда?

– Мне не нужны были деньги, и я не хотел благ, которые они дают. На это были причины. Богатство не приносит счастья.

– А сейчас?

– Сейчас я решил, что слишком долго жил без благ. Соскучился. Счастья не приносит и отсутствие денег.

– То есть детей вы бросите? – совсем печально делает она какой-то крайне странный вывод.

– А это тут при чем? – удивляюсь я, и женщина окончательно тушуетсся и убегает за кристаллом управления, чтобы все же показать мне магмобиль.

Н-да... тяжело возвращаться в свой мир. Мне казалось, все пройдет как-то естественнее.

Я перестаю ощущать скованность в тот момент, когда оказываюсь за кристаллом управления внутри дорогого, пахнущего новой кожей магмобиля. Это ощущение эйфории и возвращения в прошлое, в котором я не умел ценить счастье.

Сиденье мягко обнимает спину. Я давно забыл, что такое боль от экзоскелета, но он все равно где-то глубоко у меня внутри, и потребность в удобных креслах и ортопедических матрасах никуда не делась.

И вот в этом магмобиле удобно. Я медленно веду подушечками пальцев по рулю и прикрываю от наслаждения глаза. Да! Отсюда я выеду только на нем. Это лучший транспорт, который у меня был в жизни.

Отсутствие крыши не напрягает. В Монархо она не нужна, тут круглый год солнце, морской бриз и никогда не бывает холодно. Это определенно лучшее место для жизни. Я убеждаюсь в этом каждый день последние три года. Рай на земле, в котором для счастья нужно немного.

Возвращаться в Горскейр я не планирую, меня там ничего не держит. Даже Каро, про которую я все равно вспоминал это время, сейчас здесь. Возможно, райский остров зацепит и ее. Боги! Неужели я начал мечтать о том, что она бросит своего рыжего и вернется ко мне? Бред!

Единственное, что сейчас портит мне удовольствие от возможности управлять шикарным магмобилем, — это женщина, которая сидит рядом. Я бы предпочел, чтобы на соседнем сиденье в этот момент была не она. Но я понимаю: нельзя выгнать консультанта из магмобиля, пока этот магмобиль не перешел в твою собственность.

Стартую плавно. Магмобиль поднимает так, словно он ничего не весит, и в момент набирает скорость. Маневренный, легкий, быстрый. Шикарный. Сам не замечаю, как на губах появляется шальная улыбка. Мне, демоны задери, нравится! Я кайфую не меньше, чем на магсерфе, и чувствую себя неприлично счастливым.

Сажая магмобиль перед салоном и поворачиваюсь к спутнице, которая молчала все время, пока я тестировал магмобиль. Она бледная,

но в глазах неприкрытое обожание. Вообще не к месту. Она интересуется меня только как временный держатель кристалла управления от моей прелести.

– Ничего себе... ты круто водишь! – восхищенно выдыхает она.

– Пережитки бурной юности. – Я пожимаю плечами и перекидываю ей кристалл управления со словами: – Беру.

– Хорошо. – У нее получается сохранить лицо, несмотря на то что я почти уверен: она думала, что я просто приехал покататься на крутом аппарате. – Сейчас оформим договор. Магмобиль в такой комплектации поступит через...

– Ты не поняла. Я беру этот и прямо сейчас.

– Но...

– Безо всяких «но», – упрямо говорю я и, обогнув ее, иду к диванчикам. – Подготовь магмобиль и документы. У меня не так много свободного времени.

Консультантка сглатывает, пытается возразить, но я непреклонен. Улыбаюсь и не свожу глаз с магмобиля. Он напоминает мне Каро. Такой же красивый, дерзкий, с идеальными формами и не способен оставить равнодушным. Покоряет с первого взгляда.

– Магмобиль нужно подготовить к продаже. К сожалению, раньше, чем завтра с утра, забрать не получится, – сообщает мне Мериэн.

– Сегодня, – настаиваю я. – Кто у тебя ответственный за такие решения? Позови, пожалуйста, его. Я правда спешу. И правда не готов уходить от вас пешком.

– Хорошо. Я постараюсь что-нибудь сделать! – кивает она и убегает, как испуганная мышь.

Я помню, как она вела себя и как смотрела на меня, когда приводила ребенка. Уверенный надменный взгляд, превосходство. Нет, она всегда была предельно вежлива, такие не умеют грубить, но смотрела на меня свысока, а сейчас ускакала к начальству на всех парах.

Это немного печально, но я знал, что так будет. С одной стороны, когда вся твоя собственность – гамак, шорты и выдавшая виды оса, жить проще. С другой – я до сих пор не могу отойти от того восторга, который подарила мне короткая поездка на новом магмобиле. И определенно хочу испытать все эти эмоции еще не раз.

Но есть еще одна проблема. Совершенно очевидно, что я не могу парковать этот магмобиль рядом с лачугой, в которой живу. Это по меньшей мере недальновидно. Не хочу лишиться моей прелести, а значит, надо решать вопрос и с жильем. Причем тоже в кратчайшие сроки.

Как я и предполагаю, мне продают магмобиль сегодня. И делают это быстро и без нервяка. Уже через час я выезжаю из салона на самой дорогой модели из имеющихся и отправляюсь на поиски дома. Купить за три часа до встречи с Каро, конечно, не получится, а вот снять – вполне. Главное – иметь проверенного риелтора.

У меня такой есть. Когда ты детский тренер на небольшом острове, за три года можно найти знакомых в любой отрасли.

Каро

Не люблю чувствовать себя виноватой. Нет, не так. Я очень редко совершаю то, за что мне стыдно. И никогда не делала это сознательно.

Мне мучительно стыдно перед Энджелом за поцелуй с Даром и свое вранье. Мне неприятно, что приходится обманывать парня ради встречи с менталистом.

Слово-то какое-то мерзкое – «приходится»! Ненавижу, когда кто-то говорит: «мне пришлось соврать». Любая ложь – это осознанный выбор. И я ненавижу себя за то, что выбираю вранье. Это недостойно и низко. Я никогда не уважала подобных людей. И сейчас не уважаю себя. Но и отказаться от своих планов не могу.

Есть вариант рассказать все Энджелу, но я не хочу. Уверена, он переубедит меня. Он умеет быть убедительным. Расскажет, что рандомный менталист Монарко не сможет разобраться в моих проблемах. Стоит всего лишь потерпеть неделю до возвращения в Горскейр.

И я соглашусь с ним, как соглашаюсь всегда. Потому что слова будут звучать убедительно, а Эндж прав. Он всегда прав.

Поэтому сейчас я и решаю ничего ему не говорить. Мне нужно разобраться в этой проблеме самостоятельно.

Так как чувствую себя отвратительно и все силы уходят на то, чтобы не показать это Энджелу, к вечеру я почти без сил. Для поездки

выбираю простое платье на тонких бретелях. Не хочу, чтобы Дар подумал, будто я вырядилась для него. Я бы вообще предпочла штаны и безразмерную кофту. Но в моем гардеробе в Монархо таких нет, да и погода не располагает. У меня только красивые платья, легкие костюмы и пляжные туники. Поэтому стараюсь выглядеть максимально просто в платье.

Эндж заходит, когда я пытаюсь забрать в высокий пучок волосы, чтобы они не мешались.

– Ты пойдешь так? – с удивлением спрашивает он.

– Да. А что? – Я смотрю ему в глаза через зеркало и вижу, как парень пожимает плечами.

Он приближается ко мне и останавливается четко за спиной.

– Ну... – Эндж проводит пальцами по шее и спускается ниже, к лопаткам. – Посиделки с приятельницами – это парад тщеславия.

– Ты же знаешь, не для меня!

Эндж целует меня в ключицу и, чуть отстранившись, замечает:

– Ты красивая, Каро. Ты ведь знаешь это, и они знают. Надень красное платье.

– Видишь, все знают, что я красивая. Какая разница, во что я одета?

– Я вообще люблю, когда ты раздета. Но в красном ты всех покоришь. Ты же собралась не на прогулку по пляжу.

Чтобы не вызывать лишних вопросов, матерясь, переодеваюсь. Что нашло на Энджа? Не в его правилах рассказывать мне, как надо одеваться. А теперь я должна предстать перед Даром роковой красоткой.

Да, красное платье глубокого приглушенного оттенка мне идет. Оно подчеркивает тонкую талию и мягко обнимает бедра. Плечи остаются открытыми, тонкие бретельки не в счет. На шее – ажурная золотая цепочка. Пучок к этому образу не идет, и я распускаю волосы. Правда, макияж не наношу. В жару это издевательство над собой.

Энджел порывается меня проводить, но я отнекиваюсь и сбегую. Направляюсь действительно на набережную. Мы с Даром договорились встретиться у небольшого магазинчика древностей на одной из улочек.

Он уже ждет меня там. И мое сердце замирает.

Я перед собой вижу усовершенствованный образец Дара из прошлого. Светло-бежевая рубашка с коротким рукавом, белые штаны, золотистый загар и выгоревшая на солнце челка. Парень подпирает бедрами магмобиль – темно-синий, блестящий и, кажется, совершенно новый.

– Думал, ты не придешь... – говорит он и небрежно открывает передо мной дверь.

– Я пришла... – отвечаю пересохшими губами и послушно сажусь в пахнувший новой кожей салон. Мы такие красивые, что я не могу отогнать мысль о том, что наша поездка больше напоминает свидание, чем визит к менталисту.

Если бы Дар был в потрепанных шортах и на старой осе, а я в простом платье, которое хотела надеть сначала, я бы чувствовала себя намного комфортнее. А так снова с головой накрывает чувство вины.

Магмобиль не двигается с места, когда я закрываю дверь. Хорошо, что нет крыши. Так у меня ощущение, что мы не совсем наедине. Вокруг нас люди. Только я не замечаю никого. Передо мной Дар, и только он один.

– Ты хорошо выглядишь, – хрипло говорит парень, который тоже не сводит с меня глаз.

И от его низкого голоса, от которого у меня всегда сносило крышу, по спине бегут мурашки. Меня затапливает волнующее тепло.

– Спасибо. Я не специально. Просто сказала Энджелу, что пошла в бар с приятельницами, и пришлось соответствовать легенде. Ты тоже отлично выглядишь. – За дежурными фразами пытаюсь скрыть волнение и смущение. – Но мне немного не хватает того парня в рваных шортах. Он казался проще и ближе к народу.

– Но ты же знаешь, простым я не был никогда, – замечает Дар.

Его шальной и пьяный взгляд на моих губах. Во рту пересыхает, и щеки начинают гореть. Хорошо, что в сумерках это не так заметно. Зачем он это делает?

– Тот образ был лживым, – продолжает Дар. – А я решил, что мне надоело врать. В том числе себе. Я люблю чистые брюки из дорогой ткани, новые магмоби́ли и деньги. Поэтому мой внешний вид, в отличие от твоего, не случайность, а итог некоего жизненного

переосмысления. И я рад, что ты оценила, – с самодовольной улыбкой заканчивает он.

– И зачем тебе, чтобы я оценила? – интересуюсь я, чувствуя, что зря поехала с ним куда бы то ни было. Он слишком волнует меня до сих пор. Видимо, Дар в моей жизни – это то, чем нельзя переболеть. Меня сводит с ума все: его голос, запах, взгляд из-под опущенных ресниц. И, только если он меня ненавидит, я могу держаться от него на расстоянии.

Но я не чувствую от него ненависти. Мы скорее как магниты – тратим все усилия на то, чтобы не примагнититься окончательно. Точнее, я трачу, а Дар – нет. Силюсь его понять – и не могу.

– Я ведь ждала тебя, – говорю тихо, с трудом сдерживая злость на то, что он по-прежнему сводит меня с ума. – Ждала несколько лет. Ты хоть раз пожалел о том, что ушел, даже не прощаясь?

Не знаю, почему мне так важно получить ответ на этот вопрос. Возможно, я хочу убедиться в том, что ему все равно. Получить очередной удар ножом в сердце и наконец-то успокоиться.

Но, вопреки моим ожиданиям, Дар не пытается лукавить. Не пытается казаться бесчувственнее, чем есть на самом деле. Он тихо говорит то, из-за чего мое сердце рвется на части – я падаю и понимаю, что подняться уже не смогу, не получится вернуться в то состояние относительного спокойствия, которое я недавно обрела благодаря Энджелу.

– Каждый день...

– Тогда почему...

Закончить не могу, душат слезы. Вот зачем он тогда сделал это с нами? И зачем судьба свела нас снова?

– Тогда это казалось мне самым правильным решением.

– Винил меня? – с болью уточняю я.

– Тебя, себя, обстоятельства... Не знаю... Но совершенно точно не мог позволить себе быть счастливым. А с тобой тогда я был счастлив. И испортил все своими же руками. Это сложно было пережить. Я разрушил все... и никогда не смогу это искупить и исправить. Только сейчас я понял, что мне в любом случае жить с этим. В дорогих брюках, рваных шортах, на старой озе или новом магмобиле. Прошлого не исправишь, но у меня есть настоящее и, возможно, будущее, если я не наделаю ошибок.

С этими словами Дар срывается с места. Я инстинктивно вжимаюсь в кожаное сиденье, но оса трогается удивительно плавно, словно за кристаллом управления сидит кто-то другой. Парень, который не может исправить прошлое, но старается не допускать ошибок в настоящем?

Глава 8

Когда мы выруливаем с набережной на узкую, ведущую мимо небольших гостиниц и симпатичных жилых домов улицу, вижу впереди на перекрестке алый приметный магмобиль. Сердце замирает и совершает в груди кульбит. Появляется неприятное пугающее чувство стыда и страха, будто меня застукали за чем-то постыдным.

Помню, как в школе я попала за попыткой изменить оценку по нелюбимому предмету. Тогда я чувствовала себя примерно так же. Одно из самых неприятных ощущений.

Едва мы приближаемся, магмобиль срывается с места и скрывается на соседней улице. Энджел? Он следил за мной? Или мне показалось? Мы с ним взяли приметный транспорт, но это Монархо – здесь парад дорогих тачек, и каждая третья красного цвета.

Но становится не по себе. Не знаю, от чего мне больше гадко: от того, что я соврала, или от того, что он за мной следит. И он ли? Или просто яркая машина? Остальное сделало мое собственное чувство стыда. И Энджел мне просто померещился, едва я увидела красный магмобиль.

– Что-то не так? – спрашивает Дар, видимо, заметив, что я слишком напряжена.

– Да так... Кажется, видела магмобиль Энджела. Но я не уверена.

– Переживаешь, что он нас заметил? – с усмешкой отмечает парень, а я злюсь.

– Да! – Я с вызовом оборачиваюсь к нему и ловлю в голубых глазах шальной азарт. Дар всегда слишком хорошо умел выводить на эмоции. Это его фишка.

– Интересно, почему? Ты делаешь что-то предосудительное? Ты же просто едешь со мной в магмобиле. Почему так боишься, что кто-то тебя заметит?

– Я еду в магмобиле со своим бывшим, с которым целовалась с утра! Прости, если меня это волнует. А Энджелу я сказала, что сижу в баре. Я терпеть не могу врать!

– Ну так не ври. – Дар пожимает плечами. – Я не узнаю тебя, Каро, – с издевкой говорит он. – Ты никогда не врала. Просто была

выше этого. Делала то, что считаешь правильным, и не спрашивала ни у кого разрешения. Что случилось?

– Ты? – с болью уточняю я, понимая, что Дар к этим изменениям не имеет никакого отношения. Но мне неприятно слышать от него неудобную правду. Я сама не понимаю, что со мной. До приезда в Монарко я не замечала этих изменений. Мне просто было спокойно и комфортно. Спокойствие и комфорт – это ведь нормально? Просто я никогда не испытывала этих чувств.

– Нет, – усмехается он. – Нет. Тебя изменил не я. Тебя изменил он. Неужели ты этого не видишь?

Вижу. Но ни за что в этом не признаюсь. Просто потому, что мне самой очень не нравится это открытие. И я пока не понимаю, что с ним делать.

– Он был со мной в самый темный период моей жизни. Он помог мне выбраться из бездны, поэтому да, я ему благодарна. И да, я не хочу его расстраивать. Это нормально. Именно поэтому я не сказала, что уехала с тобой.

– Ненормально то, что ты уносишься в ночь с плохим бывшим, соврав такому хорошему настоящему. Возникает закономерный вопрос: так ли хорош этот настоящий?

– Я и забыла, что когда-то тебя не только любила, но и ненавидела, – признаюсь я. – Теперь начинаю вспоминать за что.

– Я просто говорю тебе правду.

– Зачем?

– Затем, что мне не нравится то, что он сделал с тобой, Каро, – отвечает Дар как-то слишком серьезно.

– Что он сделал? – начинаю раздражаться я. – Он исцелил меня своей заботой! Тем, что был рядом и помогал!

– Исцелил заботой или задушил? И ты уверена, что исцелилась? Глядя на тебя, этого не скажешь. Ты стала похожа на удобную куклу.

– Это бессмысленный разговор, – раздраженно отрезаю я и поворачиваюсь к окну.

Мы обогнули пешеходную часть набережной по жилым кварталам и сейчас снова свернули в сторону моря. Почти стемнело. В воде отражаются последние всполохи заката и загорающиеся звезды. Здесь так красиво, что захватывает дух и совсем не хочется думать о своей жизни. Оказалось, она у меня снова слишком сложная.

Темная тень осы появляется рядом с нами на повороте. С одной стороны скала, с другой – отвесный каменный склон и чернеющее море внизу. Я даже не понимаю, откуда вылетает сумасшедший гонщик. Сначала чувствую, как мотает магмобиль, слышу, как ругается Дар, и только потом вижу пытающуюся просочиться между нами и отвесной скалой тень.

– Что за...

Я сглатываю и вцепляюсь в ручки сиденья, а Дар резко уходит в сторону, чтобы не задеть гонщика на осе. Но тот словно специально еще сильнее сдает вбок, вытесняя нас с трассы. Этот маневр опасен, он рискованный и лишен логики и здравого смысла.

– Дебил... – шипит Дар, и магмобиль, вращаясь в воздухе, как волчок, улетает с трассы.

Я успеваю попрощаться с жизнью, но, к счастью, Дару удастся его стабилизировать. Магмобиль делает круг, и, заложив еще один крутой вираж, в последний момент успевает заскочить на трассу, а не рухнуть на скалы.

На всей скорости мы лихо входим в следующий поворот. Магмобиль снова заносит, но у Дара получается его выровнять и затормозить в первом же кармане. Там дорога расширяется и есть обочина, на которой можно остановиться.

– Что это было? – выдыхаю я и опускаю взгляд на свои руки. Они дрожат. Накрывает осознание того, как близко к краю гибели мы оказались.

– Представления не имею! – Дар поворачивается ко мне. На его лице лихорадочный румянец, заметный даже в сумерках. – Этот идиот чуть не убил нас! Пусть только попадется! Жаль, что я не запомнил его осу!

– Совсем, что ли! Мы же могли пострадать! Как можно быть таким неаккуратным? – возмущаюсь я, пытаюсь привести дыхание в порядок.

– Ты что, думаешь, это случайность? – зло усмехается Дар. – Нет, он хотел, чтобы мы улетели на скалы! Эта тварь пыталась нас убить! Я смог вырулить только потому, что долго занимался гонками и носил экзоскелет, с которым сложнее управлять магмоби́лем. Расчет был на то, что я не справлюсь с ситуацией.

– Но кто это? – ошарашенно спрашиваю я. – И зачем? Это какой-то бред!

– Представления не имею, кто и зачем. Но это точно была не случайность. Каро. Почему рядом с тобой кто-то всегда пытается убить или тебя, или твоё окружение? Может, это твой дружок?

– Энджел? А ему-то зачем? – искренне удивляюсь я, игнорируя нападки. В конце концов, в последние несколько лет меня никто убить не пытался. – Скорее, кто-то мстит тебе. Ты ни у какого гонщика девушку не уводил?

– Не моя тема, – отрезает Дар. – И ты прекрасно это знаешь. У меня нет привычки размениваться или брать чужое. Представления не имею, кто это, но на осе он точно ездить умеет. Словно только что с трека Горскейра.

– Вот и ещё один довод в пользу того, что Эндж тут ни при чем, – вставляю я. – Он не ездит на осе. Он вообще не фанат скорости.

– Тогда зачем ему гоночный магмобиль?

– Он не любит скорость, он просто любит магмоби́ли. – Я раздраженно пожимаю плечами. Дар умеет задавать неудобные вопросы.

– Так не бывает, – заявляет он, а я просто качаю головой.

Не понимаю я этих попыток наехать на Энджа. Он же ничего ему не сделал? Даже на ревность не спишешь, мы с Даром давно расстались. Слишком давно, чтобы ревновать.

Пока мы приходим в себя и выясняем отношения, сгущается ночь. Теперь мы двигаемся в крошечной темноте. Дар не гонит, на сегодня мы уже накатались, и каждый думает о своём. Я анализирую последний год своей жизни. И мне не нравятся выводы, к которым я прихожу.

Мне нужно было приехать в Монарко и снова выйти из зоны комфорта, чтобы осознать: что-то в моих отношениях с Энджелом не так. Я далека от мысли подозревать его в чем-то. Он реально мне помогает и заботится, но я действительно стала терять себя, и в стрессовой ситуации это оказалось критическим. Я вру, просто чтобы взять под контроль свою жизнь. Но вранье – это не контроль, это попытка уйти от проблем.

Пока мы по узким улочкам соседнего поселка двигаемся к дому менталиста, я решаю: вернусь и расскажу Энджелу обо всем. И про

поцелуй с Даром, хоть это и была случайность, которая не повторится; и про сомнения; и про то, что сегодня я не сидела в баре, а пыталась убедиться в собственной нормальности... А еще – возьму паузу. Мне нужно разобраться в себе. А это невозможно, когда живешь с кем-то на одной территории и спишь в одной кровати.

Несмотря на то что решение сложное, я испытываю облегчение и вдыхаю полной грудью. Немного страшно оттого, как легко оно мне далось. Мне казалось, я очень привязана к Энджу, но сейчас в голове всплывает другое слово: «зависима». Я зависима от него, а с любой зависимостью нужно бороться, причем радикально. И лишь избавившись от нее, смотреть, что имеешь в остатке: любовь, благодарность или пустоту.

– Что за... – слышу тихий потрясенный голос Дара и бросаю взгляд в окно. На другом конце улицы что-то пылает. Зарево пожара видно отсюда, и горит, похоже, что-то крупное, не костер во дворе.

– Не говори, что дом менталиста находится в той стороне, – потрясенно шепчу я.

Дар послушно молчит, а я понимаю все по его глазам и по магмобилю, резко набравшему скорость.

Мы останавливаемся через дорогу от пылающего, словно свечка, дома. Вокруг толпятся люди. Дар выскакивает из магмобиля и, даже не закрыв за собой дверь, несется к дому, расталкивая толпу. Следую за ним, чувствуя, как лихорадочно стучит сердце. Руки дрожат. Не верю в случайность произошедшего.

Когда добираюсь до Дара, он уже обнимает заплаканную красивую молодую женщину. А чего я хотела? Менталиста-мужчину? Глупо.

Черные волосы, крупными локонами падают до ягодиц, на смуглых руках браслеты, алая туника оставляет одно плечо открытым. Она старше меня лет на десять, но это делает ее еще более соблазнительной и желанной. Она утыкается в плечо Дара, но, всхлипнув еще раз, мягко отстраняется. Теперь я вижу ее лицо.

Совершенные черты, прямой нос, миндалевидный разрез глубоких черных глаз. От девушки веет первозданной силой. Ее ментальный дар не такой, как у меня, он первобытный. Говорят, такие колдуны остались только тут, в Монарکو.

– Ты, наверное, Каро... – хрипло говорит она, и я не могу понять: у нее и правда такой низкий, бархатный, почти мужской голос или он сел от дыма и слез.

– Да, – отвечаю осторожно.

– Интересная девочка. Жаль, сегодня не получится с тобой поработать...

– Что случилось, Тора? – спрашивает у нее Дар.

Он явно обеспокоен, и я ощущаю неуместный и болезненный укол ревности. Понять бы еще, откуда она взялась.

– Если бы я знала. – Она пожимает плечами. – Решим.

– Я помогу.

– Не стоит. – Она качает головой и мягко улыбается. – Неужели ты думаешь, мне некому помочь? Привози ее позже. – Тора кивком указывает на меня. – Нам есть о чем поговорить.

Я смотрю на Тору и чувствую внутреннюю силу. Она смотрит на пылающий дом, и в глазах слезы. Менталистка явно расстроена, но спокойно говорит о работе и, кажется, просто ждет, когда все закончится. Неужели ее не волнует, что жизнь на ее глазах превращается в руины?

– Тебе есть где ночевать?

– Дар, не пытайся всех спасти, – говорит Тора. – Спасай себя и ее. Меня спасать не нужно. Это все, – она обводит рукой бушующий пожар, – внешнее. Оно неважно. Важно только то, что у тебя в сердце.

Обратно едем молча. У меня ощущение, что мы вернулись на несколько лет назад. За спиной кто-то опасный и злой, и я снова не знаю, кто это. Только тогда я не боялась еще и себя. А сейчас призрак сумасшествия не дает мыслить здраво.

Вокруг творится что-то непонятное. Кто-то снова объявил на меня охоту? Или на Дара? А если предположить, что кровь и свиное сердце – это не я? Тогда получается, Дару подкинули сердце и залили пол кровью, Дара пытались убить на трассе, подожгли дом...

А вот дальше что-то не вяжется. С менталистом надо было поговорить мне. Выходит, кто-то не хочет, чтобы я узнала про себя? Но это бред. Я ничего не понимаю. В прошлый раз все было очевидно с того момента, как кто-то подкинул мне цветок. Я не знала, кто на меня охотится, но хотя бы понимала почему. А сейчас? У происходящего просто нет объяснения.

– Что-то ты притихла... – осторожно замечает Дар.

– Считаешь, поводов нет? – огрызаюсь, срывая нервность на ни в чем не повинном парне. – Дар, это снова из-за меня, да?

– Я не знаю, Каро, – задумчиво отвечает он. – Но ты сама веришь, что все эти эпизоды случайны? И... – Он на миг отвлекается от дороги и смотрит мне в глаза. – Я прожил тут три года, и до твоего появления все было спокойно. Но есть и хорошая новость.

– Какая?

– Это не могла сделать ты. Та кровь у меня дома... она выбивается из общей картины. Может, и там виновата не ты? И не помнишь ничего по одной причине: потому что ты этого не делала.

– Ничего не понимаю.

– И я... – задумчиво произносит Дар и барабанит пальцами по кристаллу управления. – Я тоже не могу понять... Словно кого-то триггернуло, когда мы появились вместе.

– Глупость... – Я мотаю головой. – Мы не вместе.

– Да, но нас пытались убить и столкнуть лбами. При этом до встречи в Монарко мы оба жили спокойно три года.

– Считаешь, это кто-то из нашей прошлой жизни?

Дар неопределенно пожимает плечами, показывая, что ответа на этот вопрос у него нет, но вероятность он не отрицает.

– Но кто?

– Представления не имею... Я свяжусь с Лестратом, – говорит Дар. – И, Каро... приглядишься к своему парню.

– Это глупости!

– Каро... не будь наивной. Я не говорю, что он зло в чистом виде и виноват в покушениях, но он манипулирует тобой.

– Это бред. – Я качаю головой, отменяя беспочвенные обвинения.

– Ему почему-то выгодно, чтобы ты была растеряна и беспомощна. Он словно специально пытается убедить тебя в том, что ты нестабильна.

– Дар, не говори глупости.

– А давай поспорим? – с азартом предлагает он.

– Зачем мне с тобой спорить?

– Каро, сейчас ты вернешься домой, и он снова покажет тебе, какая ты беспомощная. Поверь, вылезет что-то, из-за чего ты опять

будешь чувствовать себя беззащитной и больной на голову. И вот в этот момент прошу: просто вспомни мои слова.

– Но... – Я морщусь. – Зачем?

– Может быть, потому что он знает: ты с ним, пока нуждаешься в заботе. Как только ты станешь прежней собой, сильной и независимой, – уйдешь.

– Я не знаю, зачем ты мне это говоришь.

– Я сам не знаю, – отвечает Дар. – Но, если вдруг ты поймешь, что тебе надо разобраться во всем самой... держи.

Он протягивает мне ключи, и я растерянно смотрю на них. Эта картинка просто не укладывается у меня в голове.

– Это ключи от моего бунгало. Я прожил там три года, потому что считал, что недостоин лучшего. Но... сегодня сорвался, купил магмобиль и понял: под него нужен дом. Я не зову тебя к себе. Понимаю, что не имею на это права. Но тот дом к твоим услугам.

– А хотел бы? – Вопрос вырывается сам собой.

– Что именно?

– Хотел бы позвать к себе? – тихо спрашиваю я.

Дар тормозит у обочины примерно в том же месте, где мы встретились, и откидывается на спинку сиденья. Закидывает руки за голову и закусывает губу.

Его профиль в свете луны... Длинные тени от ресниц на щеках... Прямой нос, упрямо вздернутый подбородок и выступающий кадык на красивой сильной шее...

Какого ответа я жду и зачем? Дар – мое наваждение, боль и болезненная зависимость. Сейчас я в завязке, но сорваться очень просто. А я не хочу срываться. Не хочу снова рыдать в подушку и думать, зачем я живу.

– Ты ведь знаешь, Каро, если бы я хотел, я бы позвал, – отрезает он, и сердце падает в желудок. Неприятно, но жизненно. – Слишком много всего случилось. Прошное вернуть нельзя, но ты мне дорога, и я всегда к твоим услугам. Если тебе понадобится мой дом... старый или тот, который я снял... вот он. – Дар кивает на ближайший двухэтажный особняк с окнами на набережную. Мы почти соседи, нас разделяет несколько домов. – Я всегда к твоим услугам. Может, все это лишь череда неприятных случайностей и до твоего отъезда больше

ничего не случится, но я в это не верю. А если так... то мы увидимся.
И кто знает... Возможно, я приглашу тебя к себе.

— Только вот я не пойду. Ты прав, прошлое вернуть нельзя.

— Наверное... — отвечает он, но почему-то звучит это как «мы посмотрим».

Глава 9

Дар

Хочется курить, но я давно бросил все дурные привычки. Мои друзья теперь ЗОЖ и свежий морской воздух, но сейчас хочется чего-то нездорового. Смотрю, как Каро удаляется по темной улице. Подол яркого платья взлетает вокруг длинных загорелых ног, а я не могу перестать смотреть. Это так красиво, что сводит все тело. И да, хочется курить, а в ушах шумит.

Никакую другую я не отпустил бы одну, но ее... Ее даже не предложил проводить. Это прозвучало бы как оскорбление. А потом... Там, куда идет Каро, ее ждет другой.

Красное платье исчезает за поворотом, звякает металлическая калитка. Значит, Каро точно в безопасности.

Выдыхаю. Мне хочется верить, что она осознает ситуацию и уйдет от своего парня хотя бы для того, чтобы разобраться в себе. Меня корежит, когда я представляю ее с другим. Но сейчас это вроде как не мое дело, а давить на Каро я не хочу. Да и не имею права.

К моему дому ведут автоматические ворота. Они открываются в ответ на легкий магический импульс, и я заезжаю внутрь.

Сейчас уже темно, поэтому даже не пытаюсь разглядеть свой новый двор. Главное, что этот двор имеется, как и место под магмобиль.

Риелтор что-то говорил про бассейн и собственный пляж, но мне как-то все равно. Чего-чего, а воды в Монарко предостаточно. Но все равно приятно.

Захожу внутрь двухэтажного дома. Свет загорается сам. Тут все стерильно и дорого. Я отвык от такой жизни, но это неважно. К хорошему привыкаешь быстро. Светлый ковер на полу, панорамное окно, за которым сейчас чернота, но я уверен: днем там бушует море. Бежевый диван, журнальный столик, кухонная зона и лестница, ведущая на второй этаж, к спальням.

Тут даже бар есть. Долго смотрю на батарею бутылок и почти решаюсь налить себе – но нет, мне нужна трезвая голова.

Я не понимаю, что творится вокруг, и это сильно напрягает. Особенно напрягает то, что я упускаю какую-то деталь, которая может все объяснить. Кажется, я почти догадался, кто может стоять за этим. Тот гонщик на осе... Я словно нырнул в прошлое. Только вот этого просто не может быть.

И прояснить ситуацию способен только один человек.

Правда, чтобы не показаться идиотом, я пробую связаться с совершенно другим. Плюс Лестрат, пожалуй, единственный, кто в это время не спит и может как-то поддержать разговор.

Но сегодня мне не везет. Некромант не спешит отвечать, а когда я все же вижу повисшее в воздухе изображение, то понимаю: даже Лестрат иногда спит. И вот сейчас именно то «иногда» и случилось. Выглядит некромант встрепанным и помятым.

– Ты издеваешься? – спрашивает он, даже не пытаясь спрятать зевок. – На часы смотрел?

– Прости... – почти искренне извиняюсь я. – Но у меня тут такое дело...

– Какое дело, Дар? – огрызается Лестрат, натягивая сползающее с плеча одеяло. – В твоей гостиной снова зарезали свинью?

– Нет, но у меня вопрос по твоему профилю. Скажи, а что, если ты своими глазами видел, что человек погиб, но...

– Что «но»? Ты можешь не говорить загадками?

– Мне кажется, что Кит жив. И он пытается меня убить. Я схожу с ума?

– Ты серьезно, Дар? – спрашивает Лестрат.

Я не слышу в его голосе насмешки, поэтому, выдохнув, признаюсь:

– Более чем. Ты знаешь, как такое может быть?

Лестрат задумчиво молчит, а потом осторожно произносит, снова подтянув на плечах одеяло:

– Ну, тут мы точно не имеем дело с разными вариантами восставших. Слишком много времени прошло. Да и на поведение зомби не похоже. Восставшие могут быть агрессивны, могут пытаться убить, но у них одни инстинкты. Нет памяти, интеллекта... И они не способны вынашивать планы несколько лет. Они себя-то несколько

лет вынашивать не способны – гниют и разваливаются. Штатные некроманты таких шатунов вычисляют моментально. Так что это не наш вариант. А Кит точно умер? Его хоронили в закрытом гробу. Я был на похоронах.

– Это и неудивительно, мой брат сгорел. Никто не рискнул бы открыть гроб. Я не некромант и не чувствую, как сила выходит из умершего тела, поэтому мне сложно сказать на сто процентов. Но Лестрат... Я был там, и он был мертв. От него просто мало что осталось. Выжить нереально.

– Тогда остается только одно... точнее, два. Первое – тебе приглючилось. Такое бывает, и это более вероятно. Ну, или... ты что-нибудь слышал про фениксов?

Киваю. Слышал. Мне нужно было, чтобы кто-то озвучил мне эту мысль. Слишком уж она бредовая и неправдоподобная.

– В нашей семье давно живет легенда о фениксах – магах, которые могут возродиться, если кто-то из близких жертвует ради них своей жизнью. Но это легенда. Когда я был маленьким, то часто спрашивал бабушку, почему, если у нас в роду есть фениксы, мы не можем возродить родителей. Я готов был отдать свою жизнь взамен. Понятно, что бабушка мне ничего тогда не сказала. Потому что это просто легенда.

– Не совсем. – Лестрат качает головой. – Какая сила была у твоих родителей?

– Ну, мама – менталист с очень специфическим даром, а отец – стихийник. Ледяной.

– Фениксы – всегда маги огня. И возродить феникса можно... – Лестрат морщится, с трудом подбирая формулировку. – Точнее, создать феникса можно лишь в том случае, если маг огня выгорел. Сложная система. Выгорая, маг огня лишается своей силы. Но пламя не исчезает бесследно. Если кто-то близкий отдаст свою жизнь, феникс может возродиться. Как только феникс перерождается, отдавший за него жизнь умирает естественной смертью.

– Бабушка... – бормочу я. – Тогда ее смерть показалась мне странной. Как бы она ни убивалась по Китаю... она была здорова. Ее смерть была странной. Но я не смог приехать и убедиться лично, а предпосылок подозревать кого-то в ее смерти не было. Получается, именно тогда Кит переродился?

– Возможно.

– Но почему никто не сказал мне?

– Негласное правило. – Лестрат снова пожимает плечами. – Феникс – новое существо. Он сам решает, умер для своих близких или нет. Видимо, Кит решил, что умер.

– Тогда... Думаешь, что это он охотится за мной и Каро? Но... почему он решил заявить о себе спустя целых три года?

– Это ты думаешь. А я в Горскейре. И единственное, чем могу тебе помочь, – попробовать запросить эксгумацию тела. Все. Честно сказать? Мне кажется, тебе померещилось.

– Есть способ узнать проще, – задумчиво говорю я, все еще пытаюсь переварить услышанное.

Кит жив и ненавидит меня так сильно, что пытается убить? Все во мне отказывается верить в это. Слишком неправдоподобно звучит. Но манера езды... Очень уж по-китовски он меня подрезал. А пожар? Феникс вполне мог устроить подобное.

Каро

Во дворе дома темно, горит лишь одинокий фонарь у входа. В холле тоже. На миг мелькает мысль, что Эндж не дождался меня и лег спать. Или на красном магмобиле и правда был он? Возможно, решил просто уйти? Я бы ушла. Хотя это совершенно не в стиле Энджела.

Я убеждаюсь в своей правоте чуть позже. Энджел на террасе, я вижу отсюда свет.

– Вы быстро нагулялись... – говорит он, когда я скидываю туфли и прохожу через гостиную на открытую террасу, полной грудью вдыхая морской бриз.

– Не так уж и долго... – Я пожимаю плечами и останавливаюсь рядом.

В руках Энджела – бокал с виски. Он пьет маленькими глотками, без закуски. Огненные волосы растрепаны. На нем растянутая домашняя майка с широким горлом и спортивные штаны. Он уютный, родной, и с ним спокойно, но я не могу избавиться от какого-то червячка сомнения, который завелся во мне после общения с Даром.

Невольно пытаюсь разгадать Энджела. Воспринимаю его не как любимого парня, а как головоломку. Ненавижу себя за это, но ничего не могу поделать. Испытываю.

— А ты чем занимался? — спрашиваю я, пытаюсь поймать его взгляд.

Не получается.

— Да так... — Энджел задумчиво смотрит в темноту и пожимает плечами. — Ничем.

— Да-а?.. — тяну я, чувствуя, что не могу остановиться, а главное, не хочу. Покой почему-то перестал быть в кайф. — А мне кажется, ты следил за мной.

— А была необходимость? — спрашивает он спокойно, заставляя меня закипать внутри. Тут еще вопрос, кто кого испытывает.

— Это ты мне скажи.

— Ты врала мне, Каро, — отстраненно замечает Энджел. — Это больно. Встречалась со своим бывшим за моей спиной. Я ревную. Мне кажется, это совершенно нормальная реакция.

— Зря... — вру я и снова чувствую себя нехорошо.

— Я следил за тобой. Увидел с ним и уехал.

— Я хотела проконсультроваться с менталистом, — признаюсь я и, как губка, впитываю эмоции Энджела, но он спокоен. Ни раздражения, ни злости.

— И как? Посоветовалась? Думаешь, другой менталист скажет что-то иное, Каро? Не будь наивной. В твоей жизни было слишком много говна. Такое редко проходит бесследно.

— Никак не посоветовалась. Кто-то специально к нашему приезду сжег ее дом, Эндж.

— Печально, но все к лучшему. Пошли спать. Сегодня был тяжелый день, и я не хочу ругаться. Но мне неприятно, что ты мне не доверяешь. И неприятно видеть тебя с другим.

— Ты был против поездки к менталисту, — напоминаю я. — А я тоже не хотела ругаться. Дар просто должен был меня ей представить.

— Это повод меня обманывать?

— Нет, конечно, — сдаюсь я и подхожу ближе.

Энджел притягивает меня к себе:

— Пошли, тебе нужно выпить лекарство.

— Не уверена, что хочу, — упираюсь я.

Он вздыхает:

– Зачем ты упрямишься?

– Потому что хочу сохранять трезвую голову. На меня снова кто-то охотится.

– Каро... – Парень берет меня за плечи и разворачивает лицом к себе. – Это глупости. Мы уже проходили подобное. Тебе просто снова нужна поддерживающая терапия. Я тебе помогу. Правда.

– Давай сегодня без таблеток, – настаиваю я.

– Ну хорошо. Я слежу за тобой, – соглашается Энджел.

Я удовлетворенно киваю. Интересно, как пройдет сегодняшняя ночь? И если беспокойно, какой выбор я сделаю?

Я сама не знаю, чего хочу добиться отказом от лекарства. Надеюсь, что поступаю правильно и не буду потом об этом жалеть.

* * *

Просыпаюсь от тихого стука за окном. Словно ветка бьется о стекло во время осеннего дождя в Горскере. Только вот за окном тихая лунная ночь Монархо. Максимум, что можно тут услышать – это шум прибоя. Но скребущийся звук – то ли стук, то ли еще что-то – повторяется. По спине пробегают мурашки – холодные, неприятные.

Эндж рядом крепко спит. Осторожно поднимаюсь и, стараясь ступать неслышно, иду к окну. Там темнота, лунная дорожка на морской глади вдалеке – и ничего больше. Но только собираюсь отступить, как окно застилает тень. Она похожа на склонившегося к окну человека с очень длинными когтями.

От неожиданности шарахаюсь назад, с трудом сдерживая крик. Орать в момент опасности – не лучшее решение.

Совсем бесшумно отступить не получается. Я задеваю стул, и он с грохотом летит на пол. Эндж подскакивает и оказывается рядом со мной буквально за секунду.

– Каро!

Сильные руки обхватывают за плечи и притягивают к себе.

– Что случилось?

– Та-ам... – Дрожащей рукой указываю на окно. – Там кто-то есть.

Эндж обеспокоенно и устало смотрит на меня, и на миг мне снова становится неловко. Зря не выпила таблетки, разбудила, снова заставила переживать... Но потом я вспоминаю, почему отказалась от лекарства, и перестаю себя корить.

— Каро, возможно, тебе пока... — начинает Эндж, а меня уже трясет от злости.

Впрочем, он очень хорошо меня чувствует и потому не заканчивает фразу. Выдыхает и говорит:

— Хорошо, пойдем посмотрим поближе. Вдруг там и правда кто-то есть.

За окном, естественно, никого. Тихая ночь, умиротворение и морской бриз, который проникает в комнату, когда Энджел открывает окно и высовывается в него по пояс. На спине напрягаются рельефные мышцы, но сейчас мне все равно, как выглядит его спина. Я подозреваю Энджела во вранье. За окном правда кто-то был, и это не мой глюк.

— Каро, если там кто и был, его уже нет. Но ты ведь знаешь, что вилла защищена? Может быть, птица или лист?

— Это не птица и не лист! — раздраженно огрызаюсь я, чувствуя себя больной истеричкой.

— Хорошо, Каро, — говорит Энджел, сжимая меня в объятиях и укачивая, словно ребенка.

Будто я и правда сумасшедшая. Но ведь это не так? Не так ведь?

— Пошли спать?

— Пойдем, — соглашаюсь я, испытывая угрызения совести, смешанные с раздражением. Я правда не знаю. Я схожу с ума? Меня кто-то намеренно сводит с ума, и не исключено, что этот кто-то — сам Энджел? На меня охотятся? Не понимаю, и от этого страшно. Но сейчас я окончательно убеждаюсь в том, что Дар прав. Мне нужно разобраться в этом самой.

— Каро... — зовет Эндж.

— М-м-м... — отрываюсь я с подушки, закрыв глаза.

— Выпей все же таблетку...

Думаю секунду и киваю:

— Давай.

В темноте беру из его рук таблетку, делаю глоток воды побольше и аккуратно прячу то, что не проглотила, под подушку. Так лучше.

Исключительно для чистоты эксперимента.

Остаток ночи проходит без приключений. Довольный Энджел будит меня поцелуем в щеку и словами:

– Ну видишь, если ты не забываешь лекарства, нет никаких монстров.

Сдержанно киваю и понимаю: следующей ночью я буду спать одна и в другом месте.

* * *

Рвать по живому тяжело, и утром я чувствую себя маленькой девочкой, которой предстоит совершить важный шаг. Глупой, наивной и зависимой. Я словно пытаюсь отпроситься у родителей на ночевку к подруге и не могу решиться, потому что знаю: даже если они и отпустят, останутся недовольны.

Очень непривычное ощущение. Я никогда ни у кого не отпрашивалась. Не те у нас были отношения с матерью. А шэх... У него существовали правила, которые никто и не думал нарушать. То же, что не выходило за их границы, не возбранялось.

Встаю и, пока Энджел в душе, неторопливо варю себе кофе на медленном огне. Можно было бы сделать в кофемашине, но почему-то сейчас мне необходим вот этот неторопливый процесс, чтобы настроиться на неприятный разговор.

Есть не хочется, и я выхожу на веранду только с чашкой крепкого, горячего напитка.

Нет. У меня отсутствуют сомнения, я точно знаю, что не отступлю. Тяжелое детство и много лет в спорте научили меня, что нельзя отказываться от решений только потому, что страшно. Выходить на татами, где тебе непременно сделают больно, тоже, как правило, не хочется и страшно. Это нормальная защитная реакция организма на то, что ему неприятно.

Энджел подходит неслышно, когда я задумчиво изучаю волны. С нашей виллы открывается невероятный вид на море. Его мне будет не хватать. Парень обнимает меня за талию и притягивает к себе, нежно целуя в шею.

– Ты невероятно пахнешь, – сонно шепчет он, а у меня все сжимается в груди.

Я не хочу делать ему больно. Мы так много времени провели вместе, и в его уютных объятиях мое поспешно принятое решение кажется неправильным. Ну почему я вдруг решила, что одна справлюсь лучше, чем с ним? Это ведь глупости.

– Мне нужно уйти, – говорю я, пока окончательно не растаяла.

– Куда? – Энджел отстраняется. – Подожди, я оденусь, и сходим вместе. Заодно где-нибудь позавтракаем.

– Ты меня не понял, – качаю головой. – Происходит что-то странное. Я должна в этом разобраться, и мне придется это сделать самой.

– В смысле? – Он хмурится. – Каро, что ты такое говоришь? Зачем тебе с чем-то разбираться самой, если у тебя есть я?

– Я хочу пожить одна.

– Каро, это бред. Где ты собираешься жить одна? И, самое главное, зачем?

– Я же сказала: мне нужно разобраться в себе. И мне есть где жить.

– Ты уходишь к нему? – Лицо Энджа мрачнеет, и меня накрывают угрызения совести.

– Нет, не к Дару. И он тут ни при чем. Эндж, мне правда нужно немного побыть одной. Не удерживай меня, пожалуйста, мне и так нелегко.

– Мне сложно не удерживать любимую девушку, которая меня бросает. Мне хочется знать – почему? Почему мы вместе не можем справиться с твоими проблемами? Как справлялись всегда.

– Потому что я разучилась действовать самостоятельно, и мне это совершенно не нравится. Прости, Эндж, но я все решила, правда.

Он потерянно отступает, а у меня разрывается сердце.

– Мне просто нужно разобраться в себе.

Энджел делает шаг мне навстречу и нежно проводит ладонью по щеке.

– Я не могу удерживать тебя, Каро. Это никому не под силу. Просто прошу: будь осторожна. И возвращайся ко мне. Ты ведь знаешь, я тебя люблю.

– Знаю. – Я киваю, с трудом сдерживая слезы.

– Давай я сниму тебе виллу? Или оставайся здесь, я найду себе жилье...

– Нет, Эндж. У меня действительно есть где жить, и жить я буду одна. Не волнуйся.

* * *

У меня в руках стаканчик кофе, купленный неподалеку, и небольшая сумка, в которую влезла пара платьев и купальник. Я медленно бреду по набережной навстречу солнышку, шурюсь и чувствую умиротворение. Первая боль прошла, и наступило удовлетворение от правильно принятого решения.

И в данный момент я не представляю, что буду делать дальше. Как определить, схожу я с ума или нет? Кто за мной охотится, если мне не показалось? Но, по крайней мере, я перестану маниакально подозревать Энджела.

И это все Дар! Он зародил тень сомнений...

Умиротворение дает трещину. Тяжелые мысли пробираются под кожу.

Я никогда не подозревала самого Дара – как-то вышло, что он стал пострадавшей стороной. Но расстались мы на нехорошей ноте. А что, если за всем стоял он?

От этой мысли становится тошно. Не хочу в это верить, но Дар давно на острове, у него тут явно куча знакомых. Он мог организовать подставу на дороге. А пожар? Зачем организовывать пожар у менталистки? Не сходится. Да и с дорогой непонятно. Зачем Дару два раза подставляться?

Ответа нет. Голова скоро взорвется, хотя еще пять минут назад я была если не счастлива, то хотя бы спокойна. Сейчас же бесцельно бреду по набережной, потому что не могу решиться отправиться в единственное место, где могу остаться ночевать. В бывший дом Дара.

Сначала сижу на пирсе, поставив рядом сумку и опустив ноги в воду. Пью кофе и размышляю. Сопоставляю факты, но не могу понять, кто из двух парней пытается свести меня с ума. У Дара есть повод, у Энджела – возможность. Но зачем?

Устав от бессмысленных терзаний, все же отправляюсь по указанному адресу.

Дом Дара притаился между двух больших вилл в тени сада, его даже не сразу получается заметить. Низкий заборчик, много зелени и потрепанный гамак между двумя пальмами на берегу.

Здесь действительно мало места. Кровать у окна с видом на море, комод, душ и небольшая кухня на открытой веранде. Тут мало места даже для меня, а я не привыкла к излишествам. Они появились только тогда, когда в мою жизнь вошел Энджел. Как здесь несколько лет выживал Дар, непонятно.

Кидаю сумку и присаживаюсь на кровать. Странное ощущение. Я совершенно отвыкла жить одна, и сейчас, когда я ушла от Энджела, чтобы разобраться в ситуации, не знаю, с чего начать.

Еще раз обвожу взглядом свое временное жилище. Нахожу на небольшой книжной полке книгу – что-то об истории острова, – надеваю купальник и выхожу к морю, в гамак. Я уверена: если кто-то снова объявил на меня охоту, он сам даст о себе знать.

– Я знал, что ты придешь... – Задремав в гамаке, не слышала, как ко мне подошел Дар.

Снимаю с лица открытую книгу, которую так и не начала читать, а использовала исключительно как зонтик от солнца, и смотрю на парня.

– А я рассчитывала, что, раз уж ты пустил меня сюда, не станешь нарушать мое личное пространство. Я ведь ушла не от Энджела, а чтобы разобраться в себе.

– Мне нужно с тобой поговорить. Кажется, я знаю, кто может за всем этим стоять. Но, боюсь, версия покажется тебе нереальной.

Приподнимаюсь в гамаке и спускаю ноги, касаясь босыми ступнями белоснежного и совсем негорячего песка. Напряженное выражение лица Дара заставляет нервничать. Выгоревшая светлая челка падает ему на глаза, и он раздраженно откидывает ее в сторону.

– Рассказывай...

Дар сидит прямо на песке, прислонившись спиной к шершавому и колючему стволу пальмы. Ему вообще удобно?

– Я даже не знаю, с чего начать, – признается он. Глаза закрыты, поза кажется расслабленной, но, если приглядеться, видно, насколько

напряжены его мышцы. – Эта версия... она настолько бредовая... Трудно поверить в ее правдивость.

Он долго рассказывает свои умозаключения. С паузами, тщательно подбирая слова. Я слушаю, и многое становится на свои места. Дар прав, звучит, как бред сумасшедшего. Слабо верится, что Киту и правда удалось выжить (точнее, воскреснуть), но Дар весьма убедителен.

– В этой версии не сходится только одно, – говорю я, задумчиво потерев губу. – Почему сейчас?

– Кит всегда был терпелив. – Дар пожимает плечами. – Если это он, он выжидал. Ему нужно было, чтобы мы с тобой оказались в одном месте. Других идей у меня нет.

– Не понимаю...

– Это просто предположение. Верное ли оно? Не знаю. Но оно многое объясняет.

– Думаешь, Кит мог стать настолько жестоким и безбашенным?

– Травмы делают нас более озлобленными и стойкими. Кит погиб из-за нас. Если предположить, что бабушка все же провела ритуал возрождения феникса, то она пожертвовала своей жизнью. То есть и она, по сути, погибла из-за нас. Я был несдержан и хотел получить все и сейчас. А ты была причиной, по которой я не желал оставаться слабым. Мы думали о себе, а Кит был влюблен в тебя и слепо следовал за мной. После ритуала года полтора он должен был провести в аду. Представляешь, каково это – когда на обожженное тело заново нарастает мясо? Я – нет. И не хочу. А Кит прошел через это. У него было много времени, чтобы возненавидеть нас.

– Ты точно уверен, что он выжил?

– Я связывался с мирс Валери.

– Она подтвердила?

– Она никогда не скажет прямо, но она и не отрицала, а это уже многое. Феникс всегда сам решает, кому открыть тайну возрождения или не открывать ее вовсе. То, что Кит не нашел меня...

– Может говорить о том, что версия с фениксом красивая, но неправдоподобная, – отрезаю я.

От рассказа Дара – мурашки по спине. Мне непросто это переварить, а каково ему? Они же с Китом были очень близки. Смерть брата заставила Дара отказаться от привычной жизни, от любви

и попыток стать счастливым. А если предположить, что Кит все же выжил и пришел мстить... Это очень больно. Даже мне.

– Может... Но думаю, если бы я ошибался, мирс Валери мне бы об этом сказала. А она промолчала.

– И что ты будешь делать?

– Не знаю... – Дар пожимает плечами. – Я не представляю, где его искать. Не представляю, на кого он может быть похож. Зато я очень хорошо знаю его самого. Думаю, если он окажется рядом со мной, узнаю очень быстро. Ну, если он оставит меня в живых.

– Если бы он хотел убить, уже убил бы. Разве не так? – спрашиваю я.

– Дело в том, что я представления не имею, что у него в голове. Кит ли это вообще и чего он хочет добиться?

– Справедливости, наверное... – мрачно подвожу итог я.

– Еще бы понимать, что он подразумевает под справедливостью.

– Нам должно быть так же больно, как было ему... – дрогнувшим голосом говорю я. – Страх. Боль. Безысходность и одиночество... Он ведь испытывал именно это?

Мы с Даром потрясенно переглядываемся, и по спине пробегают мурашки от неприятных предположений.

– Не могу в это поверить... – Я наконец отмираю и трясую головой. – Мне просто нужно это переварить.

Оставляю книгу на берегу возле гамака, а сама бегу в сторону моря. Вода теплая, как парное молоко. В такой голову остудить не получится. Но я все же надеюсь, что заплыв навстречу волнам заставит меня прийти в себя и осознать сказанное Даром.

Дар устремляется за мной, и на подходе к кромке воды обгоняет, на ходу стаскивая через голову рубашку. Ныряет в набежавшую волну в легких шортах до колена.

Позер. Но красивый, зараза! До сих пор сердце екает при виде его обнаженного тела. А ведь я верила, что переболела.

Парень скрывается под водой практически без брызг. Мелькает сильная загорелая спина. Рельефные руки рассекают волны, а я думаю, что купаться с ним – не лучшая затея. Но я решила искупаться первая и не готова уступать нахалу воду, поэтому ныряю за парнем.

И все же вода сегодня чуть прохладнее, чем была вчера. Или солнце жарит сильнее. В любом случае она освежает. Я плыву

навстречу горизонту. Поднимаюсь на волнах и вместе с ними спускаюсь с гребня. Море сегодня беспокойное, но я без труда с ним справляюсь. Мне в кайф.

В Монарко невозможно утонуть в прямом смысле этого слова. Можно наглотаться воды, испугаться, но пойти ко дну – нет. Вода слишком соленая и плотная, она тебя словно выталкивает. Поэтому, например, нырять без дополнительного груза очень сложно.

Плаваю с удовольствием. Даже не пытаюсь догнать Дара, чью светловолосую макушку вижу впереди. Что-то нет настроения на соревнования. Наверное, я уже получила все спортивные победы. Дух соперничества перестал заводить. Сейчас мне хочется просто наслаждаться жизнью. К сожалению, для меня это недоступная роскошь. Снова появился тот, кто считает, что я недостойна ни жизни, ни счастья.

Вылезаю на берег спустя полчаса, ощущая приятную усталость во всем теле. Меня догоняет Дар. Красивый, с капельками воды на бронзовом теле и шальной улыбкой, которая нечасто появляется у него на губах.

– Знаешь, – говорит он, жадно меня разглядывая. – Ты стала еще красивее. Или просто тебе к лицу мокрый купальник.

– Не начинай... – отмахиваюсь я, стараясь не показать, как меня трогают его слова.

– Почему? – хрипло спрашивает он и приближается, опасно сокращая между нами расстояние.

– Потому что один раз ты уже обвинил меня в гибели в брата. В том, что я лезу не в свое дело. Я перешагнула все это и начала жить. Не хочу снова сваливаться в бездну, которой были наши отношения.

– Я был идиотом. И, похоже, вся моя жертвенность была не нужна никому, кроме меня. Но она не сделала меня счастливым и даже не позволила обрести искупление или покой. Если бы я мог вернуться на три года назад, то поступил бы иначе.

– Но ты не можешь. – Я качаю головой и отступаю.

Дар, на котором лишь прилипшие к сильным бедрам светлые шорты – для меня слишком. Он будоражит и заставляет терять голову. С ним я снова хожу по лезвию ножа. Мимолетная слабость с моей стороны – и жизнь снова превратится в хаос. Отношения с Энджелом,

которые и так дали из-за Дара трещину, – единственное стабильное, что у меня есть.

– Не могу. Но вдруг у нас еще есть шанс? – хрипло, с надеждой спрашивает Дар.

А у меня сжимается сердце. Вот зачем он так со мной?

– Я не хочу этого, Дар. Я переживу эти несколько дней и вернусь в Горскейр. Возможно, в Монарко останется не только море, солнце и ты, но и неприятности. Возможно, Кит – если нам вредит он – просто не хочет, чтобы мы были вместе. Ведь до моего приезда сюда мы с тобой жили спокойно. Нужно просто вернуть все на свои места.

С этими словами я разворачиваюсь и иду в сторону виллы.

– А если ты уедешь, я тут не останусь. Я не считаю, что эти три года мы были на своих местах. Я больше так не хочу! – кричит Дар. – Кит – феникс, в этом я уверен на сто процентов. Он не искал меня эти годы. Даже если за неприятностями стоит не он... В любом случае он жив и не искал меня. Наверное, настало время прервать затворничество.

– Зачем?

– Потому что я намерен снова завоевать тебя.

Качаю головой. Не хочу. Но вот смогу ли отказаться? Это большой вопрос.

– Дар, не нужно идти за мной, – мрачно говорю я и ускоряю шаг.

– Я не за тобой, – отвечает он. – В доме все мои вещи, и есть парочка таких, которые дороги моему сердцу. В том числе я пришел и за ними. Я далек от мысли, что ты сразу же кинешься мне в объятия. Не переживай, я знаю, что ты колючка. В этом плане не изменилось ровным счетом ничего.

Не отвечаю, упрямо продолжая идти между низких благоухающих кустов с яркими цветами. А перед входом в бунгало замираю. Потому что на ступенях стоит красивый, искусно сделанный кукольный домик, отдаленно напоминающий виллу, которую мы с Энджелом снимаем. На террасе кукольного домика замерла, опираясь руками на перила, ярко-рыжая кукла в льняных брюках и распахнутой рубашке. Таковую же мы перед поездкой купили Энджу.

– Это еще что за фигня? – произносит Дар у меня за спиной.

– Представления не имею... – потрясенно отзываюсь я.

Мы стоим и настороженно смотрим на кукольный домик, который занимает почти все крыльцо и перегораживает проход.

– Может быть, кто-то ошибся и притащил тебе подарок, предназначенный какому-нибудь ребенку?

– Нет. – Я с ненавистью смотрю перед собой, запоминая мельчайшие детали красивой и дорогой игрушки. – Вряд ли кто-то заказал куклу, как две капли воды похожую на моего парня.

– Тогда... у меня нет объяснений. Это он так показывает, что ты ушла? Типа парень стоит один, а должен был стоять с тобой. Ну так... в качестве дикой идеи.

– Представления не имею! Ненавижу, когда меня пугают! – наконец отмираю я и делаю решительный шаг в сторону кукольного домика. Выкину его к демонам и забуду, как страшный сон.

Дар перехватывает меня за талию в последний момент. Не знаю, как он вообще успевает среагировать, потому что я вообще не подозреваю ничего плохого.

Парень дергает меня на себя, а кукольный домик с оглушающим хлопком вспыхивает. Мы падаем навзничь. Я приземляюсь на Дара, и он шипит, потому что проехался спиной по вымощенной камнем тропинке. Зато и пламя нас не задело. Чудом, имя которому – Дар.

Пылает терраса, пылает фигурка Энджела на ней. Огонь ненормальный, магический, он не поддается физическим законам и распространяется с сумасшедшей скоростью.

Я перекатываюсь с Дара в сторону, и мы одновременно вскакиваем. Крыльцо пылает, огонь не щадит деревянное жилье Дара. Пятимся от разгорающегося пожара. Я не могу оторвать взгляд от маленькой кукольной фигурки, объятый пламенем. Становится настолько мучительно на душе, что к горлу подкатывает ком.

– Эндж... – сглотнув, шепчу я.

Картинка слишком реалистичная. А что, если это предупреждение? И это предположение по-настоящему пугает.

Огибаю Дара и бросаюсь на улицу.

– Каро, ты куда? – окликает он, повернувшись. За его спиной бушует пламя, к пожару уже начинают сбегаться люди.

Торможу и уточняю:

– Ты на магмобиле или осе?

– Нет. – Он качает головой.

– Тогда прости, мне некогда.

– Ты не хочешь дожидаться пожарных? – с обидой уточняет Дар.

Словно это я подожгла его дом и потом решила смотаться. Но это ведь не так!

– Нет. Боюсь, что это... – киваю в сторону пылающего кукольного домика и разгорающегося дома Дара, – предупреждение. Кукла... Она символ. Опасность угрожает не нам.

– Думаешь, под прицелом феникса твой парень?

Сосредоточенно киваю. Дар ругается сквозь сжатые зубы, но устремляется за мной, параллельно пытаюсь связаться с кем-то по магфону. Неужели из-за нас с Даром опасность грозит и Энджелу? Если с ним что-то случится, я никогда себе этого не прощу.

Мы бежим так, словно сами устроили это дурацкий пожар. Наверное, Дару стоило бы остаться тут и реально дожидаться момента, как дом потушат. Все же бунгало принадлежит ему. Но сил и желания спорить нет. Я сосредоточена совсем на другом.

То, что догадки имели под собой основания, понимаю достаточно быстро, когда впереди в небе появляется черный столб дыма. Заметив его, всхлипываю и ускоряюсь, игнорируя боль в подреберье и сбивающееся дыхание.

Когда мы подбегаем, вилла полыхает вовсю. И это по-настоящему страшно. Основной огонь сосредоточен на террасе. У входа пока только дым, и я, не задумываясь, кидаюсь к двери. Сердце безумно колотится. Я панически боюсь не успеть! Не прощу себе, если Энджел из-за меня погибнет.

– Каро! Ты с ума сошла? – вопит Дар мне в спину, но удержать не пытается.

Это правильное решение. Сейчас мне лучше не препятствовать. Это не та ситуация, в которой можно выбирать и медлить.

– Там Энджел! – коротко отрезаю я, даже не пытаюсь притормозить. Понимаю, что счет идет на секунды.

– Ты этого не знаешь. Не суйся туда! Это опасно! Каро! – пытается вразумить меня Дар, но сам при этом не отстает ни на шаг.

Но я, естественно, не слушаю. Я твердо уверена: Энджел внутри. Кто бы ни прислал мне горящий кукольный домик, он продумал все до мелочей. Фигурка парня на горящей террасе появилась не просто так. Это четкое указание, что именно произойдет. Только вопрос,

предусмотрел ли наш преследователь возможность спасения для Энджела?

Это просто – на порыве влететь в горящий дом, внутри которого находится близкий тебе человек. Но, оказавшись внутри, я тут же торможу, потому что все затянуто плотной пеленой дыма, в которой невозможно дышать. Жар опаляет, хотя пламя тут полыхает лишь отдельными очагами. Словно подожгли в нескольких местах.

– Эндж! – ору я и тут же захожусь в кашле. – Энджел!

Дышать невозможно.

Ко мне подбегает ругающийся Дар.

– Где он может быть?! – на выдохе интересуется парень, понимая, что бесполезно уговаривать меня уйти. И снова заходится кашлем.

– Не знаю. – Я проношусь через холл, прикрывая нос схваченным на кухне полотенцем. Молюсь, чтобы парень оказался не на террасе, потому что туда уже не пробиться – всюду полыхает пламя. Да и тут огонь подступает все ближе.

– Каро! Нам надо уходить, – одергивает меня Дар. – Еще немного, и мы останемся тут. И его не спасем, и сами не выберемся.

– Нет! – отчаянно мотаю головой. – Я не могу уйти без Энджа. Можешь идти один.

– Ты знаешь, я не уйду без тебя, – огрызается парень и бросается в следующую комнату. Вокруг пламя, и я впервые вижу всю мощь ледяной магии Дара. Он словно покрывается ледяной коркой. Иней бежит по стенам, и на секунду кажется, что даже дышать стало проще.

Бросаюсь следом по ледяному коридору и вижу Энджела на полу в задымленном помещении. Он не подает признаков жизни.

– Давай быстрее! – командую Дару.

Мы подхватываем парня под руки и начинаем тащить к выходу. Я понимаю, что Дар был прав, когда перед нами падает пылающая балка. В падении она покрывается инеем, жар стихает, а гарь становится не такой плотной. Только благодаря этому нам удастся выбраться из пылающего дома. Перед глазами темные круги, а Энджел кажется неживым.

Меня ведет. Голова кружится, и мы падаем на лужайку перед домом. Маги-водники, приехавшие тушить пожар, пробираются ближе, а я пытаюсь нащупать на шее Энджела пульсирующую жилку – и не могу. От осознания, что я могла опоздать, меня накрывает паника.

Раз за разом я дрожащими пальцами пытаюсь нащупать пульс, не замечая, что руки мокры от слез, которые текут по щекам и которые я инстинктивно вытираю.

Пальцы скользят по темной от копоти шее Энджела, пока меня не оттаскивают целители. Я по-прежнему не понимаю, жив ли он. Пытаюсь спросить, но сама отрубаясь.

* * *

– Неужели жив? – слышу краем уха и открываю глаза.

Видимо, я отрубилась совсем ненадолго. Рядом со мной сидит Дар и поддерживает под голову. Перед глазами еще плывет картинка, но я успеваю поймать в глазах Дара страх. За меня.

От этого сжимается сердце, но я не могу позволить себе углубиться в эти эмоции. Не тогда, когда Энджел так сильно пострадал.

– Ты как?.. – начинает он, но я волнуюсь за Энджела.

Выворачиваюсь из рук Дара, встаю и, пошатываясь, направляюсь к целителям, которые осматривают Энджа в магмобиле. Из-за спин плохо вижу самого парня, который лежит на носилках.

– С ним все в порядке? – встревоженно спрашиваю я, старательно пытаюсь разглядеть хоть что-то.

Голова кружится, а руки дрожат от слабости или от волнения. Не могу понять, но давно я не чувствовала себя так отвратительно.

– Все нормально... – тихо отзывается Энджел, приподнимаясь на локтях и покашливая. – Что случилось?

– Я... я... – Слезы душат, и я начинаю позорно рыдать. Наверное, все же от облегчения.

– Эта девушка и парень спасли вас, – поясняет женщина-целитель, обращаясь к Энджелу. – Они забежали в горящий дом. Вы бы погибли, если бы они не явились так вовремя. Вы помните, с чего начался пожар?

– Нет. – Эндж качает головой. – Нет. Я был пьян. Меня девушка бросила, – говорит он и смотрит прямо на меня.

И меня начинает затапливать чувство вины. Сейчас я не способна его контролировать, потому что сама чувствую себя виноватой. Он

чуть не погиб из-за меня...

– Да вы не переживайте так сильно, – поддерживает его целительница. – Все обязательно наладится. Вы вон в рубашке родились. Второй день рождения можете праздновать.

– А уже наладилось, – замечает Эндж и снова смотрит прямо мне в глаза. И в его словах не вопрос, а утверждение.

Ну уж нет. Я его не оставлю. Не могу. Не тогда, когда он чуть не погиб, а вокруг творится такое! Но эти слова... Они царапают меня, и сейчас мне слишком плохо, чтобы проанализировать услышанное.

– Хочешь поехать с целителями? – спрашиваю я нейтрально.

– Пожалуй, нет. – Энджел медленно поднимается. Слегка пошатываясь, он подходит ко мне и сжимает в объятиях. – Как ты меня нашла? Я ведь и правда обязан тебе жизнью, Каро...

Сейчас в голосе Энджела нет торжества и превосходства. Парня будто подменили. Он такой, каким я его знаю. И это настораживает еще сильнее.

Отвечает вместо меня Дар.

– Кто-то подкинул кукольный домик на крыльцо дома, где остановилась Каро. Она увидела на террасе куклу с рыжей шевелюрой, а потом домик сгорел. И кукла тоже. Это натолкнуло нас на мысль, что лучше тебя проверить.

Парни схлестываются взглядами. Чувствую, что сейчас будет скандал, а я совершенно не готова его воспринимать. Мне все еще нехорошо. Голоса спорящих Дара и Энджела слышатся словно издали, а перед глазами снова темнеет.

Я не успеваю отойти и куда-нибудь присесть, потому что ноги меня не держат. Падать в обморок два раза за десять минут – это немного не моя история. Я привыкла быть сильной, но сегодня, очевидно, что-то пошло не так.

Мне пшикают на лицо водой, и это заставляет очнуться во второй раз. Могли бы, право слово, обойтись как-нибудь пожебливее. С другой стороны, вода тоже заставляет меня прийти в себя и сфокусироваться на окружающем пространстве, которое не сильно-то и изменилось за время моей отключки.

Так как лежу я достаточно удобно и у меня ничего не болит, делаю предположение, что кто-то из парней поймал меня и не дал

грохнуться на землю. Интересно, кто? Дар был ближе, но вряд ли Энджел позволил бы кому-то приблизиться ко мне.

Но не спросишь же.

Маги-целители проверяют пульс и делятся силой. Сквозь спутанное сознание все же улавливаю: я просто надышалась гарью. Надо отдохнуть и не нервничать, сегодня избегать активности и больше спать. Только вот мне некуда идти, да и Энджелу тоже. Прежде чем отдыхать и спать, надо найти, где это делать.

– Может быть, в лечебницу? Там мы можем за вами какое-то время понаблюдать, – предлагает лекарь.

Присаживаясь на траве, пожимаю плечами. Может, и в лечебницу. Все равно идти некуда.

– Не нужно в лечебницу, – подает голос Дар. – Моя вилла по соседству. Там много места. Пойдем, тебе нужно отдохнуть. И, думаю, это приятнее делать в комнате с окнами, выходящими на море.

– А Энджел? – тихо спрашиваю я. – Я не могу оставить его.

– Бери и своего парня, – сквозь зубы цедит Дар.

Но в позу встает Энджел.

– Мы не нуждаемся в том, чтобы нам давали кров серфингисты. Мы сами разберемся...

– Как скажешь. – Дар фыркает. – Можешь идти, куда хочешь. У тебя сейчас как раз видок идеален для того, чтобы искать недвижимость для съема. Желающие выстроятся в очередь. Но, прости, Каро надо отдохнуть и переодеться. Или ты хочешь тащить ее на подвиги с собой, лишь бы не принять мою помощь?

– Каро не во что переодеваться, как и мне. Если ты мог заметить, наши вещи сгорели.

– Не переживай, я решу эту проблему. Даже с тобой. Мне несложно.

– Я еще раз говорю, что мы не нуждаемся...

Голова снова кружится, упрямство Энджела кажется глупым. Я оборачиваюсь к нему и отрезаю:

– Говори, пожалуйста, за себя. Я хочу в душ и спать. И будет прекрасно, если спать придется не под пальмой. Пожалуйста, давай примем приглашение Дара. Я очень устала и не способна сейчас на поиски нового жилья.

– Ты что, не видишь, что он пытается вернуть ваши отношения? Это приглашение не бескорыстно.

Смотрю на Энджа и не узнаю. Может, на него так действует стресс?

Впрочем, он быстро берет себя в руки и кивает:

– Хорошо. Но завтра мы съедем.

– Да, хорошо, – соглашаюсь я.

Дар мрачно щурится. Энджел даже не скрывает торжества, я же считаю, что парням не обязательно знать, что я непременно съеду. Но не с Энджелом. Я все еще считаю правильным самостоятельно разобраться в ситуации. Мне нужно понять, кто и почему нам вредит.

Если мы с Даром вписывались в схему мести Кита, то при чем тут Энджел? Его пытаются уничтожить, потому что с ним я была счастлива? Нелогично. Ведь убить его попытались как раз тогда, когда я от него ушла.

Будто снова толкая меня этим в его объятия.

* * *

На вилле Дара, которая находится по соседству, меня ждет несколько неприятных моментов.

Дар просто заходит вместе с нами в холл, обводит его рукой и говорит:

– Моя спальня на втором этаже. На первом – гостевые. Устраивайтесь. Думаю, сами справитесь с этой задачей. Постельное белье свежее, тапочки и халаты в наличии. Я только накануне въехал, а клининг мне хвалили.

После этих слов он неспешно направляется на кухню и включает кофемашину, а я замираю, потому что не понимаю, что делать и как себя вести.

– Пойдем выбирать нам спальню.

Эндж обнимает меня за талию и тянет за собой, а я понимаю, что не могу. Не могу в доме Дара спать с Энджелом в одной спальне. Мне сложно даже себе объяснить, почему я испытываю жгучий стыд.

– Выбирать *нам* спальни... – поправляю я.

– Каро? Я думал, мы все решили? – с нажимом говорит парень, словно пытаюсь меня продавить.

Но вот как раз давление на меня и не действует. И я думала, Энджел это прекрасно понимает.

– Да, мы все решили, – упрямо заявляю я. – Мы решили, что мне нужно чуть больше свободного пространства.

– Каро, я рассчитывал, что после случившегося...

– Я вернусь к тебе, Эндж?

Выражение его лица красноречивее слов, но я лишь качаю головой.

– Но я не уходила. Вот в чем дело. Не дави на меня, пожалуйста.

– Все дело в нем, – отрезает парень.

Мне не нужно уточнять, в ком именно, потому что это очевидно. И сил с этим спорить нет. А потом... в словах Энджела есть зерно истины. Появление Дара заставило меня сомневаться в своих чувствах. Это мне не нравится, но я не уверена, что стратегия игнорирования проблемы – хорошая идея. Если мои чувства к Энджелу лишь удобная иллюзия, наверное, пора ее разрушить. Любые иллюзии – это нехорошо.

– Все дело во мне. Я слишком выросла в тебя, Эндж. Встреча с Даром и то, что начало происходить вокруг, заставили меня вспомнить, какой я была раньше.

– А какой ты была раньше, Каро? – с вызовом спрашивает он. – Дерганой, несчастной и потерянной? Хочешь вернуться в это состояние? Именно такой ты была, когда мы встретились.

– Я была самодостаточной. И закончим этот разговор, – отрезаю я и сворачиваю в первую же попавшуюся спальню, лишь бы побыстрее сбежать от Энджела.

Долго смываю в душе гарь, копоть и волнения. Моя жизнь снова сделала крутой поворот. И снова у меня четкое ощущение, что за моей спиной стоит кукловод, но я не могу понять, чего он добивается. Дергает за ниточки, заставляя совершать какие-то действия, но каков финал этого спектакля?

Мы с Даром поняли правильно: если за всем стоит феникс (о чем свидетельствуют пожары), он хочет, чтобы мы страдали. Но зачем убивать Энджела? Или Энджел должен был выжить? Но феникс

просто не мог знать, что мы успеем его спасти. Энджел не вписывается в схему. Мы что-то упускаем, и я не могу понять, что именно.

Выхожу из комнаты через полчаса с одной мечтой: мне нужен кофе. Большая кружка. Даже мысль о том, что в компании Энджа и Дара мне будет неловко, меня не останавливает.

Дара нахожу на террасе с видом на море. Тут она больше, чем в нашем сгоревшем доме. Стоит круглый столик и несколько стульев. Сажусь на один из них.

Вытянув ноги и откинувшись на спинку, Дар устроился на другом.

– Угостишь кофе? – прошу я, и парень сосредоточенно кивает.

Он напряжен и, кажется, уже жалеет, что позвал нас.

– Если хочешь, после кофе мы уедем.

– Я не хочу этого «мы», Каро, – признается он и со злостью смотрит мне в глаза.

– Ты ведь понимаешь, что не имеешь права меня об этом просить.

– Понимаю, но это не ревность, если ты подозреваешь меня в ней. Твой парень манипулирует тобой. И этот пожар... Он тоже кажется подозрительным. Меня злит, что ты ведешься на его манипуляции.

– Ты говоришь бред!

– Может, да, а может, нет. Просто ты не сталкивалась с манипуляторами и абьюзерами.

– А ты? Ты сталкивался, Дар?

– Я сам им был, – равно замечает он, игнорируя то, что я начинаю выходить из себя. – Я всегда держал Кита на коротком поводке, потому что так мне было удобно. Вспомни наши отношения.

Я замираю, пытаюсь проанализировать прошлое. Понимаю, что Дар прав, но согласиться с этим очень сложно. Энджел же не такой. Или такой? И самое главное: где он сейчас?

– Нет... – Я мотаю головой, иррационально не желая соглашаться. – Дар, ты ведь меня знаешь. Со мной это не работает. Я неудобная, и мной сложно манипулировать.

– Тебе так кажется. Все думают, что ими сложно манипулировать. Энджел нашел тебя, когда тебе было плохо. – Дар не спрашивает, он перечисляет очевидные вещи. – Он быстро стал для тебя незаменимым. Сначала просто помогал, а потом у тебя не осталось сфер жизни без него. Так ведь?

– Мне казалось, такой должна быть любовь... – шепчу я, испытывая смущение и стыд.

Не хочу говорить с Даром о своих отношениях с другим парнем. Это кажется мне неправильным. Мне было бы неприятно обсуждать романтические отношения самого Дара.

– Любовь... Любовь – это ведь тоже зависимость. Не так ли, Каро? – хрипло спрашивает Дар, и у меня по спине пробегают мурашки.

Его лицо так близко. Голубые глаза потемнели, а на губах – ироничная жесткая улыбка. Он так и остался моим мальчиком-наваждением. Невыносимый Дар, которому я не способна сопротивляться.

– Тоже пытаешься манипулировать мной? – спрашиваю я севшим голосом и старательно игнорирую участвовавшее сердцебиение.

Дар отстраняется и пожимает плечами. А потом и вовсе уходит на кухню и продолжает разговор уже оттуда.

– Все мы пытаемся манипулировать друг другом. Вопрос только в том, насколько далеко получается зайти. Насколько мы сами способны это сделать, и насколько нам это позволяют.

– Считаешь, я позволила слишком много?

– Какая разница, что считаю я? Важно, что думаешь по этому поводу ты.

– Ты стал чересчур здравомыслящим, – замечаю я с грустной усмешкой. – Слишком сильно изменился.

– Считаешь, у меня не было на то причин? – спрашивает он, и в его голосе звучит боль.

Я невольно поворачиваюсь в его сторону.

Дар стоит за распахнутыми дверями с чашкой кофе в руках. Рукава светлой легкой рубашки закатаны и обнажают крепкие загорелые предплечья. Несколько верхних пуговиц расстегнуты, и видно шею и часть груди. Небрежная, уверенная поза. Легкая расслабленность в движениях.

Дар и правда изменился. В нем появилось что-то такое, чего раньше не было. Наверное, спокойствие и здоровый фатализм, которых не хватает мне. И рядом с ним я чувствую себя растерянной. Словно он видит и знает больше, чем вижу и знаю я. Словно он вырос, изменился и смог пережить прошлое, а я осталась где-то там.

Сломанной девочкой, пережившей кошмар с маньяком, но потерявшей любовь и друга...

Это такое неожиданное ощущение, что я в очередной раз теряюсь.

– Пойду проверю, куда пропал Энджел. Сидеть в комнате в гордом одиночестве немного не про него, – торопливо сообщаю я просто потому, что не могу и дальше оставаться с Даром наедине. Это слишком сложно. С меня будто силой снимают панцирь, обнажая мягкое и незащищенное нутро.

– А кофе? – спрашивает Дар, и я снова чувствую себя глупо, потому что забыла о том, что просила его.

– Поставь на стол, пусть немного остынет. Я сейчас вернусь и выпью.

– Как скажешь, – усмехается Дар, будто понимает меня лучше, чем я сама. – Но, Каро... – окликает он.

– Что?

– Ты ведь понимаешь, что от себя не убежишь? Тебе придется сделать выбор.

– А разве я его не сделала?

– Нет... – хмыкает он и демонстративно ставит чашку на столик.

Я молча срываюсь в комнату к Энджу. Глупо было надеяться, что Дара остановит наличие у меня парня.

Торопливо иду по коридору и замираю перед оставшейся спальней по соседству со мной. Энджел должен был занять ее. Выдыхаю, чтобы успокоиться и избавиться от мыслей о Даре. Заношу руку, чтобы постучать, но потом толкаю дверь. Стучат в комнату к чужим людям. Энджел – не чужой для меня.

Мне совершенно не нравится то, что мысленно я добавляю: «Пока».

Толкаю дверь, делаю шаг в комнату и в ужасе замираю, со всей мочи завопив:

– Дар! Скорее! Иди сюда!

Глава 10

В неестественной позе на полу в комнате лежит Энджел. Создается впечатление, что парень не дошел даже до душа. Он рухнул навзничь, чудом не ударившись головой об угол стола, и сейчас не подает признаков жизни.

– Эндж!

Я кидаюсь к нему и прижимаю палец к вене на шее. С перепуга даже не сразу могу нащупать пульс. Он такой слабый, что едва получается уловить. А возможно, это мой бухает так сильно, что заглушает все звуки вокруг. На миг мне кажется, что Энджел мертв, и это страшно. Я панически боюсь его потерять. В моей жизни не так много близких людей.

– Что случилось? – спустя секунду Дар влетает в комнату следом за мной.

– Не знаю, – всхлипываю я, придерживая голову Энджела. – Нашла его здесь без сознания. Вызывай скорее целителей!

Мы с Даром осторожно перекладываем Энджела на кровать. Я смачиваю полотенце холодной водой и водружаю ему на лоб. Легкое похлопывание по щекам не дает результата, в сознание парень не приходит.

Впервые я ощущаю такую беспомощность. Я не могу ничего сделать, только ждать и надеяться. Оказывается, это мучительно. Накрывает паника. К тому же Дар не помогает. Точнее, не успокаивает. Он четко выполняет все необходимые действия, но поддержки я не чувствую. Сейчас он просто подпирает плечом косяк в ожидании целителей. Словно даже в этой потере сознания видит злой умысел Энджела.

К счастью, Дар неплохо меня знает и поэтому не высказывает свои подозрения вслух. Только проблема в том, что я тоже знаю его, и невысказанное висит между нами в воздухе.

Перед самым приездом целителей глаза Энджела на секунду приоткрываются. Я пытаюсь поймать его расфокусированный взгляд, но Энджел снова отключается. Я даже не успеваю у него уточнить, что произошло.

Впрочем, узнав о том, что Энджел был на сгоревшей вилле по соседству, целители сразу же понимают, в чем дело.

– Он надышался угарным газом во время пожара. Надо было сразу ехать в лечебницу. Сейчас расплачивается.

– С ним все будет нормально? – спрашиваю я противным дрожащим голосом.

На меня бросают такой взгляд, что становится не по себе. И я так и не понимаю: зря волнуюсь или нет? В иной ситуации я бы ответила довольно резко, но сейчас сама держусь на последнем издыхании.

В лечебницу еду вместе с Энджем, чтобы убедиться – с ним все хорошо. Целительница – совсем молодая девчонка – всю дорогу подпитывает его своей силой. И к тому моменту, как мы выезжаем за пределы вилл на набережной и направляемся в сторону рабочей части острова, Эндж открывает глаза.

– Каро... – тихо говорит он. Голос звучит неуверенно и слабо, а на мои глаза наворачиваются слезы.

– Я тут. – Сжимаю его холодную ладонь. – Я тут. Все хорошо.

– Что случилось?

Вместо меня отвечает целительница.

– Вы надышались гарью, отказались сразу поехать в лечебницу, вот и итог. Потеряли сознание. Но сейчас опасность миновала. День, два – и снова будете бодрым и здоровым.

– Мне уже хорошо...

Энджел пытается подняться в салоне специализированного магмобиля, но мы с целительницей снова его укладываем. Она давит на одно плечо, я на другое.

– Мне правда нормально, – не очень уверенно сопротивляется он.

– Ты уже это говорил! – огрызаюсь я, надавливая сильнее. – А потом упал. А если бы я зашла позже?

– А я говорил, что надо было занимать одну комнату. Тогда бы сразу заметила, что мне плохо, – вроде шутливо говорит он, но что-то в его голосе заставляет меня серьезно воспринимать сказанное, и мне это совершенно не нравится.

– Ты что, обвиняешь меня в случившемся? – прищуриваясь, спрашиваю я.

– Нет, конечно, – идет на попятную Энджел. – Просто еще, видимо, не очень хорошо соображаю. Голова кружится. Прости,

пожалуйста!

– Да? – скептически уточняю я. – А почему же ты сказал, что уже хорошо?

– Потому что не хочу к целителям. Неужели непонятно? – раздражается он и прикрывает глаза. – Ты ведь посидишь со мной? Невыносимо оставаться одному.

Я уже почти отвечаю «да», но целительница, ставшая невольной свидетельницей нашего разговора, отрезает:

– У нас не гостиница. Мы подержим вас пару дней, а потом вы сможете вернуться домой.

– Думаю, у вас есть платные палаты. Мне хочется, чтобы моя невеста осталась со мной.

Вздрагиваю. Я не воспринимаю себя невестой. Ничьей.

– Сейчас вашей жизни ничего не угрожает, – продолжает целительница, игнорируя слова Энджела. – Вы дееспособны. У нас хороший уход и можно заказать питание по меню. Зачем вашей невесте сидеть у вашей постели?

– Чтобы поддержать меня?

– Она ведь вытащила вас с пожара? – горячо уточняет девушка. – Что вы так на меня смотрите? Об этом знает весь остров. У нас нечасто происходят такие события. Вы могли погибнуть. Она могла погибнуть. Вам не кажется, что ваша невеста тоже заслужила отдых?

Я вижу, Энджел недоволен тем, что целительница вмешалась в наш разговор. Пожалуй, даже несмотря на то, что меня выбесил его намек на мою вину и отдельные спальни, я бы осталась с ним. Сейчас ему реально плохо. Только вот целительница нашла правильные слова. Здесь Энджел под присмотром, и можно не переживать о его самочувствии. Ему ничего не угрожает. Он не будет ни на что отвлекаться. И я без него тоже отдохну, не волнуясь.

– Эндж, мне действительно кажется, что нет смысла оставаться с тобой в лечебнице.

– Тогда я тоже уйду.

– Это шантаж? – хмыкаю я, чувствуя, что у меня нет сил сражаться и скоро я просто пошлю все к демонам.

– Нет, конечно. Нет. Просто... – Он закусывает губу и откидывается на подушки. – Уедешь к нему? – спрашивает Эндж, а я закатываю глаза.

– Да что с тобой?

– У нас все пошло наперекосяк из-за него.

– У нас все пошло наперекосяк, потому что ты ведешь себя странно. Не пытайся найти виноватых среди окружения.

Сама говорю, но в душе не уверена, что не соврала. Я действительно не считаю Дара виновником чего бы то ни было, но встреча с ним подействовала на меня. Я словно очнулась ото сна.

– Да... прости... – Энджел слабо улыбается. – Я ревную. Дурацкое чувство! Никогда не ревновал. Я все понимаю. Отдыхай. Только, Каро... я тебя прошу, будь осторожна. У тебя не осталось твоего зелья?

– Нет. – Мотаю головой. – Все уничтожено. Но я нормально себя чувствую. Не беспокойся.

– Я люблю тебя, Каро, поэтому волнуюсь. Сегодня был тяжелый день. Это может отразиться на твоём самочувствии. Пожалуйста, будь осторожна. Хорошо?

Энджел приподнимается на локтях, снимает с шеи цепочку с амулетом и надевает ее мне на шею. Я знаю этот кулон в виде солнца. Парень его носит с нашей первой встречи. Говорит, он напоминает ему о прошлом.

– Зачем?

– Мне будет приятно, если ты станешь его носить. Я бы надел на тебя кольцо, но у меня его нет. Придется немного подождать.

Идея с кольцом меня пугает. Пронзает мысль, что кольцо я бы не приняла. Просто потому, что не готова. Я не хочу становиться невестой. Ни его, ни чьей бы то ни было. Надеюсь, эти мысли не отражаются у меня на лице. Не хочу заводить этот разговор сейчас. Целительница и так косится на нас с подозрением. Мне неудобно. Слишком много откровенности при постороннем человеке.

Магмобиль останавливает за воротами возле длинного двухэтажного здания, окрашенного в светло-голубой цвет. Тут ухоженные газоны, тропинки и лавочки. Больше похоже на санаторий или дом отдыха. Территория большая, да и само здание кажется немаленьким.

Энджела забирают из магмобиля и на носилках уносят в сторону лечебницы двое подросевших крепких мужчин в костюмах светло-

зеленого цвета – помощники. Целительница очень долго смотрит на меня, хотя должна бы уже уйти. Ее же ничего не держит.

– В чем-то проблема? – уточняю я.

Она пожимает плечами и отвечает:

– У меня нет. А у тебя?

– У меня много проблем, – не спору я. – Но так бывает.

– Так убери из своей жизни хотя бы ту, от которой можешь избавиться, – замечает она, покосившись в сторону Энджела на носилках. – У меня муж такой был. Я теперь манипуляторов издалека чую, – небрежно бросает она через плечо и уходит прежде, чем я успеваю возмутиться.

Ничего не отвечаю. Да и что на это ответишь? Хамить не хочется, благодарить за то, что посторонний человек нагло влез в твою жизнь – странно. И потом, они что, все сговорились, что ли? Неужели я попалась на удочку созависимых отношений? Всегда считала, что это история не про меня! Я же сильная, я независимая. Меня нельзя принудить, напугать или заставить. Или получается, что насилие – это не всегда кулаки и замки? Я его просто не заметила?

Нет! Это бред! Бред ведь?

Размышляя об этом, не замечаю, как рядом притормаживает темно-синий магмобиль.

– Садись, – небрежно бросает мне Дар. – Или решила до дома дойти пешком?

– А у меня есть дом? – несчастно уточняю я, но парень лишь качает головой и распахивает передо мной дверь.

– Вот и определишься. Не загоняйся, Каро! Мой дом – твой дом.

– Меня напрягает то, как ты себя ведешь. Не похож на Дара, которого я знала.

– У нас не было времени и возможности узнать друг друга. Мы только прикоснулись к нашим темным сторонам. А то, что скрывается в душе... ты никогда и не знала. Ты не знала меня до экзоскелета. Я не знал тебя вне охоты на маньяка. Но все можно исправить.

– Нет, Дар, не все. И ты это знаешь.

– После того как я убедился в том, что мой брат жив... я понял, что исправить можно все, – упрямо говорит он.

Утверждение неоднозначное, но я не спору, нет сил.

Мы срываемся с места, и я задумчиво смотрю на мелькающий пейзаж райского острова. Как случилось, что долгожданный отдых перевернул мою жизнь с ног на голову? Думала ли я, когда ехала сюда, что через несколько дней отдыха окажусь в магмобиле рядом с Даром? Я ведь давно уже мысленно отпустила парня. Перестала надеяться на нашу встречу, убедила себя в том, что люблю Энджела... И вот... очередной вираж судьбы – и я опять на распутье.

Даже волшебные райские пейзажи не помогают отключиться от тяжелых мыслей. Уже на самом подъезде к вилле мой взгляд цепляется за знакомое лицо в прогуливающейся по променаду толпе.

– Притормози, – прошу Дара и понимаю, что не ошиблась.

– В чем дело? – спрашивает он.

– Видишь парня? – указываю я подбородком в толпу.

– Какого? – Дар начинает крутить головой, а я закатываю глаза и одергиваю его:

– Ну зачем же так палиться! Вон тот, который стоит на набережной возле кофейного киоска.

– Ну... кто-то знакомый... – тянет Дар. – Не могу только вспомнить, кто именно.

– Посмотри повнимательнее... – приказываю я.

– Фрост, что ли? – удивленно отзывается парень. – Монархо в этом году – определенно место притяжения. Я за три года здесь не встречал столько знакомых, как за последний месяц.

– Он самый... – задумчиво тяну я. – Что он тут делает?

– Отдыхает, Каро! Какие странные у тебя вопросы. Здесь круглый год лето и самые лучшие пляжи.

– Именно сейчас... – подозрительно тяну я.

Пока мы наблюдаем за парнем, Дар практически останавливается прямо на проезжей части. Пролетающий мимо магмобиль резко тормозит, и мужик за кристаллом управления что-то эмоционально выговаривает. Правда, что именно, нам непонятно, так как у него нет открытого верха, а через закрытые окна ничего не слышно. Подозреваю, мужик просто костерит Дара, который мешает движению.

Дар срывается с места, а Фрост, наоборот, поворачивается в нашу сторону. На его лице мелькает узнавание и... как ни странно, испуг. Он отворачивается и торопливо отступает в тень кофейного киоска.

Что это вообще было? Я не видела Фроста несколько лет. После трагедии с близнецами он дозанимался до конца года, а потом просто исчез. Внезапно и никому ничего не объяснив. Мы с ним никогда не ладили, но и не ругались. Поэтому сейчас его поведение кажется излишне странным. Почему он так испугался, когда мы его увидели?

– Хочешь остановиться и спросить, в чем дело? – уточняет Дар, но я отрицательно мотаю головой.

– Нет. Пожалуй, нет. Я слишком вымотана и совершенно не представляю, что ему скажу.

– Не думаешь же ты, что во всем, что происходит с тобой в последние дни, виноват он?

– Я правда не знаю, что думать. Готова подозревать всех и каждого. Появление Фроста в Монарко кажется странным, но сейчас у меня нет сил на разговор с ним.

– Хочешь, я попрошу знакомых ребят выяснить, как давно он здесь и чем занимается? Если он на отдыхе, то, скорее всего, приехал не один.

– А вот это неплохая мысль, – соглашаюсь я.

Мы останавливаемся возле виллы. Я сижу в магмобиле и понимаю, что устала так сильно, что нет сил даже выйти. Перед глазами плывет. А руки снова дрожат.

– Каро, – зовет меня Дар. – У тебя все хорошо?

– Почти, – отвечаю я. – Будет хорошо после того, как я заставлю себя подняться и дойти до комнаты.

Там я упаду на кровать, и мое хорошо наступит. Сегодняшний день, который только доскребся до половины, уже как-то сильно меня вымотал.

– Давай я тебе помогу, – говорит Дар и, прежде чем я успеваю возразить, обходит магмобиль, открывает мою дверь и подхватывает меня на руки.

Глава 11

– Ты что делаешь? – слабо возмущаюсь я, уже не понимая, голова кружится оттого, что я устала и надышалась гарью, или оттого, что меня обнимают сильные руки и я чувствую сердцебиение Дара, когда кладу голову ему на плечо?

Дар раздался в плечах, а я, похоже, похудела. Теперь чувствую себя рядом с ним маленькой и беззащитной. И как бы настороженно я ни относилась к этому ощущению, сейчас оно мне скорее нравится, чем нет.

А вот это уже нехорошо. Опасно.

Я совсем не понимаю Дара. Он настолько другой, что я не могу поверить в то, что рядом с ним меня не ждет какой-нибудь подвох. Я помню, как выматывали эмоциональные качели в наших отношениях. Я словно неслась на горскейрских горках. И сейчас, после подъема, я неосознанно ожидаю очередного падения в бездну.

Дар на руках заносит меня в дом и сгружает на кровать в спальне.

– Тебе необходимо отдохнуть, Каро, и поесть, – говорит он, снимая с меня босоножки.

– Поесть... – мечтательно тяну я.

Так вот откуда головная боль! Гарь тут ни при чем, нужно просто нормально питаться. Да ладно, нормально! Просто питаться!

– Сейчас я что-нибудь придумаю. Сам жрать хочу, – замечает Дар. – А ты хотя бы полежи. А лучше – поспи.

– Сначала поем, – решаю я. – А ты сам? Ты как? Ты ведь вместе со мной и Энджелом был в огне.

– Я нормально. – Дар пожимает плечами. – После трагедии с Китом у меня есть обе стихии, поэтому на пожаре мне проще, чем вам. Я не только уничтожил брата, я еще и присвоил себе его магию, – мрачно хмыкает он. – Еще один повод меня ненавидеть, согласись.

– Не знаю. Кит же боготворил тебя...

– И был влюблен в тебя. Да. Он сделал все, чтобы нам было хорошо, и погиб. Знаешь... – Дар задумчиво кусает губу. – Если охоту на нас объявил он... Я его понимаю.

– А мне не дает покоя Фрост...

– Фрост никогда бы не смог придумать такое сам. Да, он ненавидел меня, злился на тебя за то, что ты его отшила. Но несколько лет готовить план мести? Серьезно? Зачем ему это надо?

– Да, ты прав. – Вытянувшись на кровати, я вздыхаю. Оказывается, если лежишь, то чувствуешь себя на порядок лучше. Даже голова начинает соображать. – Конечно, Фрост вряд ли мог организовать все сам. Но он мог кому-то помогать... Ну не просто же так он оказался здесь?

– Не просто так... – тянет Дар. – Но давай разберемся с ним завтра. Хорошо? Сегодня дай себе отдохнуть.

Он уходит, а я понимаю, что сон как рукой сняло. Я все еще разбитая и уставшая, но, когда никуда не нужно идти и ни за кого не надо волноваться, мне почти хорошо.

Гоняю в голове странное поведение Энджа, появление Фроста, наши сложные взаимоотношения с Даром, которых быть не может, и понимаю, что запуталась в своей жизни окончательно. Не вижу выхода из паутины проблем, в которую неожиданно угодила.

Я схожу с ума или кто-то пытается мне это внушить? Я люблю Энджела или он умело манипулирует мной и наши отношения держатся на моей зависимости от него? Фрост оказался тут специально или случайно? Дар и правда изменился или его привычная, пугающая сущность просто притаилась и в рандомный момент вылезет? Он победил свою тягу к адреналину или прячет ее в глубине души?

От мыслей меня отвлекает вернувшийся Дар. Он стоит в дверях, прислонившись плечом к косяку. На нем те самые драные шорты, в которых я увидела его на пляже. Они низко сидят на бедрах, так как широки и норовят сползти. Сверху легкая, оливкового цвета рубашка нараспашку. Взлохмаченные после душа волосы и бутылка открытого вина в руке.

– Пойдем.

– Куда?

– Обедать... – Он на секунду замолкает. – Или ужинать. Как тебе больше нравится?

– Не знаю, я и не завтракала вроде бы... Сегодня какой-то бесконечный день. Но вино... Не уверена, что это хорошее решение.

– Каро, ты же знаешь: иногда вино – это единственное решение.

На этот аргумент я не нахожу, что ответить.

Хоть и сомневаюсь, соглашаюсь на приглашение Дара. Знаю, что пожалею, но сказать «нет» не могу. Несмотря на то что я была в душе, мне до сих пор кажется, что одежда пропитана запахом гари. Приходится переодеться.

Выбор у меня сейчас не такой большой. Беру льняную рубашку Дара с коротким рукавом. Она мне почти до колен. Если перехватить ремнем на талии, смотрится вполне прилично. Но когда я в таком виде выхожу на веранду, взгляд Дара обжигает. Сразу кажется, что я стою перед ним обнаженная, и игнорировать это понимание не получается. Напрягаются соски под тонкой тканью, и мурашки поднимают волоски на руках.

– Прошу.

Дар первый приходит в себя и указывает рукой в сторону накрытого стола.

Солнце падает в волны, с моря дует легкий ветер. Алая полоска у горизонта за какие-то десять минут становится узкой и скоро совсем исчезает, а берег Монарко погружается в бархатную южную ночь, наполненную стрекотом цикад, пряными цветочными ароматами и мягким лунным светом.

Кажется, лунная дорожка начинается прямо от нашего столика, который стоит на краю веранды, огороженной невысокими стеклянными перилами.

Передо мной большой бокал, на дне которого вспыхивает рубиновыми искрами вино, и тарелка с еще горячим лососем на гриле и овощами. Слюнки текут. Напротив – вольготно развалившийся на стуле Дар. Он лениво тянет маленькими глотками вино и, кажется, чувствует себя спокойно и уверенно, чего не скажешь обо мне.

На одну половину лица парня падает холодный лунный свет. На другую – теплый, от зажженных по периметру террасы фонарей. Мне кажется, что это очень символично. Лед и пламя – две доступные ему стихии. Дар наконец-то обрел то, чего всегда хотел: силу. Он стал совершенством, по крайней мере, снаружи, а вот внутри мы оба так и остались сломанными. Как оказалось, внешние раны залечить проще. Я об этом знала давно. А понял ли это Дар? Мне кажется, да, и теперь это нас роднит.

– За встречу? – предлагает он и протягивает свой бокал. Дар спокоен и расслаблен. От него волной исходит уверенность, которой мне сейчас так не хватает.

– Думаешь, уместно сейчас пить за это? – с сомнением уточняю я. – Мой парень в больнице, а я, возможно, схожу с ума.

– Парню не повезло, бывает. – Дар хмыкает, и в его голосе совсем нет сочувствия. – Но он, скажу честно, напрягал меня на моей территории. А ты совсем не похожа на сумасшедшую, Каро, и я действительно рад тебя видеть. За это непременно стоит выпить.

Ему невозможно противостоять, да и не хочется. Мы чокаемся, и я пригубляю терпкий напиток. Наверное, в нашем случае сухое красное намного лучше подходит к ситуации, чем задорное игристое.

Плотный напиток прокатывается по горлу, оставляя привкус теплого южного вечера, ароматного винограда и вяжущую отрезвляющую горчинку черноплодной рябины. Да, мы стали другими, задорные пузырьки сейчас не про меня. Да и не про Дара. Смотрю и понимаю: он ассоциируется у меня с ромом. Терпкий, крепкий и пьянящий.

– Я тоже рада тебя видеть, – признаюсь я, покручивая в руках бокал и наблюдая за тем, как тяжелая рубиновая жидкость оставляет на стенках слезы. – Хотя это и больно...

– Жаль...

– Что именно?

– Что тебе больно рядом со мной. Я еще помню то время, когда вызывал другие эмоции.

– И я помню, поэтому и больно. Не начинай, Дар. Я не хочу возвращаться туда, где эмоциональные качели и постоянное ожидание очередного болезненного разочарования.

– Ты его любишь? – в лоб спрашивает он, застав меня врасплох.

– Это неважно. – Я качаю головой. – Мне с ним спокойно.

Дар залпом допивает вино и поднимается, так и не притронувшись к еде. Он делает шаг ко мне и наклоняется.

– Тебе с ним душно, – шепчет он мне в губы.

Я чувствую теплое дыхание и мурашки на спине. Я не могу противостоять тому притяжению, которое до сих пор существует между нами. Никогда не могла.

Судорожно облизываю губы, чувствуя, как они мгновенно пересыхают. А Дар, хмыкнув, отстраняется.

– Я рад, что не на его месте. Самое унижительное – когда твоя девушка хочет другого парня. Интересно, он об этом знает?

– Прекрати, – прошу я, устало прикрыв глаза. Эти столкновения выматывают. Дара не в духе выносить сложно. – Вот именно поэтому я не буду с тобой. Делать больно – это твой путь. Ты не умеешь выражать чувства по-другому.

– А ты не понимаешь других чувств, – парирует он, словно желая уколоть меня посильнее. А может, и правда так считает. – Тебе необходима боль.

– Глупости...

– Тебе не хватает наших качелей... признайся. Даже твой пушистый Энджел – манипулятор. Твое спокойствие рядом с ним – иллюзия. Очень скучная иллюзия...

Сказав это, Дар уходит, а я залпом допиваю остатки вина в бокале и с наслаждением отправляю в рот кусок лосося. Все же мне дико хочется есть.

Возможно, Дар в чем-то прав. Мы оба ненормальные. И даже сейчас, после эмоционального всплеска, вызванного перепалкой с парнем, я чувствую себя более живой, чем все последние три года. А еще мне нравится, что он меня ревнует.

Проклятый Дар! Ненавижу эти адреналиновые качели, которые вызывают зависимость. И не только у меня. Но в то же время... они меня стимулируют. И это неправильно. Впрочем, работает это только с Даром.

Но если с адреналиновыми качелями все сложно, то есть кое-что, в чем Дар прав безусловно. Я точно хочу не Энджела. И это неправильно и нечестно. Ни по отношению к Энджу, ни по отношению ко мне. А значит, нам нужно расстаться. Как только парня выпустят из лечебницы, стоит об этом поговорить. Я бы хотела остаться с ним друзьями, только понимаю: это вряд ли возможно.

Мне жалко Энджела. Кажется, он меня на самом деле любит. А вот я, как выяснилось, нет. И от этого немного грустно. Я правда пыталась в него влюбиться, и даже на какое-то время подумала, что у меня вышло. Но и пытаться сохранить то, чего нет, лишь потому что

Энджел испытывает ко мне более глубокие чувства, я не могу. Жалость и жертвенность – это не то, на чем можно построить отношения.

С этой мыслью я доедаю рыбу и отправляюсь спать. Странно, но засыпаю быстро и без сновидений. Я рада, что в моей голове хоть что-то встало на свои места. Ну, а об остальном я подумаю завтра.

Не знаю, что меня будит, но просыпаюсь внезапно, как от толчка, с ощущением легкой нереальности происходящего. На миг мне даже кажется, что сейчас вокруг окажутся какие-нибудь странные декорации, а сон продолжится, но нет. Я по-прежнему в той комнате, в которой засыпала.

Открытые нараспашку окна, в которые проникает свежий морской бриз. Предраассветный туман и темная тень за окном. Поднимаюсь и накидываю рубашку, чувствуя, как ускоряется сердце. Медленно иду к окну, но тень исчезает. На секунду кажется, что мне снова померещилось, но я слышу шум открывающейся двери.

Звук доносится со стороны холла и кухни. Дар спит на втором этаже, разбудить его я не успею. Можно закричать, но если таинственный охотник пожаловал к нам, я не хочу его спугнуть.

Уж что-что, а постоять за себя я в состоянии.

Осторожно открываю дверь и выхожу в коридор. Стараюсь ступать неслышно, прокрадываюсь к кухонной зоне и беру со столешницы нож, когда в дверном проеме показывается мужская фигура.

Темно. Тихо. Даже луна, которая обычно дает много света, скрылась за тучами, погрузив столовую в темноту, в которой можно угадать лишь смутные тени. Точнее, одну, до холодного пота пугающую меня тень.

Щелкаю пальцами, но свет не загорается. Прижимаюсь ягодицами к столешнице и стискиваю за спиной нож.

Фигура наступает. Черный капюшон надвинут на глаза, походка словно у готовящегося напасть хищника. Совершенно очевидно, странный звук мне не привиделся, поэтому я, не стесняясь, ору, чтобы разбудить Дара и он успел бы примчаться со второго этажа.

Мужчина кидается в мою сторону, едва я открываю рот. Ухожу вниз, перекатываюсь по полу и кидаюсь в ответную атаку, не позволяя ему сориентироваться и взять инициативу в свои руки. Знаю, что, если

уж началась драка, бить надо первой. Особенно если ты ниже и физически слабее.

Нож чиркает по щеке незнакомца. Лица в темноте разглядеть не могу, но слышу отборное ругательство и тут же отскакиваю, чтобы собраться и набросится снова.

Но следующий маневр не удастся. Едва я заношу нож, как запястье перехватывает сильная рука. Шиплю и бью ментальной волной. Не люблю это заклинание, зато оно действенное в ситуации, которая угрожает жизни.

Моя волна натывается на умело созданный щит. Противник силен, но от неожиданности все равно ослабляет хватку.

Я выворачиваюсь и вновь кидаюсь в атаку, в этот раз действуя агрессивнее. Парень уклоняется и даже пытается что-то орать мне в ответ, то ли угрожая, то ли выставляя условия, но перед глазами кровавый туман, и, когда он в очередной раз перехватывает мои руки, я бью его головой в переносицу. Просто потому, что мне страшно.

Я понимаю: это не бой на татами. Здесь нет времени, которое нужно продержаться, нет четких правил.

Парень заваливается на спину, утягивая меня за собой.

Летим на пол. Я пытаюсь за что-нибудь зацепиться, противник тоже, но все тщетно. Успеваю только выставить перед собой руку, ту, которую не удерживает нападающий. С грохотом падает барный стул, а я с ужасом понимаю, что Дар так и не спустился. Мелькает мысль, что незнакомец добрался до него первым. Но неужели Дар даже не сопротивлялся? Слабо в такое верится.

Минутная задумчивость едва не стоит мне жизни. Противник отпихивает меня от себя, и я лечу на лопатки. Нож звякает, и я оказываюсь беспомощна и придавлена к полу тяжелым телом. Противник держит мои руки над головой, прижимая к полу. Не задумываясь, бью в пах, но парень успевает увернуться и подставляет бедро.

Раздражает, что перед глазами туман и пелена. Я пытаюсь сосредоточиться на чертах лица противника, но не могу. Я как пьяная или... Осознание приходит в один момент. «Как во сне». Сон сном, но руки, сжимающие мои запястья, весьма материальны. Может быть, я и схожу с ума, но в этот раз моя галлюцинация имеет физическое воплощение.

– Каро! – на периферии сознания слышу голос Дара.

Всхлипываю от облегчения, но не могу понять, откуда исходит звук.

– Дар! – Пытаюсь вырваться и снова ударить, впадая в панику из-за полной дезориентации.

– Каро! – настойчивее и яростнее звучит вокруг. Трясу головой, пытаюсь избавиться от наваждения. Еще раз бью ногой и слышу сдавленное ругательство. Кажется, в этот раз удар получается более точным. Пользуясь моментом, вырываюсь, хватаю нож и прыгаю на противника. Роняю его на пол и заскакиваю сверху.

Теперь парень подо мной. Он хоть и крупнее, но годы тренировок дают мне небольшое преимущество. Вжимаю бедрами его в пол, упираясь коленями в керамогранит, и заношу руку с ножом для удара.

Противник перехватывает мои запястья, но я понимаю, что выдыхаюсь и еще одного шанса не будет. Парень подо мной крупнее и сильнее, поэтому использую все свои силы. Давлю ментально, голова у него должна разрываться от боли, несмотря на все щиты, и нож неумолимо опускается.

– Каро! Да прекрати же! Очнись!

Почему Дар мешает мне? И где он?

– Каро! Да чтоб тебя! Не заставляй меня делать тебе больно!

Больно? О чем он?

– Каро!

Отвлекаюсь на минуту и снова оказываюсь на лопатках. Лицо мне щекочет светлая челка, и разбитые губы шепчут:

– Выдохни! Это я! Ну очнись же, Каро!

* * *

Медленно прихожу себя. Еще плохо различаю, где сон, а где явь. В реальном мире намного светлее, чем во сне. Ночи в Монарко – глубокие и черные – скоротечны. Часа в три уже начинает светать. Вот и сейчас то самое пограничное время, когда до утра еще далеко, но небо начинает светлеть, размывая тяжелые ночные тени и погружая мир в ленивую предрассветную дымку. В этом сером мире я могу

четко разглядеть, что пытаюсь убить Дара. Именно его встревоженное лицо склоняется над моим.

– Боги! – испуганно выдыхаю я.

Сердце совершает в груди кульбит и падает в желудок. Нож выпадает из миглом ослабевших пальцев.

Увидев, что я пришла в себя, Дар тут же освобождает меня и скатывается в сторону. Помнит, что, если меня удерживать, может накрыть паническая атака, во время которой я опасна. Впрочем, сейчас я, похоже, опасна и без панических атак.

На моих руках кровь. На лице Дара – ссадины. Губа разбита.

От осознания, что я чуть не натворила, начинает трясти. Бросаю нож, словно это ядовитая змея, и отползаю к стене, захлебываясь рыданиями.

Эндж прав. Я сумасшедшая. И только он может предугадывать приступы, только он может меня из них вытаскивать. Как только Энджа не оказалось рядом, я едва не убила Дара.

Осознание этого вгоняет в панику. Я не люблю Энджела, но он всегда меня вытаскивал, не позволял подобному произойти. Я не справляюсь без него. Когда я стала такой беспомощной?

– Каро, – тихо зовет Дар. – Каро, все в порядке! Не надо плакать, дыши глубже. Все закончилось.

Парень присаживается рядом со мной у стены. Берет за руку, которая холодная и дрожит. Оказывается, есть вещи, которые значительно страшнее, чем когда твоей жизни угрожает опасность. Сильнее пугают моменты, когда не можешь доверять даже себе.

– У тебя такое уже было?

– Если ты о том, гонялась ли я за знакомыми с ножом? Нет. Если о том, путала ли сон с явью? Да. Эндж прав, я схожу с ума и мне надо лечиться. Пожалуй, после этого случая я готова признать. Обычно я в таких ситуациях пила зелье, но пожар уничтожил все запасы, а зелье редкое. Мне его доставал менталист, у которого я наблюдалась в Горскейре.

– Не уверен... – Дар качает головой, не желая признавать очевидные факты.

Это злит.

– В чем не уверен, Дар? – раздражаюсь я. – Тут два варианта. Или я не контролирую свое сознание и, когда наступает помутнение,

творю ужасные вещи, или я пыталась осознанно тебя убить. Но я не хотела тебя убивать. Это совершенно точно. Я вообще никого не хочу убивать. Даже того, кто на меня охотится. А значит, на меня нашло помутнение. Я становлюсь опасна для окружающих. Я могла тебя убить, Дар!

– Не могла, – отрезает он. – Чтобы меня сейчас убить, нужно чуть больше, чем решимость. Да, ты сильная, но и я сейчас не закован в экзоскелет.

– На твоём месте мог быть кто угодно.

– Каро, ты очень узко мыслишь, – говорит Дар. – Кроме озвученного тобой это может быть внушение, зелье или артефакт. Да что угодно! И вряд ли ты напала бы на кого-то, кроме меня. Думаю, тут все очень четко рассчитано.

– Но кому это нужно? – немного успокоившись, уточняю я.

– А ты подумай, кому?

Дар выразительно смотрит на меня, и под этим пронзительным взглядом мне становится не по себе.

– Дар, Энджел тут ни при чем! – Я устало качаю головой. – Он, наоборот, всегда меня поддерживал и вытаскивал из этого состояния. Это не он!

– Заметь, про твоего парня речь завел не я. Я имел в виду феникса. Идеальный сценарий. Я мертв, ты под надзором в специализированном учреждении, как когда-то твой Страшный Человек. Только твой разум в порядке, и ты способна мучиться от осознания, что натворила.

– Но... – Я неверяще качаю головой. – Как? Как он смог до нас добраться и как он может постоянно быть рядом? Мы его даже не видим.

– Мы в этом непременно разберемся, но не сейчас. – Дар отлепляется от стены и поднимается с выражением решимости на красивом лице.

– А что сейчас? – устало спрашиваю я.

– Сейчас мне определенно надо выпить. Вино у нас еще оставалось.

– Полбутылки? – мрачно уточняю я, невольно поймав себя на мысли, что мне тоже надо выпить. Может, меня и правда в ближайшее время ждет лечебница для душевнобольных, и там

алкоголь мне точно не светит. А вот сегодня он мне жизненно необходим. В конце концов, все самое страшное я уже натворила. Дар прав, убить его не так-то просто. Если что, он сможет меня остановить.

– Я запасливый, – отмахивается парень и идет к бару.

Дар притаскивает вино прямо сюда, на разгромленную в процессе нашей драки кухню. Ставит на пол бутылку, бокалы и тарелку с наспех сделанной нарезкой. Куски сыра разного размера и формы, остатки колбасы тонкими слайсами, виноград. И мы просто поворачиваемся в сторону моря.

Он открывает стеклянные двери нараспашку, и в помещение врывается прохладный утренний воздух с ароматом моря – свежим, пьянящим. На губах оседает соль, и дышать становится легче.

Первый бокал выпиваю залпом, чтобы просто унять дрожь в руках и снять спазм. Я так напряжена, что кончики пальцев стали ледяными. Терпкий ароматный напиток прокатывается по горлу. Я не люблю крепкий алкоголь, но ловлю себя на мысли, что сейчас не отказалась бы от коньяка. Но Дар не предлагает, и сам тоже пьет вино. Из чего я делаю вывод, что ничего крепче у него просто нет.

Прикрываю глаза и опираюсь спиной на стену. Но так становится скучно, и я поворачиваюсь к парню. Смотрю на Дара из-под опущенных ресниц. На щеке – порез. С виду достаточно глубокий.

– Надо обработать... – говорю я и осторожно прикасаюсь к его скуле.

Дар вздрагивает и поворачивает голову в мою сторону.

– Потом. Это пустяки, – бросает он безразлично.

– А если останется шрам? Прости, я правда не хотела.

– Шрам так шрам. – Он пожимает плечами. – Мне хочется, чтобы на память о тебе у меня что-то осталось материальное.

– Шрам? – невесело хмыкаю я.

– Почему бы и нет? На сердце их предостаточно, пусть будет еще один осязаемый.

– Ты говоришь бред.

– Может быть...

Дар не спорит. Просто пьет вино. А я смотрю на него. На загорелую кожу, на длинные росчерки ресниц на щеках. На правильный профиль... И понимаю, что не хочу портить эту красоту шрамом.

Поэтому поднимаюсь и спрашиваю:

– Где у тебя аптечка?

– Представления не имею, – лениво отзывается он. – Но, если очень хочешь, поищи в ванной. Наверное, там. Ближайшая – справа по коридору.

Киваю и направляюсь в указанном направлении, зачем-то прихватив недопитый бокал вина. Ванная комната просторная, с огромным зеркалом, которое отражает бледную, не совсем адекватную девицу с лихорадочным румянцем и горящими глазами, которые покраснели от слез. Видок пугающий.

Руки в крови. Приглядываюсь и понимаю, что и лицо тоже. Кровь, как веснушки, покрыла нос и щеки.

Ругаюсь сквозь сжатые зубы и начинаю лихорадочно отмываться, забыв, зачем я вообще сюда пришла. Теплую воду не включаю. Плескаю в лицо холодной, чтобы окончательно прийти в себя.

И это практически получается.

Я не слышу шагов за спиной, поэтому вздрагиваю, когда вижу в отражении Дара.

Он снял порванную, испачканную кровью рубашку, и сейчас я не могу оторвать взгляд от его торса. Кровь приливает к лицу, и щеки вспыхивают еще ярче.

Дар стоит в расслабленной позе, прислоняясь плечом к косяку. В одной руке бокал, в другой – бутылка. Парень делает шаг навстречу и наливает вино в мой практически опустевший бокал, который стоит на каменной столешнице рядом с раковиной.

– Нашла аптечку? – как ни в чем не бывало спрашивает он, а я понимаю, что очень плохо соображаю, потому что он слишком близко ко мне.

Слишком красивый, и я чересчур остро на него реагирую.

– Пока нет, – отвечаю я, тщательно скрывая эмоции. – Обнаружила, что у меня все лицо в крови. Умывалась. Сейчас посмотрю.

Он подходит еще ближе, практически касаясь меня обнаженным торсом. Горло перехватывает, и я забываю, что нужно дышать. А Дар протягивает руку и открывает шкафчик у меня над головой.

Чувствую терпкий запах крови и едва заметный – свежего геля для душа и теплой мужской кожи. Перед глазами смуглые загорелые

мышцы, по которым нестерпимо хочется провести губами.

– Вот она! – Он отступает и протягивает мне черную кожаную сумочку с бинтами и лекарствами.

Беру ее и понимаю, что у меня дрожат руки. Проклятый Дар!

Пытаюсь собраться и вспомнить, что собиралась делать. Нахожу бинты, обеззараживающее зелье и приближаюсь к Дару, который не спеша делает глоток вина.

Дыхание опять перехватывает. От его близости кружится голова. Теплая кожа, капелька вина в уголке губы, которую Дар слизывает, – и сердце пускается вскачь.

Аккуратно стираю кровь с его щеки. Рана после промывания выглядит не так страшно, как мне показалось сначала. Капаю клеящего зелья на кожу, убеждаюсь, что края раны не разойдутся, и поспешно отступаю со словами:

– Вот и все.

Дар не двигается с места, словно не слышит меня. Глаза в глаза. Мне кажется, даже сердца у нас ускоряют ритм в унисон.

Парень подносит к губам бокал и снова делает медленный глоток. У меня самой пересыхает во рту, и я, как замороженная, повторяю движение: беру свой бокал, чтобы смягчить горло. Воздух между нами такой плотный, что становится тяжело дышать. В небольшом помещении повисли недосказанность, боль и толика надежды.

Объемный бокал на тонкой длинной ножке немного дрожит, а в голове уже приятный туман. Эти бокалы коварны. Вина вроде бы на дне, но я замечаю, что бутылка, которую Дар все еще держит в руке, уже пуста. Я разглядываю его лицо. В первый раз за долгое время мы с ним так близко. Наши столкновения в Монархо не в счет. Там была злость и раздражение, а сейчас – щемящая боль и нежность. Сейчас мне кажется, что я снова имею право смотреть на него так. Внимательно, пытаюсь запомнить каждую его черточку – разлет бровей, трепет крыльев носа.

У Дара загорелая гладкая кожа. Глаза, обычно ярко-голубые и светлые, сейчас словно грозовое небо. В них я тону и, чтобы хотя бы ненадолго вынырнуть в реальность, опускаю взгляд ниже и замираю на губах. Это ошибка. Дыхание снова сбивается, а по телу проходит легкая дрожь. Этот парень слишком сильно на меня влияет. Наваждение, от которого я не могу избавиться. И не уверена, что хочу.

Надо бы что-то сказать, как-то разрядить обстановку... но я не могу. Воздух между нами буквально наэлектризован, я чувствую тепло кожи Дара, и по рукам пробегают мурашки. Дар так близко, что я могу не только представить его прикосновения к своей коже, но почти физически их ощутить.

Парень склоняется ниже, и я почти не сомневаюсь в том, что произойдет дальше, но Дар лишь тихо говорит «спасибо» и выходит, позволяя мне следовать за ним.

А я понимаю, что не могу, потому что щеки полыхают, дыхание перехватило, а руки позорно дрожат. Чтобы сдвинуться с места, приходится залпом допить оставшееся в бокале вино. Кажется, сегодня у меня есть все шансы напиться. Впрочем, я помню принципы Дара. Можно спокойно напиваться. Мне не грозит ничего, кроме головной боли.

Приняв это непростое решение, выхожу следом за парнем. На улице практически рассвело, и небо над морем стало розовым, а воздух – густым и свежим. Вид настолько прекрасный, что я замираю перед распахнутыми стеклянными дверями.

Дар уже открыл новую бутылку и перенес нашу нехитрую закуску на террасу. Протягиваю свой бокал. Он наливает в него вино со словами:

– За лучшее время. Ты ведь веришь, что оно настанет?

Хочется ответить «нет», но я лишь молча улыбаюсь и принимаю из его рук бокал.

Не замечаю, как перемещаюсь со стула к перилам и подставляю горящие щеки свежему морскому ветру. В руках бокал с вином, в голове – пустота. В четыре утра пляж пустынен, и вокруг царит обманчивое умиротворение.

Монархо вообще производит на меня странное впечатление. С одной стороны, это рай, в котором я могла бы быть счастлива. Мне нравится тут все: песчаные бесконечные пляжи, море, сливающееся с горизонтом, улыбчивые люди, вечное лето и неспешное, размеренное течение жизни. С другой... Рай явно меня отторгает. Может быть, оно и правильно. Слишком большой отрезок своей жизни пришлось провести в аду.

– О чем задумалась?

Дар подходит и останавливается у меня за спиной. По коже сразу пробегают мурашки. Его близость, даже такая бытовая, меня волнует. Нет больше смысла кого-то обманывать. Ничего не прошло. Я не смогла его забыть, не смогла переключиться на Энджела и не научилась не хотеть. Он мое наваждение и погибель. Успокаивает лишь то, что я знаю: он ко мне относится так же.

— Ни о чем, — отвечаю я почти честно. — Наслаждаюсь моментом. Меня никто не пытается убить, я не чувствую себя сумасшедшей... ну, по крайней мере, прямо сейчас. Это редкий миг, жаль его упускать.

Сейчас мне просто хочется откинуться и прижаться спиной к торсу парня. Запрокинуть голову ему на плечо и так любоваться закатом, растворяясь в нежности и легком опьянении.

Но я держусь. Пока не уверена, что готова вступить на этот путь в никуда. Я еще не рассталась с Энджелом, да и, расставшись... нужно ли сразу кидаться в другие отношения? Точнее, это даже не отношения. Все намного сложнее и запутаннее. За короткий период нашего знакомства мы стали друг для друга вселенной. Нельзя просто сказать «мы вместе» или «мы расстались». Точнее, сказать можно, но это не отразит суть происходящего между нами.

Нас с Даром дико тянет друг к другу. Наверное, это не любовь, это страсть, с которой очень сложно бороться.

— Все образуется, Каро, — тихо говорит он, даже не подозревая, какие мысли бродят у меня в голове. — С утра мы все же съездим к менталисту и посоветуемся с ней. Прости, я знаю, что ты скажешь про менталиста из Горскейра, которому тебя показывал Энджел, но...

— Какие «но», Дар? Она мне помогала.

— Разве?

Дар мягко, за плечи, разворачивает меня к себе и смотрит в глаза с легкой грустью.

— Каро, ты нервная, неуверенная в себе, дерганая. Ты уже не бьешь в любой непонятной ситуации. Ты стала более продуманной.

— Это разве плохо?

— Это не ты. И я не вижу, что тебе в этом мире лучше. Твоя менталистка не помогла решить проблемы, а может быть, усугубила их. А та, к кому отвезу тебя я, смогла вытащить меня из бездны. Если ты думаешь, что три года назад я был в лучшем состоянии, чем ты сейчас... ты ошибаешься. Я даже на похороны

бабушки не приехал. Не потому что не захотел или не было моральных сил. Я не смог, в прямом смысле этого слова. Просто не смог. Она не позволила. Я бы сорвался и, скорее всего... совершил какую-нибудь глупость, которая отправила бы меня следом за братом и бабушкой. Этот путь был непростым, но я его прошел. И ты пройдешь, если нужно. А главное, я живу в Монарко, я почти простил себя, хоть никогда окончательно не избавлюсь от чувства вины, но я научился жить с ним и с собой в относительной гармонии. А когда ты в последний раз была в гармонии с собой?

Вопрос обескураживает. Я не помню. Но потом начинаю мысленно отматывать жизнь назад и понимаю... я была в гармонии с собой только тогда, когда целовала его в последний раз. Не здесь, в Монарко, – злые поцелуи не в счет. Тогда, когда целовала его, считая своим. Когда верила, что у нас может быть какое-то будущее.

– Ну так что ответишь, Каро? – хрипло спрашивает Дар. В его глазах отражается рассвет, а первые лучи солнца зайчиками прыгают по щекам.

Закусываю губу. Сказать сложно, но я не привыкла врать.

– Когда ты целовал меня... – На последнем слове горло пересыхает, и голос срывается.

– Что? – Дар замирает и смотрит неверяще.

Я сама не верю в то, что озвучила свои самые сокровенные мысли. И не очень понимаю – зачем. Но когда он спрашивает, почему-то послушно повторяю:

– Я была в гармонии с собой, когда ты целовал меня, и я верила в то, что у нас все по-настоящему. Тогда я была счастлива, несмотря на внешние обстоятельства.

– Так в чем проблема?

Дар склоняется ниже, опалая губы жарким дыханием. Шальной взгляд и нахальная полуулыбка, словно он уже победил.

– В том, что все изменилось. Изменились и мы, и мир вокруг.

– А изменилось ли?

Качнувшись в мою сторону, он и замирает в миллиметре от губ. Соблазнительно и опасно. Щеки опалает жар, меня ведет.

– Что мешает нам проверить? – как демон-искуситель шепчет парень.

– Ты сам прекрасно знаешь, что... все слишком неопределенно. – Я качаю головой и пытаюсь отстраниться, но мы словно примагничены. Мне физически тяжело разорвать расстояние между нами. – Это неправильно, и мы пожалеем... Потом может стать больнее. Ты же знаешь, наши поцелуи – наркотик. Убери – и начинается ломка.

– А это когда-нибудь нам мешало? – выдыхает Дар, и его губы накрывают мои, горячо и трепетно, словно больше такого шанса не будет.

Упираюсь ладонями ему в грудь, словно хочу оттолкнуть, но не хочу. Слишком долго ждала этого поцелуя. Скучала. Тяжело жить с дырой вместо сердца, поэтому, едва коснувшись Дара, теряю голову.

Это даже не поцелуй, а жадное касание губ, которое ошпаривает. Неожиданно, чувственно и остро. Взрываюсь от россыпи мурашек, ослепляющих и пробегающих по телу горячей волной. Чувствую влажные, волнующие движения его языка, горячие ладони, скользящие по телу, и теряю остатки здравого смысла.

Дар на секунду отрывается от меня и выдыхает. Воздух с хрипом вырывается из его груди. Парень нежно проводит носом по моей скуле и тут же снова впивается в губы крышесносным поцелуем. Так меня умеет целовать только он. Придерживает крепкой рукой мою шею, и кажется, только эта рука удерживает меня в вертикальном положении. Колени стали ватными, и в этом мире единственное, что меня держит, – Дар.

Шатает. Я пьяная и шальная, но мне это нравится, потому что именно в таком состоянии я чувствую ту самую, давно потерянную гармонию.

Дар увлекает меня от перил в сторону кухни. Со стонами целуемся и кусаемся, как дикие. Впервые в жизни вцепляюсь ему в плечи, сначала срывая рубашку, а потом оставляя глубокие царапины, словно демонстрируя, что он мой.

Дар со смехом ругается и впивается мне в шею поцелуем-укусом. Наверное, тоже останется след. Справедливая месть. Как сумасшедшие стаскиваем друг с друга одежду. Не осталось сомнений, преград и здравого смысла. Я хочу его, как дикая кошка, мне неважен сумасшедший мир вокруг нас, и, даже если эта ночь – последнее, что будет в моей жизни, я все равно не стану ничего менять.

Сожаление и стыд оттого, что изменяю Энджелу, сейчас отступают даже не на второй, на третий план. У себя в душе я уже отпустила те отношения, а завтра их придется отпустить и Энджелу. Жаль ли мне его? Нет. Нет худшего наказания и унижения, чем быть с тем, кто тебя не любит. А я совершенно точно его не люблю, иначе бы не шалела от поцелуев Дара.

Голова кружится. В ушах стучит кровь, и мир за пределами наших тел перестает существовать. Прикусываю его губы, жадно и жарко, и он с рычанием отвечает. Мы вроде бы двигаемся по направлению к комнате, но по факту целуемся как сумасшедшие, падая сначала на одну стену, потом на другую. Что-то летит со столешницы на пол. Кажется, разбивается какое-то кашпо, но это не имеет значения. Мы слишком увлечены друг другом, чтобы отвлекаться на мелочи.

Дергаю вниз его домашние штаны. Дар стаскивает мой халат, не прекращая целовать. Холодный шелк сползает по плечам и болтается на бедрах только за счет держащегося на честном слове пояса. Дар перешагивает через упавшие на пол штаны и подхватывает меня под бедра. Халат все же сдается и теряется где-то по дороге к спасительной стене.

Тихонько хнычу, выпрашивая еще ласки, жадно впиваюсь ему в плечи, пытаюсь прильнуть ближе.

– Тише, – шипит он мне в губы. – Все будет...

И от этого высказанного тихим, уверенным голосом обещания у меня начинает плыть перед глазами. Между нами такой кипятик, что я задыхаюсь. Хочется быть еще ближе, принадлежать полностью, и я целую еще более жадно. Потому что он мой, и я его хочу до физической боли. Напряжение пульсирует внизу живота, в ушах грохочет кровь, а сердце, кажется, сейчас выпрыгнет из груди.

Дар вжимает меня в стену. Горячие губы на моей шее, и я запрокидываю голову, полностью отдаваясь эмоциям и влажным, уверенным движениям языка, скользящего по моей коже. Обнимаю парня бедрами, закидываю руки на плечи, пробегаюсь кончиками пальцев по гладкой коже, ощущая, какой он рельефный и накачанный. Его тело – это полный восторг. Мои бедра дрожат от напряжения. Я чувствую, что Дар тоже едва сдерживается.

Он со стоном толкается в меня, а я закусываю губу и откидываю голову на стену, чувствуя все так остро и пронзительно, что кажется,

на глазах сейчас выступят слезы. Он вбивается в меня жестче, и я всхлипываю, поддаваясь его рваному ритму и зависая где-то между двумя мирами. Вцепляюсь сильнее в его плечи, оставляя на них отпечатки от ногтей, и прикусываю его губы. Мне мало. Слишком его мало.

Он рычит, дергает меня на себя, впечатываясь еще глубже, резче. Между нами кипит и напряжение, такое сильное, что совершенно точно скоро последует взрыв. Неровно и быстро дышу, совершенно ничего не соображаю и не могу понять, как жила без этого. У нас всегда все остро и на грани, и без этого ощущения – где-то между наслаждением и легкой болью – меня просто нет.

Мы сметаем все на пол со столешницы, на которую Дар меня сажает, чтобы сорваться в бешеный ритм. Задевает рукой цепочку, и кулон Энджела, звякнув, летит куда-то на пол.

Я даже не могу на этом сконцентрироваться. Улетаю. В голове вакуум. Не чувствую рук, ног – ничего. Только нас и заставляющее дрожать наслаждение. Зажмуриваюсь от нарастающего гула крови в ушах, судорожно дергаюсь от оглушающей волны удовольствия и практически отключаюсь.

Чуть выдохнув, приоткрываю глаза и тону в грозовом небе его синих, подернутых дымкой наслаждения глаз. Это так... так невероятно, что снова с тихим стоном улетаю. Вот теперь гармония. Я вспомнила, что значит это слово.

Дар касается моего лба своим. Наши тела скользкие от пота, дыхание рваное, руки дрожат, и я плохо соображаю. Мышцы сводит, как после хорошей тренировки.

– В душ? – тихо шепчет Дар мне на ухо, и я едва заметно киваю.

– Если отнесешь.

Парень без слов подхватывает меня на руки, а я кладу голову ему на плечо. Мне хорошо. Может быть, не очень правильно, волнительно, но хорошо. А об остальном я подумаю завтра. Точнее сегодня, но позже. Сильно позже.

А пока у меня есть он и мгновения счастья.

Глава 12

Мы просыпаемся в обнимку. Совсем поздно, зато отдохнувшие, выспавшиеся и абсолютно счастливые. Я ощущаю приятную боль в мышцах, когда потягиваюсь. По ощущениям, день давно перевалил за половину, и даже плотно задернутые шторы не спасают от яркого, стоящего в зените монарканского солнца. Дар с мурлыканьем притягивает меня к себе, целует в шею и зарывается носом в волосы.

– Моя... – шепчет он и снова целует, щекоча дыханием чувствительную кожу чуть ниже затылка.

По спине бегут горячие мурашки, и меня окончательно будит прокатившаяся по телу от кончиков пальцев горячая волна возбуждения. Я даже не верю, что так бывает. Всепоглощающе.

Молчу, растворяясь в удовольствии, чувствуя ягодицами его желание. В объятиях уютно и совсем не хочется открывать глаза. И разговаривать не хочется. Хочется поцелуев и нежности.

– Моя же? – чуть настойчивее уточняет Дар и снова прикусывает нежную кожу, словно в наказание за молчание.

Похоже, он неравнодушен к моей шее. Мурчу от затапливающей нежности и, как кошка, трусь о прижимающегося со спины Дара, но не спешу отвечать на вопрос. Он слишком непростой, а сложности меня утомили.

Подобрать слова нелегко, но я прислушиваюсь к ощущениям внутри и понимаю, что на самом деле, оказывается, сложного в этом ничего нет. Я действительно его. И это неоспоримо. Что бы ни происходило вокруг, как бы ни складывалась наша жизнь, мы принадлежим друг другу. И всегда принадлежали. Как я могла не понять этого? Почему Дар три года назад забыл про это? Мы оба были глупыми.

– Твоя, – шепчу я, чувствуя обжигающее прикосновение его губ, оказываясь в тесных объятиях и снова растворяясь в нем.

Сейчас все нежно, волнующе, но так же горячо, как и до этого. Неторопливые поцелуи-укусы сзади в шею. Влажные, скользящие движения и нежность, в которой растворяюсь без остатка. Мне не хочется выплывать из этой неги. На какое-то время кажется, что

не вылезать из кровати весь день – очень хорошая идея, но я все же гоню ее прочь. Когда-нибудь, но не сегодня. Сначала нужно решить все проблемы.

Позже мы неторопливо пьем на веранде кофе и смотрим на море. Я до сих пор плаваю где-то в наслаждении. Жаль, что нельзя остановить мгновение. Мне нужно съездить к Энджелу и сказать, что мы расстаемся, но я тяну время. Понимаю, разговор нас ждет не из легких. Парня обижать не хочется. Все же мы с ним долго были вместе. Да, я его не люблю, но и обижать не хочу. Он мне по-своему дорог.

– Я связался с менталистом. Она ждет нас, – говорит Дар и ставит передо мной небольшой кувшинчик со сливками.

– Предлагаешь съездить сегодня? – спрашиваю я, чувствуя, что в груди сворачивается неприятный сгусток страха.

А если она скажет, что мне не место среди нормальных людей? Нет, так-то... если скажет, то и не место. Но страшно. Я только получила кусочек счастья.

– Зачем откладывать? – спрашивает Дар, который не догадывается, что сейчас творится у меня в голове.

– Я планировала навестить Энджела, – пытаюсь ненадолго отсрочить неизбежное. – Я не могу так, Дар. Не могу спать с тобой, когда он считает, что мы вместе. Мне надо ему рассказать.

– Полдня или день ничего не решат. Давай съездим к Торе – это важнее. А твой парень все равно приходит в себя после пожара в лечебнице.

Долго думаю, но потом все же согласно киваю. В словах Дара есть зерно истины.

– Пожалуй, ты прав. – Я вздыхаю, хотя на душе по-прежнему тяжело. – Мне нужно понять, что со мной. Не имеет смысла откладывать. Вдруг она и правда поможет разобраться.

– Каро... – Дар подходит, берет меня за подбородок и внимательно смотрит в глаза. – Самое главное, что тебе нужно понять...

– Что именно? – Напрягаюсь от слишком серьезного взгляда Дара. Какой же он красивый, я до сих пор не могу привыкнуть. Вижу его и залипаю.

– С тобой я. Вот что самое важное, – уверенно говорит он, и от этого проникновенного голоса по спине снова бегут мурашки, а меня затапливает от ощущения щемящей нежности. Мне так хочется верить. – С этого момента и навсегда. Я никуда тебя не отпущу. Веришь?

Я киваю, пытаюсь не разрыдаться. Это было бы совсем глупо.

Дар протягивает мне руку.

– Пойдем. Сначала мы с тобой пообедаем, а потом поедем к менталисту. И все будет хорошо. Тора не такая, как все, она другая. И умеет заглядывать прямо в душу.

– Ты спал с ней? – Знаю, что это не мое дело, но не могу удержаться от вопроса.

Дар усмехается и опускает взгляд, словно решая, что сказать. А я иррационально не хочу ехать к менталистке, с которой Дар спал!

– У нас обоих есть прошлое, согласись, – наконец отвечает он. – Ты правда хочешь об этом поговорить?

Не хочу. Не о нас с Энджелом точно. Дар прав, эти три с лишним года у нас была жизнь. Хорошая, плохая... но у каждого своя. Я уже не жду от него ответа, но он внезапно все же говорит:

– Я был сломлен, а она сильна и красива. Это не было романом... я ценю и уважаю Тору. Я не считаю нужным скрывать или отрицать наше прошлое, но это было давно и недолго. Я ответил на твой вопрос?

Киваю, понимая, что и так слишком глубоко забралась к нему под кожу.

– Вот и хорошо, – выдыхает Дар. – Раз мы разобрались с моим прошлым, остается разобраться с твоим. На обратной дороге ты заедешь к своему парню и скажешь, что вы не вместе. И с этого момента все изменится. Мы напишем Лестрату. Если потребуется, я оплачу ему командировку в Монарکو, чтобы он нашел того, кто объявил на нас охоту. Если нужно, ты будешь ездить к менталисту, а я буду поддерживать тебя. И все у нас будет хорошо. Я не позволю случиться плохому. Ты это усвоила?

– Да... – Я медленно киваю, признавая правоту Дара. От его слов становится очень тепло на душе. Меня отпускает. И я даже начинаю верить: если мы вместе, то все у нас будет хорошо.

Завтракать решаем на набережной недалеко от виллы. Выбираем столик на открытой террасе у самой воды. Тут стоит магический контроль климата, поэтому можно наслаждаться прохладой и морскими видами одновременно. Несмотря на полдень, здесь не многолюдно. Ресторан достаточно дорогой даже для избалованной элиты Горскейра Монархо, что отсекает большую часть случайных туристов. Белоснежные скатерти, тихая музыка и шум волн.

– Знаешь, – задумчиво тянет Дар. – Я внезапно понял одну вещь. У нас с тобой никогда не было свиданий. Таких... настоящих. С цветами и дорогими ресторанами.

– Не было, – соглашаюсь я с легкой грустью. – Но это и не удивительно. Мы другие. Наша история совсем не о том.

– Может быть, но я планирую все исправить.

Во взгляде Дара – нежность. Он протягивает руку через стол и сжимает мои холодные пальцы. И я понимаю, что хочу свиданий с ним. Поцелуев под луной, цветов и разных милых пошлостей, до которых мне никогда не было дела. Я прошла через все это с Энджелом, и это меня не трогало. Ни подарки, ни изысканные блюда, ни концерты, театры и прочее. Получается, меня просто никогда по-настоящему не трогал он?

– Значит, это начало? – улыбаюсь я и обвожу взглядом пространство, отмечая продуманный до мелочей дизайн, цветы в вазах на каждом столике, серебряные вилочки, нежно-голубые тарелки и удобные кресла. Место превосходное. Пожалуй, мне будет приятно, если Дар приведет меня сюда снова.

– Это начало, – соглашается Дар и сильнее сжимает мои пальцы в знак поддержки.

В это время в проходе появляется знакомая фигура, и я замираю. Неужели не может быть даже часа покоя? Почему неприятности следуют за нами по пятам? Что он тут делает, демоны его заберут?

– Да он что нас, преследует, что ли? – возмущенно шепчу я Дару, вскользь указав в сторону входа в ресторан.

Лицо парня мрачнеет. Этого гостя не ждали ни он, ни я.

Мы сидим у самой воды, в тени искусственных растений в кадках, а появившийся в ресторане Фрост замер на свету у входа. Нас он пока не видит, но я все равно напрягаюсь. Не слишком ли много совпадений? Три года его не видела, а тут два раза за два дня?

– Каро, не дергайся, – лениво отвечает Дар. – Ну хочешь, я подойду и спрошу его, что он тут забыл и почему вчера от нас шарахнулся?

– Думаешь, он так тебе и скажет? – фыркаю я, пристально наблюдая за парнем, который несколько растерянно оглядывается, словно кого-то ищет.

– Может, он просто пришел с кем-то в ресторан.

– Здесь для него дороговато.

– Не пытайся считать чужие деньги, Каро. Иногда меняются люди, иногда их финансовое состояние. Давай просто понаблюдаем за ним. Я сомневаюсь, что он пришел сюда за нами. Хотя бы потому, что мы сами не знали, что сюда пойдем. Так что расслабься и сосредоточься на меню.

Послушно киваю, но продолжаю маниакально наблюдать за Фростом. Если предположить, что Дар прав и парень тут с кем-то, то с кем? Не вижу подходящих кандидатур. За крайним столиком на противоположной от нас стороне – семейная пара средних лет; слева – компания из трех мужчин и пара с маленьким ребенком. За увитой декоративным плющом колонной – шикарная женщина лет сорока. Ухоженная внешность, дорогое платье, гладкая прическа и бриллианты в ушах, несмотря на день.

Увидев ее, Фрост улыбается и склоняет голову, а она манит его пальцем, как лакея. Мать? Только улыбка Фроста... Матери так не улыбаются.

– Что за... – бормочу я и даже подаюсь вперед, когда парень целует женщину в два раза его старше. Не могу сдержать эмоции, и Дар тихо ржет. – Фрост променял карьеру спортсмена на роль альфонса? – заканчиваю тонким голосом, заставляя Дара закатить глаза.

– Ты слишком предвзята, Каро. У всех свои предпочтения и вкусы. Может быть, у Фроста с этой... – Дар с усмешкой пропускает слово, видимо, так и не придумав, как назвать женщину, – ...любовь?

– Тебе надо напоминать, что еще три года назад предпочтением Фроста была я?

– Все течет, все меняется, – равнодушно отзывается Дар. – Испытал разочарование с собой, самооценка упала. Стал искать утешения там, где в состоянии его получить.

Наблюдать за парочкой некомфортно. Я уже хочу отвернуться, но тут Форст ловит мой взгляд. На его лице опять мелькают те же эмоции: узнавание, страх и... кажется, стыд. Неловко. Не только ему, но и мне.

– Привет! – говорю я, так как уже глупо делать вид, будто мы друг друга не видим. – Неожиданная встреча, не так ли?

– Да уж... – бухтит он и торопливо отворачивается. Его спутница хмурится. Похоже, ей не нравится, что Фрост встретил тут знакомых.

Женщина начинает что-то ему выговаривать. Фрост мрачнеет и послушно уходит, когда его покровительница делает знак. Он выглядит как нашкодивший щенок. Мне даже становится его жаль.

– То есть вот так... – задумчиво бормочу я. – Получается, Фроста можно списывать со счетов? Я, признаться, надеялась, что он замешан.

– Нет, он действительно просто альфонс. Его подобрала богатая и властная госпожа. Не могу сказать, что не испытываю удовлетворения по этому поводу. Никогда не испытывал к нему симпатии.

Я согласна лишь отчасти. Фрост козел, но я знаю его лучше, чем Дар, и видела другие стороны. Редко, но видела. Поэтому мне немного жаль. Печальная судьба для молодого привлекательного парня с хорошими перспективами.

Но каждый выбирает по себе. Вероятно, такая жизнь его вполне устраивает. Не в плену же его дама держит? Неудивительно, что мы с Даром – последние, кого он хотел бы встретить. У меня нет вопросов, почему он сбежал.

Мы ждем, когда принесут рыбу – нежную, в сливочном соусе и с молодым картофелем. Я запиваю ее холодным лимонадом с мятой, потому что алкоголь не лезет совсем. Я еще не переварила то, что выпила ночью.

Внезапно вспоминаю одну вещь, о которой хотела спросить, но к слову не пришлось.

– Дар, – нахмурившись, уточняю я. – Почему ты спал со мной? Я же была пьяная?

– И что? – Мой вопрос застает его врасплох, и он начинает кашлять, подавившись рыбой.

Приходится постучать по спине. На лице такое изумление, что становится не по себе. Ну вот что я такого спросила?

– Ну, в прошлый раз в подобной ситуации ты сказал что-то про принципы... – заикаюсь я.

– Каро, – усмехается он. – Ты все не так поняла. Дело не в количестве выпитого, а в тебе. Тогда ты хотела не меня, а забыться. Тебе не нужен был секс. А вот сейчас... – Он хищно улыбается, и я радуюсь, что сижу, потому что ноги становятся ватными. – Сейчас мы оба получили то, что нам было жизненно необходимо. Ты согласна?

Качаю головой и с улыбкой утыкаюсь в свою тарелку. Поражаюсь его коварству, но согласно киваю. Все так и есть. Дар снова прав.

Мы еще какое-то время сидим и болтаем, глядя на море. Тут хорошо и совершенно не хочется уходить. Дар рассказывает о том, как начал тренировать детей, в это время его глаза горят.

– Знаешь, – задумчиво говорит он. – Я считал неправильным трогать наследство. Из-за меня погиб Кит, и та часть состояния, которая должна была перейти к нему, досталась мне. Из-за меня умерла бабушка, и все ее богатства тоже достались мне... Это казалось мне до ужаса несправедливым. В той ситуации мне было гадко трогать деньги. Я считал, что недостойн их. Хотел даже отдать на благотворительность. Но потом понял: по пути к адресату разворуют. Деньги уйдут от меня, но попадут ли к достойным? Не факт. Но сейчас... я осознал, что моя гордость не исправит сделанные в прошлом ошибки. Зато поможет мне построить тот мир, в котором мне хотелось бы жить.

– И в каком же мире тебе хотелось бы жить? – спрашиваю я, и не из вежливости. Мне действительно интересно, как Дар представляет себе рай.

– Хорошая школа магсерфа... – начинает он, и я понимаю, что эта мысль возникла у него не спонтанно. Он действительно размышлял над этим. – Возможно, с интернатом, чтобы дети не из Монарко могли приезжать на реабилитацию и жить тут. Ты... – Он замолкает и спрашивает, несколько волнуясь: – Я понимаю, что это очень преждевременно, но ты останешься мне помогать?

– Если меня не упекут в сумасшедший дом, то останусь... – соглашаюсь я, потому что мне нравится идеальный мир Дара. Я хочу в него попасть. – Говорят, тут беда с тренерами по цеуныши. Ты ведь выделишь мне зал?

– Да хоть не один. Для тебя – все что угодно.

Сейчас, когда я сижу рядом с Даром и обсуждаю перспективы развития реабилитационно-спортивного интерната в Монарко, наши мечты кажутся вполне реальными. Планы на будущее, и никаких преград! Я даже не вспоминаю ни про маньяка, ни про то, что накануне ночью чуть не убила Дара. И совершенно не факт, что не попробую это повторить.

По-хорошему, меня сейчас нельзя подпускать к детям. И я прекрасно это понимаю, но могу же позволить себе маленькую слабость? Ненадолго сделать вид, что у нас действительно нет никаких проблем. Мы вместе, а вокруг нас море и солнце. А впереди – только светлое будущее.

– Нам пора, – с сожалением вздыхает Дар, и я киваю.

Чем быстрее мы съездим к менталисту, тем скорее я получу подтверждение или опровержение тому, что говорил Энджел.

Мы расплачиваемся и выходим из спасительной прохлады магической климатзоны дорогого ресторана под палящее солнце Монарко. С наслаждением жмурюсь и подставляю ему лицо. Хорошо! Просто хорошо и спокойно. Со мной Дар, мы с ним нашли путь друг к другу, и это самое важное. А с остальными сложностями мы непременно справимся. Может быть, не сейчас, может быть, позже. Главное – не предавать друг друга.

Он берет меня за руку, и мы медленно бредем в сторону виллы, словно пытаемся продлить эти безмятежные мгновения.

Пока Дар выгоняет магмобиль из-под навеса, я захожу внутрь и застываю.

– Ты...

* * *

Сердце замирает в груди. Я чувствую себя как в детстве, когда ты совершила гадкий поступок и никому не сказала, но он вскрылся, и тебе стыдно. Жаль, что не призналась раньше, но уже не можешь ничего изменить. И никакие извинения ситуацию не справят. Тошнотворное состояние.

Энджел стоит спиной ко мне в центре кухни-гостиной, которая еще хранит последствия наших с Даром ночных «приключений». Уроненные стулья, разбитое кашпо, земля, раскиданная по полу и несчастный, увядший комнатный цветок. Чайник на кафеле, турка и баночки с чаем и специями, закатившиеся под стол. А в руках зажат кулон, который он подарил мне. Тот печально качается на цепочке из стороны в сторону, как маятник.

От этого особенно больно. Я никогда не чувствовала себя такой отвратительной. Я не имела права так поступать с Энджелом. Надо было сначала поговорить с ним и только потом кидаться в объятия Дара. Но сейчас уже ничего не изменить.

Сердце замирает. Я не хотела так. Я не готова к разговору, но и сил врать и изворачиваться нет. Я и так достаточно натворила.

– Каро...

Энджел поворачивается, и я вижу, что на лице у него застыла восковая маска. Я никогда не видела парня таким. Безжизненно-бледным.

Сглатываю и говорю севшим голосом, ненавидя себя за эту глупую нерешительность:

– Эндж... я не ждала тебя так рано...

– Вижу... – Он безразлично пожимает плечами и прежде, чем я открываю рот, чтобы хоть как-то оправдаться, начинает говорить сам. – Знаешь, я все же сумел достать билеты домой. Рейс через час. Поехали, Каро? – В его голосе звучит надежда. – Ты ведь нездорова, тебе нельзя тут оставаться. Давай вернемся и все забудем? Давай, а?

Его голос тихий и нежный, есть в нем что-то такое, что какая-то моя часть даже хочет сдаться, но я упрямо качаю головой.

– Прости, Энджел, но нет. Я не хочу возвращаться.

– Сейчас или совсем? – тихо уточняет он, а я задумчиво пожимаю плечами.

– Не знаю. Мне нужно разобраться в себе и понять, где мне лучше.

– Даже так... Все серьезно? – Он делает шаг мне навстречу и смотрит на меня потухшими голубыми глазами.

– Все всегда было серьезно, – не спорю я.

Жду обвинений, злости, но Энджел спокоен и немного отрешен.

— Тогда, быть может, в качестве прощания... подкинете меня в магпорт? — спрашивает он, и я с удивлением понимаю, что обращается парень не ко мне. Поворачиваюсь. За спиной в дверях стоит напряженный Дар.

Он вопросительно смотрит на меня, и, когда я утвердительно киваю, хотя совершенно не хочу этой мучительно-неловкой поездки, отвечает:

— Да, конечно. Поехали.

Глава 13

Я даже забываю, зачем зашла в дом, ведь что-то хотела взять, но столкновение с Энджелом выбило из колеи.

На негнущихся ногах иду следом за Даром и Энджелом, который до сих пор сжимает в кулаке цепочку кулона. Стыд, боль и желание все побыстрее закончить – единственные мои эмоции. Радует одно: очень скоро все закончится.

Хорошо, не все, но по крайней мере – мучительно-неловкий момент расставания с Энджелом.

В магмобиле царит неловкая тишина. Мне почти сразу начинает казаться, что идея подвезти Энджела – не самая хорошая. Хорошо хоть я занимаю место с Даром впереди, а Энджел устраивается на заднее сиденье. Чтобы как-то сгладить неловкое молчание, Дар включает музыку.

А там песня «Ты мой свет», как насмешка над нами. Она звучит, как немой укор мне. Хит «Ангелов», который Эндж написал для меня, еще когда мы с ним не встречались.

– Выключи, – срывающимся хриплым голосом прошу я Дара.

– Раньше тебе нравилась эта песня... – с ядом отзывается Эндж, и я даже не могу его винить.

Мне действительно нравилась эта песня. Она и сейчас мне нравится, но слушать ее больно и неловко. В ней слишком много личного. Того, что я не хочу демонстрировать перед Даром.

– Каро всегда была равнодушна к «Ангелам», – нейтрально соглашается Дар, словно пытаюсь понять, в чем сейчас камень преткновения.

– Я знаю, – отвечает Энджел со злым вызовом. – Эту песню ей подарил я.

Надо же! Все же мы с Даром очень его задела, иначе с чего бы ему открывать инкогнито перед Даром? Попытка продемонстрировать свою крутизну?

Дар вздрагивает, и я вижу, как белеют костяшки пальцев на кристалле управления, так сильно он его стискивает.

– Хорошая песня, – замечает Дар, но выворачивает звук, погружая магмобиль в тишину.

Мы все молчим. Мне кажется, нам даже дышать некомфортно. Я понимаю, мы не могли отказать Энджу – это невежливо. Но он сам? Зачем ему эта агония? Почему он хочет ехать с нами? Ведь это же... как-то даже несколько унизительно для него.

Я молюсь, чтобы все закончилось как можно быстрее. Дар, кажется, тоже. Он ведет аккуратно, но я понимаю, что магмобиль разгоняется все быстрее и, оказавшись вдали от оживленных улиц города, ускоряется еще сильнее.

Ветер треплет волосы. Яркое солнышко слепит, и начинает свербеть в носу, будто в него попала пыль. Я чихаю. Один раз, потом еще... и еще... Что за демон? Слышу рядом чихание Дара, но оно доносится словно через плотное облако. Меня начинает вести, и глаза слипаются. Ничего не понимаю! Что вообще случилось?

Пытаюсь выдернуть себя из сна, но у меня не получается. Когда магмобиль резко дергается в сторону, на миг открываю глаза и с ужасом замечаю, что Дар уронил голову на кристалл управления и тоже, похоже, спит.

Накрывает паника, но я не могу ни кричать, ни взять управление на себя, потому что окончательно отрубаясь. Лишь сквозь сон чувствую удар, свободное падение – и все. Темнота. Даже успевает мелькнуть мысль о том, что это смерть. Может быть, именно так она и ощущается: пустотой и безвременьем.

Мне очень не хочется там оставаться, и я упорно борюсь, пытаюсь вернуться в реальность. Но сделать это непросто. Получается у меня не сразу.

Укачивает. И подступающее к горлу ощущение тошноты заставляет меня окончательно очнуться. Медленно открываю глаза и не сразу понимаю, что происходит, так как мир передо мной качается. Точнее, качается стена и небольшое окошко перед глазами. Пахнет морем, я слышу шум волн, а значит, я по-прежнему где-то в Монарко. Но понять бы, где и как тут очутилась. Последнее, что помню, – летящий непонятно куда неуправляемый магмобиль.

Я жива. Наверное, это неплохой результат падения.

Дергаюсь, пытаюсь поменять позу. Ничего не получается, так как я... связана. Это плохо. Пытаюсь устроиться поудобнее

и понимаю, что мир качается не потому, что я приложилась головой, хотя она и болит, а потому, что нахожусь в трюме. Вероятнее всего, яхты, и мы просто в море. Да что, демоны заberi, происходит! Кому мы втроем понадобились? И втроем ли?

Поворачиваю голову и вижу рядом с собой Дара. Он лежит на боку со связанными руками и не подает признаков жизни. Энджела нигде нет. Сердце подскакивает к горлу, и тошнота усиливается. Накатывает паника. Я боюсь потерять Дара. Я уже видела его умирающим и не готова пережить это снова.

– Дар... – шепчу я и ужом подползаю к нему ближе. – Дар! Очнись!

Я не могу понять, жив он или нет. Отсюда непонятно, есть ли дыхание, а руку протянуть не получается. На запястьях тугие веревки, сковывающие движения.

Пытаюсь выкрутить руки и так, и этак, стираю до крови кожу и шиплю от бессилия, когда крепкие путы не поддаются. По щекам текут слезы. Я уже готова разрыдаться от отчаяния, когда ресницы Дара вздрагивают и он медленно открывает глаза.

Слава всем богам, жив! От облегчения я все же начинаю реветь, ненавидя себя за слабость.

– Что за фигня происходит? – хрипло говорит он и, тяжело опираясь на локоть, присаживается. – Демоны, как болят ребра! Где это мы? Ничего не помню, как пыльным мешком по голове ударили.

– Не знаю. – Я качаю головой и всхлипываю, пытаюсь придвинуться ближе и положить голову ему на плечо. – Похоже, где-то в море на яхте.

Дар замирает, словно прислушиваясь к своим ощущениям.

– Ну да... похоже на то, – соглашается он и нежно целует меня в волосы, успокаивая. – Твой сумасшедший парень решил от нас избавиться таким изысканным способом? Интересно, просто убить было бы проще... Но, видимо, не так интересно.

– Да почему он? – Я вяло пытаюсь отрицать очевидное, хотя в этом нет никакого смысла. Просто не хочется верить в то, что Энджел мог бросить нас связанных на яхте, а перед этим усыпить. Мы же могли погибнуть! Да и сам Эндж тоже. Это какой-то бред!

– Ну а кто? – задает Дар справедливый вопрос. – Давай смотреть правде в лицо? Где он? Каро, не будь наивной! Он попросил его

отвезти, хотя любой нормальный мужик набил бы мне морду. Я даже был морально готов и не сильно бы сопротивлялся, потому что он имел на это право. Когда он повел себя до тошноты цивилизованно, уже закрались подозрения. Не понимаю, почему я все равно пошел у него на поводу! Я не знаю, что он сделал, но, когда он был с нами в магмобиле, мы отрубались. А теперь пришли в себя связанными. И ты до сих пор гадаешь, кто в этом виноват?

Морщусь, Дар прав. От этого больно, и я не могу понять, чего Энджел хотел этим добиться и где он сам.

– Ну ничего. – Дар усаживается поудобнее, пытаюсь освободить руки. – Сейчас только от этой фигни избавимся, и твой Энджел пожалеет.

На лбу парня выступают вены, мышцы напрягаются. Я не сразу понимаю, что Дар пытается избавиться от пут с помощью магии, но, похоже, у него это не очень хорошо получается.

– Что за демоны? – бормочет он раздраженно, дергая веревки сильнее.

– В чем проблема? – напрягаюсь я. – Магия... Она пропала, да?

– Я хотел пережечь веревки, но магия не действует, и у меня снова только лед... – начинает он и замолкает. А потом на его лице появляется понимание, и Дар шипит: – Демонов засранец!

– Кто? – хмурюсь я, а он смотрит на меня удивительно спокойно. И от этого почему-то становится еще страшнее.

– Ты еще не догадалась, Каро? – тихо интересуется Дар.

– Не понимаю, прости...

Дар выдыхает, отклоняется на стену и почему-то начинает издали:

– Знаешь, каким было тайное увлечение Кита? То, о котором знал только я? И я-то узнал случайно. Просто потому, что нас однажды перепутали. Мне кажется, Кит так и не простил мне того, что я раскрыл эту тщательно скрываемую тайну.

– Каким?

– Он был основателем «Ангелов»... – говорит Дар.

– Кит был «ангелом»? – удивляюсь я. – Тем, на место которого пришел Эндж...

– Ну Каро... – Открывается дверь в трюм, и на нас падает яркий луч света. – Ты же всегда была умной, так не огорчай меня сейчас.

Я, признаться, думал, что ты поймешь все первая. Когда догадался, брат?

* * *

Дар смотрит на феникса с легкой грустью в глазах.

– Наверное, когда ты сказал, что написал песню для Каро. Это ведь не первая песня про нее. Ты всегда был слишком сентиментальным.

Энджел пожимает плечами, не отрицая, а Дар продолжает:

– Ангел-Энджел... Примитивно, но действенно. Кит все это время был рядом, так ведь, брат? – спрашивает Дар, и Энджел хищно улыбается.

А я понимаю, почему на него запала. Как он вообще умудрился меня зацепить, хотя я не переставала любить Дара. Почему он меня притягивал.

Глаза! При всей полностью изменившейся внешности глаза у Кита остались его, и сейчас, глядя на парней вместе, я не могу понять, как не замечала этого раньше. У них не только одинаковые глаза. Еще глаза Энджела совершенно не подходят к его внешности, смотрятся чужеродно. И он дурил меня два года...

От осознания этого кружится голова. Мне физически плохо. Ему было легко. Он слишком хорошо знал Дара и неплохо – меня. Осталось разыграть усовершенствованную копию брата, и я сдалась, потому что просто хотела немного счастья.

– Дар, я забрал у тебя то, что по праву принадлежит мне, – буднично сообщает Энджел, и на его руках вспыхивает пламя. – Мне не хватало моего огня. Ты эгоистичный и жадный, Дар. Ты лишил меня всей магии. Ты всегда думал только о себе. Вы оба...

– Я не звал тебя тогда, Кит, – с болью говорит Дар, и я по глазам вижу, что он снова мыслями возвращается в тот день, когда избавился от экзоскелета, но потерял брата.

У меня самой перед глазами пламя, в котором сгорает Кит.

– Не звал, а она звала... Потому что ты был слишком повернут на своих желаниях и ее бы не послушал. Я единственный, кто мог тебя остановить. Единственный, кто был способен спасти твою задницу.

Я вырос с этой мыслью, Дар. Я единственный, кто может удержать тебя от глупости, и я удерживал раз за разом. Неужели ты не понимал, что это не может длиться вечно? Неужели не понимал, что однажды мы сорвемся оба? В тот раз я просто не сумел остановить тебя вовремя и погиб.

– Поэтому ты нам мстишь? – спрашиваю я, чувствуя тошноту.

Я долгое время встречалась с братом Дара и не могу это переварить. Мне физически плохо. Из-за лжи, из-за того, что он мог улыбаться и быть идеальным для меня только ради мести, чтобы в один прекрасный момент отомстить мне и Дару. Во что же превратился Кит?

– И да, и нет... – тихо тянет он. – Мне сложно сказать, в какой момент я решил, что вы тоже должны страдать.

В глазах Кита – пугающее до икоты безумие. Я считала сумасшедшей себя, но даже не заметила, что сама живу с манипулятором и психопатом.

Он спускается по невысокой лестнице и присаживается на подлокотник стоящего в углу кресла.

– Мне было больно, Дар... – проникновенно говорит Кит.

Он смотрит в глаза брата, но мурашки бегут по моей спине.

– Ты просто не представляешь, как мне было больно. Сначала сгорать заживо изнутри, чувствовать все до последнего вздоха. Молить о беспамятстве, но не иметь возможности отключиться... А ты даже не пришел на мои похороны. Я в это время корчился в агонии и орал так, что бабушке и мирс Амелии пришлось установить на стены звукоизоляцию. Я провел в аду долбаный год, когда на обугленные кости по крошечному кусочку в день нарастало мясо, когда измученное тело затягивала тонкая кожа, которая лопалась даже от малейшего вздоха... Я чувствовал все. Дни, недели, месяцы мучительного беспамятства, когда я не мог двигаться и говорить, когда еще не восстановились глаза и я ничего не видел. Все это время вы жили в свое удовольствие...

Это неправда. Никакого удовольствия не было, но я понимаю, что бесполезно говорить об этом фениксу. У него своя правда и своя боль, которая, возможно, и сделала его сумасшедшим.

– Я не просил... – зло повторяет Дар, но опускает глаза.

Я чувствую, ему непросто дается этот разговор. Он слишком остро ощущает свою вину перед братом.

– Ты знал, что я не позволю тебе умереть. Ты это знал, и у тебя была только твоя цель. И тебе было наплевать на то, как много людей пострадает на пути ее достижения.

– Кит... что ты собираешься делать? – тихо спрашиваю я. – Зачем все это?

– Не знаю... – неожиданно говорит он. – Когда по вашей вине не стало бабушки, ни тебя, ни его не было на ее похоронах. Это был мой первый выход в люди. Я был слаб, я мог передвигаться только в инвалидном кресле, которое катили совсем чужие люди. Когда пришел в себя ты, Дар, у твоей кровати был я. Я был там каждый день, каждую ночь... А ты?

– Я думал, ты погиб! – кричит Дар. – Мне никто не сказал, что ты возродился! Никто!

– Если бы ты не сбежал трусливо зализывать свои душевные раны, если бы подумал даже не обо мне, а о бабушке... Ты бы понял, что они скрывают! – выплевывает феникс. – Но ты для этого слишком эгоистичен.

Дар замирает, и я осторожно, пока не видит Кит-Энджел, пытаюсь придвинуть свою ногу к его, просто чтобы хотя бы так поддержать.

– Молчишь? Ты был мне нужен в том бреду. И когда я начал потихоньку приходить в себя, тоже. Заметь, мне даже экзоскелет был недоступен. Я был слаб, беспомощен и хотел поговорить. Правда, Дар. Если бы вы с Каро пришли и оплакали бабушку вместе со мной...

Кит замолкает, а я чувствую, как по щекам текут слезы. Смотрю на Дара. Он бледнее мела, он словно пропускает через себя все эмоции брата, и сейчас ему в разы тяжелее, чем мне.

– Мне жаль, Кит... – выдавливают он.

– Теперь ты понимаешь, что я тогда испытал? Неприятно, да? А потом пошло долгое восстановление, и я понял, что не хочу, чтобы кто-то обо мне знал. А вот вы двое...

Он говорит про нас, но переводит взгляд на меня.

– Вы должны были понять, как это больно, когда в момент беспомощности от тебя отворачиваются все. Вот ты, Каро, больше всего боялась стать зависимой. Не так ли? Ты так тряслась над своей независимостью. Даже смешно. Ты одолела двух маньяков, сильная

и смелая девочка... Как много ты могла без Энджела? Из уверенной в себе спортсменки превратилась в зашуганную, медленно сходящую с ума куклу. А я просто не мог решить, что для тебя лучше: смерть или лечебница. Поэтому и привез сюда. К Дару. Напомнить, чего он лишился. Это же его привычка – поиграть и выбросить. Так ведь? Ты забрал мою жизнь, чтобы стать достойным Каро. Ты так ее любил, что наплевал на меня, здравый смысл и людей, которым был дорог. Но при первом же удобном случае выкинул ее из своей жизни. И ее – потерянную, одинокую и сломленную – подобрал Энджел... Видишь, как забавно?

Я слушаю Кита и понимаю: он не в себе. Наверное, мы все не в себе. Только тогда, когда нам с Даром помогали близкие, Кит оказался наедине с собой и болью. Страшно признаться, но таким его сделали мы.

Глава 14

– Ты нас убьешь? – дрожащим голосом спрашиваю я, понимая, что веревки стягивают тело слишком сильно и вся надежда – на ментальную волну.

Пытаюсь прощупать Энджела-Кита, но не могу. На нем словно блок или что-то совершенно непонятное, на что не действует ментальная магия. И это страшно. Я совершенно беспомощна и не верю, что феникс, который организовал в нашей жизни весь этот кошмар, просто нас отпустит.

– Предполагалось, что ты убьешь его... – Кит или все же Энджел качает перед моим носом своим кулоном. – План был отличным. И, Каро, не пытайся залезть мне в голову. Там и без тебя ничего хорошего. Я феникс, если ты забыла. Не человек. Я даже не жив... так, сгусток энергии, облаченной в физическую оболочку. Существо без души, жалости и здравого смысла. Знаешь, Дар, – обращается он к брату. – Теперь я понимаю, почему ты осознанно или нет искал смерти. Но видишь, какая засада... Я даже не могу пойти по твоему пути. Он для меня закрыт. Я первозданное пламя, меня нельзя убить. Хотя... – Кит хмыкает. – Однажды я пробовал. Возродиться неприятно. Но, к счастью, это занимает не год, как после первой смерти. Второй раз я бы подобного не выдержал.

– И все равно не понимаю, зачем ты это делаешь? – подает голос Дар. – Я не жду, что ты выслушаешь меня. Отчасти понимаю ненависть. Но что ты делаешь сейчас? Зачем? Есть же у тебя какая-то цель? Хочешь убить? Бросить на произвол судьбы связанных без еды и воды на дрейфующей в море яхте? Поговорить?

– Цель... – Феникс пожимает плечами. – Я хотел, чтобы вы страдали. Но вы, как два долбанных магнита, примагнитились намертво. Ты жив, а она явно уже сообразила, что ей не нужна лечебница для умалишенных. Я проиграл, но я не люблю проигрывать. Возможно, просто стоило уехать... сдаться, начать новую жизнь... Но у меня нет жизни за пределами вас двоих! Вы двое – моя долбаная жизнь! И единственное, чего я хочу, – это освободится от вас.

Кит, словно играючи, проводит кончиками пальцев по стене, и на ней начинают плясать языки пламени. Он правда сумасшедший и хочет нас сжечь? Избавиться, как он сказал?

– Что ты творишь?! – воплю я, потому что это страшно.

– Восстанавливаю справедливость. Все началось с пламени. Им и закончится...

– Убьешь нас? – спрашивает Дар безразлично.

Но обмануть не может ни меня, ни Кита. На шее вздутые вены, злой взгляд. Он пытается освободиться от оков, и я знаю, у него непременно это получится. Дар упрямый.

– Нет... – Феникс пожимает плечами, а за его спиной пылает стена. – Я не могу... к сожалению, – признается он. – Все это бессмысленно. Она была полностью моей, но снова выбрала тебя. Ты ненавидел ее, но простил, когда она снова показалась на горизонте. И только я не научился жить без вас. Сегодня мы во всем поставим точку.

Феникс прикрывает глаза, и в этот момент Дар подскакивает и, схватив стул, замахивается. Но тут же отлетает в сторону, так и не успев ударить. Энджелу даже глаза не приходится открывать.

– Убьешь меня во второй раз? – лениво отзывается он. – Ты же знаешь, что это бесполезно.

На стене, в которую врезался спиной Дар, тоже вспыхивает пламя, а перед нами, раскинув руки, застыл полыхающий феникс. Сейчас объятый огнем Энджел очень похож на Кита, только теперь пламя не убивает его. Оно перескакивает на стены и начинает пожирать их, как сожрет и нас, поставив, как сказал феникс, точку в нашей истории.

Только я этого не хочу. Слишком полюбила жизнь. Я пытаюсь подняться и подползти к Дару, который сползает по стене, держась за ребра. На запястьях – кровавые полосы от веревок. Нам некуда бежать, но я не намерена сдаваться.

Энджел с интересом наблюдает за нами. Его сил хватит, чтобы убить нас одним движением, но он медлит. А может, в нем все же осталось нечто человеческое и он действительно не может?

– Отпусти нас! – прошу я. – Неужели ты веришь, что после нашей смерти тебе станет лучше? Неужели ты не понял, что, причинив боль другому, не сможешь унять свою?

Энджел смотрит на нас пылающими глазами. Сейчас перед нами не человек, а сверхъестественное существо, которое создала сила рода и любовь. А значит, есть шанс, что крупинцы той самой любви еще остались где-то в душе феникса.

– Я вас не держу. – Энджел пожимает пылающими плечами и присаживается у стены демонстративно далеко от входа.

Дар смотрит на него с недоверием, но не медлит. Торопливо развязывает мне руки, и мы бросаемся на палубу. Нет времени даже смотреть по сторонам. Магическое пламя разгорается слишком быстро. Мы на крошечной яхте, а вокруг – бескрайнее море.

– «Я вас не держу», – эхом повторяю я и всхлипываю.

Все же в фениксе не осталось любви. Он обрек нас на смерть. Мы сами можем выбрать, сгореть вместе с ним на яхте или утонуть, пытаюсь добраться до берега. Горький выбор с одинаковым результатом. Пожалуй, я все же выберу море. Тонуть не так больно, как гореть... Наверное.

– Нет-нет-нет... – бормочет Дар, оглядываясь по сторонам. – Не верю, что Кит на такое способен, даже если он феникс. Пусть у него и поехала крыша, но он никогда не был подлым.

– Дар... мы не можем спастись, и он это знает, – с грустью говорю я. – Феникс – это не Кит, увы...

– Каро, если он сказал, что отпускает нас, значит, так и есть!

– Так и есть.

Пылающий феникс показывается на верхней палубе и указывает куда-то ниже. Дар покорно следит взглядом, и на его лице появляется улыбка.

– Тут есть магсерф, – облегченно выдыхает он и кивает в сторону прислоненной к бортику доски. – Мы выберемся. Но...

– Что «но»? – спрашиваю я.

Дар смотрит на брата, который, раскинув руки, лежит на верхней палубе в окружении языков пламени.

– Я должен поговорить с Китом.

Яхта уже пылает, и то, что хочет сделать Дар, отдает безумством. На верхнюю палубу он просто не попадет!

– Кит! – орет он и кидается в сторону. – Кит!

Сумасшедший! Они оба свихнувшиеся, каждый по-своему. И я с ними... Вспыхнувший огонь заставляет Дара шарахнуться

в сторону. Я тащу его за руку, намереваясь увести от пламени.

– Снова играешь чужими жизнями, пытаешься исправить свои прошлые косяки? – лениво отзывается феникс.

– Кит! – просит Дар, осторожно отступая от опаляющего пламени. – Пошли с нами. Пойдем домой, пожалуйста!

– А я уже дома, – лениво отвечает он, и я внезапно понимаю, что это не игра.

Лицо Кита искажает гримаса боли. Феникс собирается сгореть заживо! А этого я позволить не могу!

Огонь распространяется так быстро, что еще чуть-чуть, и мы не сможем уйти. Он уже лижет край магсерфа – нашего единственного шанса на спасение.

– Кит! – всхлипываю я. – Пожалуйста, пожалуйста! Мы тебя не бросим! Ну пошли с нами!

– Бросите! – искаженным от боли голосом, с каким-то тихим удовлетворением говорит он. – Вы всегда бросаете. Только сейчас это нужно мне. Уходите! – кричит он и корчится от боли.

– Пошли, – внезапно сдается Дар.

Он тащит меня по палубе к перилам и, пока я не начала сопротивляться, выкидывает за борт. А следом прыгает сам с магсерформ. Тот бьет по волнам где-то над головой, пока я трепыхаюсь в воде. Выныриваю и пытаюсь отдышаться, когда Дар затаскивает меня на доску.

– Мы не можем его оставить тут! – плачу я. – Не можем, это несправедливо. Он слишком много пережил. Кит... он снова сгорает! Проходит через ту же боль, которую уже однажды пережил по нашей вине!

– Он слишком много натворил, – глухо отзывается Дар и неотрывно смотрит на пылающую яхту, от которой мы отплываем.

– Это не повод обречь его на такие страдания.

– Он сам сделала этот выбор, Каро. Он, не мы. Ты же слышала: ему надо, чтобы мы оставили его.

Я рыдаю, наблюдая за тем, как красивое белоснежное судно разваливается и исчезает под водой. Кит где-то там. И хотя я знаю, что он феникс, меня не покидает мысль, что ему так же больно, как и в прошлый раз. И он снова один.

– Он правда хотел нас сжечь, да? – тихо спрашиваю я, не понимая, как Кит, которого я знала, превратился в... это.

– Хотел, – не отрицает Дар. – Сначала хотел свести тебя с ума и запрятать в лечебницу. И потом, видимо, показать мне, что с тобой стало. Затем передумал. Решил, что будет интереснее, если ты убьешь меня здесь, в Монарко. И будешь мучиться всю жизнь в оковах и на таблетках. Потом, когда понял, что план не удался, решил сжечь. Он ненормальный, Каро.

– Но... Дар... мы снова его бросили. Мы не лучше.

– Неужели ты не понимаешь, Каро? – со вздохом спрашивает Дар, прижимая меня спиной к себе. Мы сидим на доске магсерфа, которую уносит все дальше в море.

– Что я должна понять?

– Ему это нужно.

– Чтобы его бросили?

– Смотри, – велит он, и я послушно наблюдаю, как последние части пылающей яхты скрываются под водой. Вместе с ними море забирает и феникса. Он где-то там, в этих пылающих обломках, и мы с Даром второй раз наблюдаем за смертью Кита.

На секунду море становится гладким. Нет даже ряби, и ничего не напоминает о том, что когда-то тут была яхта. Но потом из воды стремительно вылетает пылающая стрела и взмывает в небо, превращаясь в огненную птицу, расправившую крылья. Это так величественно, что перехватывает дух.

Птица делает круг над нашими головами и исчезает в небе, а у меня на душе становится чуть лучше.

– Феникс, – говорит Дар. – Он слишком много натворил, Каро. Он никогда бы себе этого не простил. Смерть для него была единственным выходом.

– А сейчас он возродился и сможет начать с чистого листа?

– С чистого вряд ли получится. Воспоминания никуда не денутся. Но он очистился через огонь и боль. Это перерождение. Он оставит свое безумие, боль и злость. И, возможно, частичку себя... Но у него все будет хорошо.

– Он больше нас не будет преследовать?

– Думаю, нет, – задумчиво отвечает Дар, все еще изучая небо. – Но вряд ли мы когда-нибудь увидим его снова.

– Думаю, мы услышим его песни.

Вокруг нас – бескрайнее море. Солнце опалает, и уже хочется пить, но, несмотря на это, я чувствую: все будет хорошо. И у Энджела-Кита тоже. Пусть и без нас.

Сейчас мне мучительно думать об этом. Он растоптал меня, окунул в грязь Дара... Но не скажу, что у него не было на то оснований. Я надеюсь, что пламя, в котором он сгорел, действительно очистило его душу. И что возрожденный феникс когда-нибудь сможет нас простить, а мы, возможно, простим его. Пусть не сейчас, но однажды этот миг наступит.

– Ты представляешь хотя бы примерно, куда нам плыть? – спрашиваю я у Дара, обнимающего меня за талию.

Пока мы просто сидим на доске в волнах, которые становятся все сильнее. И, несмотря на царящее в душе умиротворение, расслабляться рано.

– Да, знаю. Не переживай. – Дар нежно целует меня в волосы. – В последние три года я излазил тут все вокруг, и у меня никогда не было проблем с ориентацией в пространстве. Теперь я точно никуда тебя не отпущу и не потеряю. Не сейчас, когда все наконец закончилось и мы можем быть счастливы.

Дар помогает мне подняться и поустойчивее встать на магсерфе. Нас тут же окутывает прохладный ветер. Ледяная магия выравнивает магсерф, и мы покоряем первую волну. Соленые брызги в лицо, опаляющее солнце, и за спиной – самый лучший парень на свете. Пусть я устала и измотана, пусть раны на сердце будут заживать долго, но я точно знаю, что, как только мы достигнем берега, Монарко примет меня, и все в моей жизни будет хорошо. Я впервые за долгие годы бесконечно счастлива и любима.

Мы добираемся до берега на закате. Вытаскиваем доску на песок и падаем рядом, взявшись за руки. Над нами бесконечное звездное небо, луна полумесяцем и тишина. Нас вынесло за пределы города. Наверное, чтобы добраться до нашей виллы, придется еще очень долго идти, а сил нет. Но я все равно счастлива. Счастлива лежать рядом с Даром и смотреть на звездное небо, слушать тишину и мечтать о будущем. Теперь между нами и будущим нет никаких «но». Все в наших руках.

– Каро, ты ведь никуда не исчезнешь? – спрашивает он. – Я не шутил, когда говорил про школу магсерфа, про интернат и рай на отдельно взятом острове. Я всего этого очень хочу, но мне ничего не нужно без тебя.

И это лучшее признание в моей жизни. Оно такое, каким и должно быть у нас с Даром. Мы все в соленой корке, с облезлыми носами и следами веревок на руках, но все равно бесконечно счастливые и влюбленные.

– Мне тоже ничего не нужно без тебя, – признаюсь я. – И мне тоже хочется хотя бы недолго пожить в раю. У меня с этим островом отношения не заладились с самого начала, но я верю, что ты покажешь его с другой стороны. Покажешь же?

– Конечно. Я заставлю тебя его полюбить.

Мы поднимаемся и, бросив доску на берегу, медленно бредем вдоль кромки воды в сторону города, сверкающего вдалеке огнями. Впереди – вся ночь на дорогу и целая жизнь на то, чтобы воплотить мечты в реальность.

– Как думаешь, куда отправился Кит? – спрашиваю я спустя время. Этот вопрос не дает мне покоя.

– Не знаю. – Дар пожимает плечами. – Но могу тебе точно сказать, чего он никогда в жизни не бросит и где мы всегда сможем его найти.

– «Ангелов»?

– Да, он Энджел. Всегда им был и всегда останется. Надеюсь, там он сможет найти себя. Сейчас он точно перестал быть моей тенью, и я рад, что для этого ему не пришлось меня убивать. Иногда я думал, что разорвать нашу зависимость друг от друга сможет только смерть.

– Так и вышло, – замечаю я. – Но верю, что новая жизнь принесет Энджелу больше радости. Ну а мы продолжим с тобой жить ту, которая есть у нас. Не знаю, как ты, а я убедилась в ее ценности. И не собираюсь терять ни дня.

Эпилог

Год спустя

Сегодня особенно жаркий день. И в прямом, и в переносном смысле. Несмотря на то что я привыкла к погоде Монарко, этим утром пришлось надеть шляпу. Я с трудом представляла себя в шляпе еще год назад. Казалось, что крутые девочки и шляпы несовместимы. Но если у тебя черные волосы и ты живешь в раю, ты очень быстро перестаешь следовать своим незыблемым принципам, если они касаются головных уборов.

– Кира, ну куда ты! – кричу я черноволосой девчонке, которая чем-то похожа на меня. Она уже схватила магсерф и мчится к волнам. – Стой, где стоишь! И Дрейка тоже забери! Не смейте лезть в воду без взрослых! И надень, всех богов ради, панаму! Нам только солнечных ударов тут не хватает!

У нас сегодня важный день. Открытие школы. Огромное здание давно достроено и даже какое-то время функционирует. Оно возвышается сразу за водоохранной зоной на пляже. Мы построили его, выкупив землю под сгоревшей виллой Энджела. Нам показалось, что это правильно. Заполнить чем-то хорошим, добрым и светлым те места, воспоминания о которых до сих пор отдаются болью в сердце. Например, спортивной школой для детей с травмами. Не только физическими, но и психологическими.

Мне кажется, задумка удалась.

Несмотря на несколько месяцев плодотворной и активной работы, официального открытия у нас еще не было. Мы хотели, чтобы на него приехали люди, которые нам дороги.

Сегодня мы ждем шэха и его преемника – Волка. Я скучаю, не видела ни того, ни другого целый год и очень хочу обнять обоих. А наш штат пополнился еще одним педагогом. С одной стороны, мне нелегко было ее принять, но с другой, я понимала, какую неоценимую помощь она может нам оказать.

У нас теперь есть Тора. Мне все же пришлось пойти к ней и проработать все то, что не давало спокойно жить даже спустя годы после травмы в прошлом. Теперь я надеюсь, что она сможет восстановить психику многих детей, которые пережили слишком много для своих лет.

Дара с утра нет. Это немного нервирует, но я знаю, что на открытие он не опоздает. Это точно.

Сейчас собираются многие значимые для нас люди. Приехали Агния и Ян. Я вижу их на трибунах перед морем. Один из важных моментов открытия – это выступления магсерферов. Рядом с Агнией ее бабушка. Мирс Валери постарела, но до сих пор вызывает уважение и трепет. Мара, к сожалению, приехать не смогла, она сейчас ждет ребенка, и ее история – это то, о чем я всегда вспоминаю с улыбкой. Никогда не думала, что Снежная королева найдет свою любовь.

Зато есть Лестрат, и он не один. Я вглядываюсь в его спутницу и не понимаю, как эта пара может быть вместе, но все равно рада. В нас с Даром тоже никто не верил, поэтому не мне судить других.

Пожалуй, не хватает только Кита, но даже он смог передать свой привет. Сегодня вечером в Монарко – первое в истории острова выступление «Ангелов», и у нас с Даром два билета в ВИП-зону. Это не примирение и не прощение. Это просто небольшая ниточка, связывающая нас с прошлым, вернуть которое не получится никогда. И мы еще не приняли окончательное решение – пойдём или нет.

Дар появляется минут за пятнадцать до начала и первым делом подходит ко мне, чтобы поцеловать. Мне нравится эта наша традиция. Он в белом, и я улыбаюсь, потому что этот цвет необычайно ему идет. Это символ победы над болью и над сложностями на пути к успеху. Я горжусь им и не могу оторвать взгляд, когда он запрыгивает на сцену и берет в руки микрофон, чтобы сказать приветственное слово.

Все сливается в веселую карусель: поцелуи в щеку от друзей, речь мэра, подарки, слова благодарности родителей. Весь этот год, пока достраивалось здание, мы работали не покладая рук. Проводили тренировки на песке, ни на миг не оставляя свое начинание. И сегодня принимаем заслуженные поздравления.

Времени нет даже перекинуться парой слов. Мы с шэхом договариваемся принять его команду на сборы и обговариваем программу тренировок, чтобы они могли быть инклюзивными. Так мы

хотя бы на время сборов сможем создать смешанные группы. Это пойдет на пользу и тем и другим спортсменам.

Я уговариваю Волка приехать через пару месяцев с мастер-классом для наших. Он обещает взять с собой несколько человек, которые занимаются особенно активно. Неделя в Монарко для многих из них подарок и недостижимая мечта, которую мы с Даром вполне способны реализовать.

У мэра выбиваем гранты на бесплатные места, и я понимаю, что счастлива. Безгранично, абсолютно и бесповоротно. И Монарко как-то совершенно незаметно стал моим домом.

Поэтому, когда все наконец расходятся и мы остаемся в пустой школе одни, говорю Дару:

– Ты знаешь, я подумала, мы обязательно должны сходить на концерт «Ангелов».

– Ты уверена, что готова? – спрашивает Дар, и я киваю.

– Я готова. Не простить его, пока нет. Но слушать его песни – определенно. Возможно, в них он нам расскажет больше, чем смог бы сказать при встрече.

– Согласен, – кивает Дар и увлекает меня в сторону выхода. Наш день завершен, а вот ночь только начинается.

Сегодня концерт под открытым небом, и я волнуюсь, потому что впервые, пусть и издалека, увижу Энджела. Я так и не могу называть его Китом, наверное, потому что для меня Кит умер три года назад, а потом я познакомилась с Энджелом. И Энджела я простить не готова, а вот Кита... Кита не знаю.

На мне алое платье, и меня ведет под руку самый красивый парень на этой планете. За тот год, который мы провели вместе, я ни минуты не пожалела о том, что осталась тут. И сейчас этот концерт необходим нам, чтобы поставить точку на прошлом и начать жить настоящим.

На моем пальце кольцо. С крупным камнем, все как полагается, хоть и я ношу его крайне редко. На тренировках украшения недопустимы ни для тренирующихся, ни для тренера, но сейчас я посчитала правильным его надеть.

Мы еще не определились с датой свадьбы. Знали только, что сначала откроем школу, а потом все остальное. Такие уж мы. И кольцо... Мне не дарили его при полной луне с вином и розами,

просто в один момент Дар признался, что не знает мой размер, и мы поехали и выбрали вместе.

Ну как выбрали... Зная, что я равнодушна к украшениям и кольцо носить не буду (за исключением редких выходов в свет), Дар просто ткнул пальцем в самый дорогой и крупный камень.

Я не спорила. Лишь бы моему любимому человеку было приятно.

А все предложения при свечах, торжества по случаю помолвки... Нам это не нужно. Мы и так знаем, что всегда будем вместе. В любые времена и несмотря на все обстоятельства.

Мы пережили слишком многое, чтобы для нас имели значение какие-то формальности. Но свадьбу пришлось пообещать. У наших друзей не так много поводов приехать в Монарко. Вот, может быть, через год. Когда немного войдем в колею. Или через два... Шум волн, ласковое солнце, золотой песок – все это не располагает к спешке.

Распорядитель концерта проводит нас в ВИП-зону, расположенную практически у самой воды. Здесь столики стоят прямо на песке, и на каждом – зажженные свечи, цветы и игристое.

Сцена для вступления «Ангелов» прозрачная и висит прямо над морем. В темноте я даже не сразу понимаю, что она есть. Голоса гостей смолкают. Вспыхивают прожекторы, и в тишине, которую прерывает лишь шум волн, на сцене один за другим начинают появляться «ангелы». У них прозрачные переливающиеся крылья и хрустальные завораживающие голоса. Никто не знает, что это за магия, но голоса «ангелов» никого не оставляют равнодушным. Они пробираются, кажется, прямо в сердце.

Их лица закрывают маски, их фигуры совершенны, а движения даже у меня вызывают профессиональное восхищение. Их концерт всегда выворачивает душу наизнанку, а сегодня они поют для нас. Может, я слишком самонадеянна, но почему-то мне кажется именно так.

Хрустальные голоса звучат а капелла, разливаясь в пространстве хрустальным звоном горного ручья, но что мне доставляет боль – так это то, что Энджела среди них нет. Мы с Даром переводим взгляд с одного «ангела» на другого и убеждаемся в этом.

– Он нас обманул? – удивленно спрашиваю я, не понимая, зачем нам эта подстава и чем она грозит. Слишком хорошо помню, во что нашу жизнь превратил феникс. Он способен на все.

– Или, может, хочет сказать, что больше не будет нам мешать? – предполагает такой же растерянный Дар.

Я до сих пор не могу разгадать все послания феникса. Он стал совсем другим, и непонятно, что у него в голове. Как это скажется на нас с Даром, предугадать вообще невозможно. Напрягаюсь, когда голоса «ангелов» затихают, а сцена и берег погружаются в темноту. Гаснут даже свечи, которые горели на каждом столике.

В тягостном молчании слышно лишь дыхание зрителей, которые не могут сдержать волнения. Я чувствую, как пальцы начинают дрожать. Феникс снова играет с нами?

Испугаться не успеваю. На сцене вспыхивает столб пламени, и зрители режут в одном восхищенном порыве.

А вперед делает шаг Энджел. В золотой маске и с расправленными за спиной полыхающими крыльями. Его голос сильный, он способен заглушить и шум моря, и музыку, которая ему аккомпанирует. И эта песня тоже для нас. Она яростная и слишком динамичная, а в голосе огненного «ангела» скорее рычат моторы, чем поет хрусталь. Но этот голос тоже прекрасен. И тоже пробирает до мурашек.

Это еще не прощение. Мы слишком много причинили друг другу боли, но мы все живем и двигаемся дальше. И, возможно, когда-нибудь в этом мире феникса-Кита тоже ждет счастье. По крайней мере, я хочу в это верить, потому что такие песни совершенно точно не может написать существо без души.

Kum

У ангела расправленные пылающие крылья. У ангела золотая маска, скрывающая лицо. У ангела чарующий голос и выжженная пустота вместо души.

Эту пустоту заполняет песня, потому что, кроме музыки, у меня ничего не осталось. Лишь она заставляет меня жить, дышать и чувствовать. Лишь она удерживает меня на грани безумия, хотя иногда мне кажется, я эту грань все же переступил.

У меня чужая внешность. У меня нет друзей. Я предал любимую и брата. У меня нет цели. И я не могу даже умереть, потому что вновь

возрожусь из пепла. Но у меня есть музыка и голос. Это мое оружие, мой способ общения с миром и мой единственный смысл жизни, потому что я даже не человек – я феникс, у которого нет права на счастье.

Спасибо за выбор нашего издательства!

Поделитесь мнением о только что прочитанной книге.

